
УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. Wyszogrodzka, 16

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zł.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Wpływ badań naukowych. (28.04.2013 - 30.04.2013) - Bydgoszcz: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013. - 104 str.
ISBN: 978-83-63620-99-8 (t.4)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji 28.04.2013 - 30.04.2013 roku. Bydgoszcz.
Część 4.

УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

ISBN: 978-83-63620-99-8 (t.4)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ
СЕКСЈА 22. FILOLOGIJE. (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Трeпачко А. Н.....	5
АРХАИЗМЫ И СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	
2. Саъдулла М.	9
ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ	
3. Тодуа М., Арахамия Н.....	13
ПАРАДИГМЫ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ PARADIGMS OF MORAL IDEALS IN THE GEORGIAN LITERATURE	
4. М. Todua.....	18
‘THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT „NEW” IN THE GEORGIAN HYMNOGRAPHY ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ „НОВОЕ,, В ГРУЗИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ	
5. А.Тkachuk.....	22
INVARIANTS OF PERCEPTION OF THE ABSTRACT PHENOMENON ‘ADVENTURE’	
6. Екимова О.Ю.	26
ЗАИМСТВОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	
7. Куренкова Т.Н.....	28
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СТИЛЕЙ	
8. Маймакова А.Д.	31
ИЕРАРХИЯ МОРФЕМНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ	
9. Миньяр-Белоручева А.П.	36
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	
10. Кашуба Н.В.	42
ПРОБЛЕМА ВИЗНАЧЕННЯ І ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ ПРЕДИКАТНОЇ СЕМАНТИКИ ДІЇ	
11. Петрінська Т.С.	48
ПРОБЛЕМАТИКА ДИСКУРСИВНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ТЕКСТОВОГО КОНЦЕПТУ В КОГНІТИВНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ	
12. Щербакова О.Л.	54
ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ПЕРИФРАЗУВАННЯ	
13. Теслюк Г.С.	57
МЕЖДУЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ФРАНЦУЗСКОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА	
14. Умеровой З. К.....	61
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА	
15. Маруневич О.В.	63
CONCEPT “FOREIGNER” IN RUSSIAN PHRASEOLOGY	

16. В'єнцко В. І.....	66
БОГ ТА ЧОРТ ЯК МАРКЕРИ ЕТНОСВІТОГЛЯДУ У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ ФРАНЦУЗЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ	
17. Ахмедова З.Г.....	76
СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВНИХ ФРАЗЕОЛОГІЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДАРГИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	
18. Киреева Л.В.....	78
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ	
19. Магомедова З.К.	81
ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ДАРГИНСКОГО ЭТНОСА	
20. Сулаева Ж.А.	83
УМ И ЗНАНИЕ В КУМЫКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ	
21. Головина Л.А.	85
VERBALIZATION OF THE CONCEPT "CLIMATE-WEATHER" IN F.S.FITZGERALD'S NOVEL "THE GREAT GATSBY"	
22. Федькова І. А.....	88
ДЕТЕРМІНОЛОГІЗАЦІЯ ХОРЕОГРАФІЧНОЇ ЛЕКСИКИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	
23. Ласица Л.А., Ачкасова Е.	92
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ «БРИТАНИЯ» В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ	
24. Велиева Б. Т.....	97
РЕАЛИЯ КАК НЕПЕРЕВОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕКСТЕ	
25. Сидорук Д.І., Басок В.А.	99
ВІДТВОРЕННЯ СЕМАНТИКИ ЮРИДИЧНИХ ТЕРМІНІВ В ПЕРЕКЛАДІ ПРОЕКТУ ЦИВІЛЬНОГО КОДЕКСУ ЄВРОПИ	

ПОД- СЕКЦИЯ 1. Литературоведение.

Трепачко Анна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель кафедры русского языка
ФГАОУ «Северо-Кавказский федеральный университет»

АРХАИЗМЫ И СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

В текстах двадцатого века наблюдается широкое употребление слов-архаизмов, часто без сниженного стилистического окраса. По-видимому, чувство слова и его восприятие формируют глубинные утверждения авторской мысли. Факт размывания границ «низкого» и «высокого» после Пушкина становится естественным в русской литературе. Это, с одной стороны, – прогресс стиля, с другой, – разрыв с традицией классического искусства, когда вся лексика распределялась в соответствии с принадлежностью к определённому жанру. Так или иначе, гены литературы, по естеству своей жизнедеятельности, проявляют свою сущность в поколениях литературных жанров и стилей.

Показательно в творчестве Д. Самойлова употребление слова «очи», встречающееся в его текстах. В стихотворении «Вот и всё. Смежили очи гении» слово «очи» обосновано выбором темы. Самойлов, посвятивший стихотворение своим учителям: А. Ахматовой и Б. Пастернаку, выразил глубочайшее признание их поэзии. Он был одним из первых, кто откликнулся на смерть поэтов. В воспоминаниях Самойлов пишет: «После смерти Пастернака больше всех нужна была русской поэзии Ахматова. Поэзия падает, когда в ней не присутствует гений» [1, с. 131]. После смерти Ахматовой Самойлов говорил, что литературный процесс лишился опорных фигур. В стихотворении Самойлова философские взгляды, обусловленные нравственным началом, отражают его духовную сферу. В разработке темы о потере поэтов – гениев Д. Самойлов раскрывает актуальный для двадцатого столетия мотив «померкнувших небес», представленный как момент не только социальных (В. Шаламов, И. Лиснянская), но и культурных катастроф. Смерть гениев осмысливается поэтом и как культурная катастрофа, и как возросшее чувство ответственности перед поколением:

Вот и всё. Смежили очи гении.

И когда померкли небеса,

Словно в опустевшем помещении

Стали слышны наши голоса.

Архаизмы в стихотворении («смежили», «померкли», «небеса») являются естественным окружением для лексемы «очи». Понимание Самойловым формирования поэзии после Ахматовой и Пастернака появилось не сиюминутно, а как отмечает И. Прусакова, «в процессе постоянной работы интеллекта. У древних еврейских богословов было понятие «отречение от принципа», как у Самойлова: «Нет у их, и всё разрешено» [2, с. 202-205]. В основе слов, таким образом, лежали слова нравоучительные. Но Самойлов не проповедник, он лишь противопоставил

принципы нравственности принципам абсолютной свободы.

Заметим, что архаические обороты у Д. Самойлова, отражающие «высокую» тему, могут располагаться в тексте рядом с просторечием. Лексема «нету», (просторечие), сочетаясь с лексикой контекста, является разграничителем в образовании логико-понятийных авторских связей. Такое сочетание лексики, по словам Эйхенбаума, было свойственно Тютчеву, Хомякову, Ахматовой. По нашим наблюдениям, это качество присуще многим поэтам двадцатого века: Тарковскому, Строчкову, Слуцкому, Соколову и другим, что является показателем формирования текста по правилам сгущения разнонаправленной мысли, позволяющей внести в традиционное восприятие слова какой-либо новый смысловой элемент. Л. Зубова, рассматривая употребление слова «очи» в современной поэзии, отмечала: «Анализ употребления слова «очи» в поэзии последних лет показывает, что современное сознание оперирует теми смыслами высокого слова, которые сложились в поэтической традиции, и вместе с тем осваивает новый его смысл, который складывается в новых контекстах» [3, с. 110-116]. При непосредственном влиянии архаических слов на современный контекст рождается новая поэтическая система. С. Городецкий в манифесте «Некоторые течения в современной русской поэзии», анализируя творчество М. Зенкевича, отмечал: «Махайродусы и ящерицы – доисторическая жизнь земли – пленили его воображение; ожили камни и металлы, во всём он понял скрытое единство души» [4, с. 94]. У Д. Самойлова нет антиэстетизма, как у Зенкевича, но есть возврат к поэзии, эстетизирующей пресмыкающихся. Слово «очи», применительно к животным, встречается в цикле его стихотворений «Балканские песни», в песне о построении кладенца.

Пусть живёт в колодце жаба-
Неземное существо. Будет, будет эта жаба
Петь в колодце по ночам.
Будет месяц литься слабо
К золотым её очам.

Образ жабы, в соединении с лексемой «очи», возвращает читателя к абстрагированным образам символистов, к устному народному творчеству. В приведенном стихотворении Д. Самойлова жаба является хранительницей любви, образом загадочным, до конца не расшифрованным.

Лексический строй заключает в себе семантическую сторону: «В целостной структуре текста именно лексический уровень является тем основным горизонтом, на котором строится всё основное здание его семантики» [5, с. 27]. Заметим, что сочетание «низкого» и «высокого» встречается и у других поэтов двадцатого века, например, у Вознесенского:

Сволочь очи подымает.

Сопоставление просторечной лексики с высоким словом «очи» отражает образование новой смысловой сферы, причём грамматическая форма «подымает» является усилением при сопоставлении слов.

В поэзии Д. Самойлова лексема «очи» в стилистически сниженном значении находится в оппозиции с торжественным мировосприятием.

О, много ли надо земли,
Чтоб очи продрать на рассвете...

Тема раскрывается на фоне онтологических размышлений о том, что нужно человеку для счастья, происходит восприятие субъекта ничтожной малостью в мире природы и человечества.

О, много ли надо земли
Для истины, веры и права,
Чтоб засека или застава
Людей разлучить не могли.

Онтологические размышления встречаем у А. Межирова при созерцании им мира и постижении его законов. С глубоким печальным чувством размышляет поэт над его законами и смотрит на всё, «уставясь тяжело печальными очами» В стихотворении А. Межирова сочетание просторечия «устваясь» с торжественным словом «очи» также рассматривается как фигура, способствующая стилистическому снижению текста, но это ещё и элемент, наполняющий стихотворение особым смыслом. Л. Зубова писала, что в таких случаях «элемент высокого стиля поддерживает утверждение человеческого достоинства в унынии – своеобразное поэтическое сопротивление казённому оптимизму, которого официальная идеология требовала от автора» [6, с. 116-118]. Таким образом, в текстах поэтов двадцатого века происходит снижение стилистического статуса слов-архаизмов. С другой стороны, слова-архаизмы стали в современной поэзии изменять свой статус под воздействием системы языка, принимающей архаизмы как естественный языковой пласт, родственный современной лексике. О. Шульская в исследовании «Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова» отметила, что «изменение стилистического статуса слова заложено в системе языка». Следует отметить, что смешение стилей стало естественным процессом в литературе. Так, в идеологически направленной литературе, превозносившей патриотизм, не отмечалось употребление слов-архаизмов. В комсомольской патриотической песне все же появляется такая конструкция:

Вдруг боец молодой, вдруг поник головой,
И закрыл свои карие очи.
Ты, конёк вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих.

Рифма «очи» и «рабочих» выглядит не совсем правильно с учётом ориентира на нормы словоупотребления в идеологически направленной поэзии. Однако эти слова стали восприниматься как слова одного лексического пласта, подчёркивая высокое и торжественное в образе героя.

В литературе постмодернизма произошло расширение сочетаемости слов-архаизмов с обычной лексикой. Это семантическое расширение по закону языковых процессов и литературных приёмов нашло отражение в творчестве Самойлова.

Словесный пласт Давида Самойлова включает употребление архаических слов, основывается на языке народа, указывает на духовное родство с ним и способствует созданию реалистических образов и явлений. Истоки народного творчества, опыт предшественников и современников дали мощный потенциал творчеству поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлов. Памятные записки. – М., 1995.с – 131.

Wpływ badań naukowych

2. Прусакова И. « Музыка и мудрость» // Нева.,1996. - №3. - с202-205.(О поэзии Д.Самойлова).с 202-205.
3. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.,2000.с – 110-116
4. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.,1991.с – 94.
5. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Уч. Зап. Тартуского гос. Ун-та. – 1981.-с-27.
6. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.,2000.- с 116-118.

Саъдулла Матякупов

к.ф.н., доцент,

заведующий кафедрой «Узбекская литература»

НПИ имени Аджинияза

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ

В лирике диалог считается средством, обеспечивающим сложность метода выражения. Несмотря на то, что в форме и описании обращения сознание автора образует монологизированную систему, его основная задача направлена на определение сути представления. В свою очередь, строение изложения определяет порядок мышления. В этом смысле речевое сознание питается историко-культурной жизнью времени. В нем на базе содействия идеального образа и литературного субъекта образуется символическая интерпретация, созданная на основе подражания действительности и суть которого соответствует реальности.

Как подчёркивает известный литературовед И.Хакулов, «Каждый лирический жанр рождается в мире художественного творчества с собственной идейно-художественной функцией. Иначе и слово не может быть о жанровом разнообразии. Обычно стихотворение порождает жизненная необходимость, морально-духовная потребность. Категория жанра является результатом разнообразного формирования этой потребности и необходимости, её разновидностью в виде содержания, соответствующей форме и формы, соответствующей содержанию»¹.

Действительно, понятие каждой художественной формы опирается на идейно-эстетическую функциональность. Превращение жизненной необходимости в морально-духовную потребность исходит из внутренних функциональных особенностей. Переход монологического сознания в стихотворении на диалогические отношения характеризуется как обычное явление. Разнообразие стилей и приёмов посредственно и непосредственно определяет жанровые возможности. Распределение внутренней функциональности определяет ведущие особенности, устанавливающие художественную целостность.

- Мендан сўрасалар не дейман?
- Дегин, кўрганим йўк, келмади.
- Мени қийнаб сўрасалар-чи?
- Дегин, кўрганим йўк, келмади².
- (-Что мне сказать, если меня спросят?
- Скажи, что не видел меня, не пришёл.
- А если меня будут пытаться?
- Скажи, что не видел меня, не пришёл.)

В данном отрывке, развивающемся в форме градации, сохранена естественность драматизма. Развитие диалога направлено на скрытие жизненной логики, а разговорная речь демонстрирует иллюстрацию выражения. Социальное и описательное распределение, дополненное интонацией, при изображении выдвигается на первый план. В толковании, обделённым условной манерой, чувствуется тенденция особого выражения авторского «Я» в зависимости от ситуации. Общее в изложении создателя и речи героя, закрепляясь гармонией сознания и чувства,

1 Хакулов И. Ижод иклими. – Т.: Фан, 2009. – Б.204.

2 Усмон Носир. Танланган асарлар. –Т.: Адабиёт ва санъат, 1970. – Б. 18.

на базе непосредственной контрастной восприимчивости отражает уплотнённую концепцию-переживания. Социально-духовное колебание личности считается самым приемлемым способом образования риторического отношения, в ней драматическая ситуация возвышается до уровня предмета эстетического толкования, определяющим связанным с художественным содержанием. Ибо, то, что подтверждение не требует отрицания, конкретизирует представление.

Следует отметить, что свободного толкования можно добиться лишь в том случае, когда в диалогической речи объединяются мировоззрение, точка зрения и оценочный критерий. И субъективная, и объективная суть художественных вымыслов изображения подчинены определённому балансу. Понятие, слово и размышление по природе обеспечивают последовательность текста, в процессе обращения сравнительная независимость новых голосов передаёт логическое развитие художественной мысли.

Жаннат дер: - Хуш келдинг, эй карам ахли.

Аъроф дер: - Сабр кил, эй алам ахли.

Бу ерда ҳеч банда жавобсиз колмас.

Дўзах дер: - Ён энди, муттаҳам ахли³.

(Раи гласит: добро пожаловать, добрые люди.

Чистилище говорит: Терпи, скорбный народ.

Никто здесь не останется без ответа.

Ад потешается: Гори же теперь лютый народ.)

Обычно, логика, исходящая из сути религиозного просветительства, говорит о духовном росте. Обсуждение, превращённое в яркие наброски в трёхмерном плане, анализирует суть человеческой жизни. Деяния и ответ за них определяет потустороннюю судьбу человека. «Карам ахли» (добрые люди) вознаграждение праведным людям за их благие дела, «алам ахли» (скорбный народ) судьба сбитых с пути людей, а «муттаҳам ахли» (лютый народ) проделки дьявола, пронизанные злом и коварством. На основе обращения лежит непрерывность подчёркивания, резкость социального приговора-вывода, а также тенденция к дискуссии. Фрагмент, переходящий от авторского монолога к диалогической оппозиции, полон желаний видеть человека в раю. Строгость и резкость развязки в словах «Ҳеч банда жавобсиз колмас!» сотрясает душу писателя. На самом деле не секрет, что незаконченность и изменчивость мысли в поэзии даёт широкие возможности толкования. Именно демонстрация художественного созидания опирается на речевое содействие форм и видов.

Глубокая и чёткая разница различных стиливых единиц повышает яркость изображения. А ведь всегда чувствуется посредственная или непосредственная связь между речью героя и авторским повествованием. Точнее, внутренний мир персонажа питается душевными переживаниями создателя. В этом смысле, «чужая речь», наряду с передачей чувств, превращается в форму психологического самосознания поэта. «Внутренняя речь», сочетающаяся с авторским повествованием, логически обосновывает глубокие линии силы воли личности.

- Бошимдан қор эримади, онажон!

- Куйма сенга қуёш бераман, болам!

- Қўзимдан ёш аримади, онажон!

- Сен чидайсан, бардош бераман, болам!

- Она, менинг оёғимдан чалдилар.

- Дунёси-шу, менам куяман болам!
- Нима қилай юрагимда қасос бор?
- Мен тангримга айтиб бераман, болам!
- Бу бўҳтонлар ичра қандоқ яшайман?
- Сен шоирсан, сени биламан, болам!
- Она, ёмон санцияпти юрагим...
- Йўқ-йўқ...
- Энди нима қиламан, болам!!!⁴
- (-Матушка, не растаял снег на моей голове!
- Не печалься, я подарю тебе солнце, дитя моё!
- Матушка, не высохли слёзы на моих глазах!
- Ты вытерпишь, я смирюсь, дитя моё!
- Матушка, мне поставили подножку.
- Жизнь такова, я тоже горюю, дитя моё!
- Что делать, в сердце моём мечь?
- Я расскажу Господу, дитя моё!
- Как мне жить среди этой клеветы?
- Ты поэт, тебя я знаю, дитя моё!
- Матушка, сердце болит моё...
- Нет-нет...
- Что же мне теперь делать, дитя моё?)

В данном стихотворении идёт полемика о начале и конце человеческой жизни в форме беседы дочери и матери. Болезненные мысли о жизни и его сути определяют философию стихотворения. Сердечная матушка старается сгладить душевные раны автора. Судьба поэта проходит сквозь тиски страданий. Несмотря на то, что судьба человека призвана к достижению духовного совершенства, путь, ведущий к нему, полон преград и сложностей. Однако есть могучая сила прогив зла это – добро! Первые две строчки ещё раз подчёркивает действующую истину. В обращении в основном делается логическое ударение на символ «сердца». Следовательно, путь, ведущий к счастью, начинается от сердца. Ещё одна черта в литературном толковании, привлекающее наше внимание, это то, что поэтесса с помощью упоминания человеческих органов (голова, глаза, нога, сердце) объединяет философскую глубину жизненных противоречий. Кульминационная точка риторической интонации (йўқ, йўқ - нет, нет) не может скрыть беспомощность матери.

«Поэзия отражает сокровенности человеческой души. Сокровенность человеческой души заключается в том, что судьба его предначертана. Именно поэтому оно не плачет, прося хлеб, не раскаивается из-за потери достоинства. Сердце – посол, вселившийся в нас с небес. В конце концов, оно подчиняется воле сверхъестественных сил. А поэзия – своеобразная беседа послов внутри нас», – пишет литературовед Рахимджан Рахмат⁵.

И действительно, поэзия восстанавливает связь между сердцем и духом. Социально-философская сущность чувства, переживаний и эмоций обретает определённую весомость лишь в процессе анализа. А внутреннюю суть слова определяет склонность к толкованию. Если опорную точку поэзии обеспечивает

4 Аскарлова Г. Бедор кўнғироқ. –Т.: Наврўз. – Б.59.

5 Рахимжон Раҳмат. Жаннат соғинчи // Ўзбек адабий танкиди тарихи антологияси. –Т.: Турон-Иқбол, 2011. – Б. 487.

обсуждение, то выясняется, что его суть составляет диалогический вид монологического мышления. Кажется, что в ней скрывается неосознанная суть осмысленной истины.

Отам кучар экан набирасини
Бош узра – куёшга кўтариб баланд:
- Сен билан танисин дунё ўзини,
Гулханин ўчиргил оламнинг, болам!⁶
*(Отец, обняв внука, поднимает его высоко над головой, смотря на солнце и говорит:
- Пусть мир узнает себя тобой, потуши огонь вселенной, сынок.)*

В отрывке, в стиле простой народной речи, чувствуется пламя философских раздумий. Дед, поднявший внука высоко над головой, выражает ему свои искренние желания. В фрагменте, где дед поднимает ребёнка, смотря на солнце, так же скрывается глубокая символика: солнце всегда являлось символом добра и счастья. Герой обращается к беспечному ребёнку со словами «сен билан танисин дунё ўзини» (Пусть мир узнает себя тобой). В пожелании «Гулханин ўчиргил оламнинг, болам!» (Потуши огонь вселенной, сынок) скрывается нелёгкий груз стремления к добру. Солнце, спокойно следящее за происходящим вокруг, в следующих строках превращается в вечный огонь в сердце лирического «Я». Несмотря на то, что стихотворение имеет диалогический характер, оно реализуется как монологизированная речь старца. Драматическое представление готовит почву для сочетания и отрицания, и подтверждения размышления. Автору удаётся создать из обычного способа повествования художественное обобщение.

В целом, способы создания риторического отношения в процессе обращения не ограничиваются сравнением и локализацией ритма, интонации, понятия, они так же подразумевают и порядок слов. Интересно, что в поэзии «Я» поэта образует и объективированную суть, и субъективированное отношение. Посредственная и непосредственная речь обеспечивает расширение масштаба поэтического обсуждения, при этом личность старается проникнуть в субъективную глубину аналитических возможностей человеческой воли и интересов.

6 Носиров А. Бахс. –Т.: Ёш гвардия, 1988. – Б.62.

Миранда Тодуа,

кандидат филологических наук,
Сухумский государственный университет (Тбилиси), Грузия

Нана Арахамия,

кандидат филологических наук,
Сухумский государственный университет (Тбилиси), Грузия

ПАРАДИГМЫ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ PARADIGMS OF MORAL IDEALS IN THE GEORGIAN LITERATURE

Для искусства и эстетики значимым всегда было учение о человеке. Интерес к проблеме человека вызван тем, что он является сложнейшим феноменом в мире. Как заявляют философы, ничего не знаем на сегодня мы хуже, чем человека. По взглядам средних веков, человек – две природы, душа и плоть. Душой он в родстве с Богом, плоть не божественна. Поэтому идет вечная борьба между душой и плотью. Поэтому в этот период высшим земным счастьем считается осознание, покаяние собственных недостатков и грехов, что само собой подразумевало морального возвышения. И писатели о том же мыслят, так как, как известно, писатели иногда лучше самих философов достигают глубин души человека. Грузинская литература, как и литература других стран, стремится изобразить нравственный идеал человека, который, со своей стороны, связан с проблемой положительного героя.

Проблема положительного героя во всех эпохах представляла предмет актуального рассуждения не только литературоведов, но и философов и эстетиков. Соответственно эпохам менялось представление о нем. В специальной литературе не раз указывалось, что положительному герою с самого начала возложена миссия решения необходимых, нравственных проблем. Положительный герой ответственен и то путем преодоления огромных преград, иногда и ценой собственной жизни, внедрял полезный для общества и имеющие высокие нравственные ценности. Поэтому «героическое» проявлялось, с одной стороны, самоотверженностью и пожертвованием, а с другой стороны – подачей нравственного примера.

В связи с проблемой положительного героя, в истории грузинской литературы замечаются примеры как «героики службы», так и «нравственной героики». В первую очередь, героем движет желание служить Родине, спасения страны и защиты государственных интересов, а в другую - подача нравственного примера. В данной статье постараемся рассмотреть проблему нравственного героя, предусматривая старый (V-XVII в.в.) и новый (XIX в.) периоды истории грузинской литературы.

Надо отметить, что в общем, нравственное отношение, моральное сознание по своей сути является одним из самых древних, а по своей ценности – один из самых важных явлений для общественной жизни. Правда, в каждой стране господствовали

разные нравственные нормы, но добро и зло везде имели одинаковое лицо. С этой стороны исключением не является и грузинская устная словесность, где краеугольным камнем нравственных идеалов является служба добру и самоотверженная борьба против зла, победа над ним, хотя, в некоторых случаях, происходит и укрощение зла, что имеет этически-эстетическую основу. Грузинский фольклор многократно перенес перемены идеологического характера. Один такой, самый серьезный идеологический сдвиг связан с принятием христианства. Новая вера потребовала новых тем и их разработку по-новому. Устная словесность встала на службу новой религии. В народном творчестве путь проложил библейский сюжет, были переработаны древние мифологические сказания.

По нашему утвержденному взгляду рыцарские идеалы древней грузинской письменности основываются на культ «Святого наездника», небесным прообразом которого является Архангел Михаил, а земным – Святой Георгий. В грузинской действительности культ «Святого наездника» сначала обосновывается в агиографии и потом художественно трансформируется в рыцарские произведения («Амирандареджаниани» - XIV., «Витязь в тигровой шкуре» - XIII.). Как известно, автор-христианин является первым, перед которым человек предстал с внутренними противоречиями. Агиографий в человеке обнаружил внутреннюю борьбу – борьба между материальным и идеальным существованием. Героем в агиографии является носитель определенной идеи. Главный персонаж агиографического произведения – реально-существующий человек, но в его лице описывается идеальный человек. Для агиографии человек является созданным «Образу и Подобию» Бога существо, что означало то, что человек в себе мог обнаружить Бога и, вместе с этим, стать на путь обожествления. В агиографическом произведении иногда выявлены разного вида персонажи, но основной герой только воплощение идеального человека. Он должен был быть возвышенным и вдохновляющим образом. Рядом с ним пока еще усердствовали мифические идеалы и не уступали первенства. Герой агиографии должен был противостоять им, должен был затмить их изначальную обоснованную привлекательность. В них же был выражен образ стремления вечного господства над природой. Агиография взамен ему выдвинула идею господства человеком над собой, собственной силой воли, что было большим новшеством. (9, стр.12).

Агиографический герой был признан общим грузинским идеалом, в котором должен быть проявлен высокий нрав и нравственное совершенство. Герой грузинской агиографии и общей письменности, в основном, есть конкретная личность, который глубоко и ясно выражает идею автора. К. Кекелидзе сформировал четыре составных элемента композиционного шаблона героических сочинений.

1. Главный персонаж агиографии и героических сочинений с детства отличается от других, в обоих случаях готовится почва, чтоб далее стало более зрительной внутренняя духовная прочность героев с одной стороны и «юность» с другой.
2. Пожилой Святой является «Сверхчеловеком», «Духовным героем», и герои героических произведений – «Сверхлюди» своими героическими делами.
3. Святые отцы в Божественной службе находят и ищут смысл земной жизни. А персонажей героических произведений характеризует

рыцарские отношения, верность хозяина, влюбленность и исходящие из них томления имуки.

4. «Духовный герой» агиографического сочинения, после долгого терпения возвышается подобно Богу. И в героических сочинениях, многократно прошедшие опасность рыцари побеждают над злыми силами.

Акад. Корнели Кекелидзе таким образом сформировал те элементы тогдашнего литературного этикета, по которым оба жанра письменности, предусматривая идеалы эпох, в лице главного персонажа старался передать обобщенный образ идеальной личности. При изображении портрета героя в агиографии, акцентирована его внутренняя, духовная сторона, а в героическо-рыцарских сочинениях - личная усердность героя, его физическая сторона.

Как отмечает проф. Реваз Барамидзе (3, стр. 45-46) агиографии без внимания оставляли физическое лицо героев своих произведений, из-за чего Святые теряют конкретный, живой образ. Внешний образ персонажей не изображается автором, ему, как уходящему, меньше уделяется внимание в сравнении вечного в агиографии. Поэтому ИакобЦуртавели обходит визуальное описание Святой Шушаник, но детально описывает лицо избитой царицы, которую называет безгрешным ягненком и невесткой Христа, так как Святая по этому истомленному пути приближается к Всевышнему и как сама Святая Царица говорит, кровь ее очищена от грехов («Мученичество Шушаник», Вв.). Святая Шушаник не является лишь готовой для потусторонней жизни Святой, а она пример духовной прочности, терпения истязаний, она и путеводитель и ободряющий. В средневековой Грузии уверенная защитаверы означало и сохранение национальной личности. Более высокого эстетического идеала в тогдашней письменности не имелось.

Нравственным примером является и произведение Иоанна Сабанисдзе – Або Тбилели («Жизнь Або Тбилели», VIШв.). Автор в лице автора, ясно намечает целью обоснование высоких нравственных идеалов между современниками. Иоанн Сабанисдзе подчеркивает, что при описании жизни Або, целью намечает воздействие на молодежь. Выделением характера Або, автор старается внедрить в молодежь духовную устойчивость и нравственных принципов.

Как видим, в вышеуказанных сочинениях, которые обращены древней грузинской литературе, образ положительного героя связан с «героикой службы» (самоотверженность за идеалы христианства, жертвоприношение, желание защиты государственных интересов). Частично меняется указанный подход в новой грузинской литературе, где рядом с «героикой службы» появляются до того неизвестные примеры «нравственной героики». Существуют такие свойства, такие нравственные принципы, которые не обесцвечиваются и не теряют актуальность. Именно с такими не обесцвечивающимися, примерными для всех времен свойствами проявляются герои национального характера произведений 19 века. В творчестве гениального грузинского писателя Важа-Пшавела эти свойства приобретают законную силу и объединяется в один образ-идеал, который называется «Хороший крепостной». По мнению Важа-Пшавелы «Хороший крепостной» ассоциируется с нравственным героем, которого должна характеризовать смелость, должен быть хорошим воином, для него Родина должна быть самой дорогой и даже должны жертвовать своей жизнью для ее защиты («героика службы»). Но в то же время, он

должен быть мудрым советником, бескомпромиссным защитником правды и тогда, когда его точка зрения в связи с нравственными нормами противоречит и опережает господствующие в обществе просроченные взгляды.

Хорошим является и один из героев поэмы Важа-Пшавела «Гостеприимство» - Джокла, который так же гостил у себя мужественного Звидаури (оказавшийся убийцей его брата). В творчестве Важи часто друг другу противоречат два нравственных правил. А человеческая судьба меж двух правд всегда оканчивается трагически. В произведении порядке гостеприимства противостоит обычай мести. Джокла попытался до конца соблюдать порядок гостеприимства, а община решила отомстить. Протистояние общины и личности окончилось победой общины. Общество не всегда справедливо, но настолько сильно, что «община действует по своему желанию, в порядке общины». Община физически победила личность, сломала его волю, но личность победила духовно, оправдан духовно и стал подражательным образом-идеалом.

Нравственно возвышенные люди друг в друге видят духовную связь. В поэме Важа-Пшавела «Алуда Кетелаури» Алуда и Муцалв единоборстве познали друг друга. Алуда был очарован мужеством и смелой душой противника. Перед смертью и Муцалв признает мужество своего врага – Алуды и в знак того бросает ему собственное ружье. Алуда всегда соблюдал установленные обществом порядки, поэтому много десниц погибших врагов украшали его дверь ограды, что, одновременно, в глазах общества было и доказательством его мужества. Но мужество Муцалва, опознание в нем «хорошего малого» Алуду настолько привлекло, что не стал обрезать ему десницу, чем и нарушил обычай и тем противостоит общине. Нравственно Алуда прав, но права и община, хотя оно изгнало нарушителя обычая из своего лоно. Идущая дорога нравственного героя узкая и колючая, тяжело проходящая. Алуда, и изгнанный общиной, сохраняет свою честь. И Алуда на подобие Джоглы, физически побежден, но нравственные герои, избранники ведут общество к прогрессу.

В грузинской литературе 19-го века интересно представлен, также, образ духовного лица, как нравственного героя. Этот век - полная противоречиями эпоха в истории человечества. Не случайно, что в указанный период, исходя из духовных требований общества, мировая литература, и не только грузинская, активировала проповедь человеколюбия, христианской морали, христианских нравственных норм. Таким образом, образ духовного лица, как нравственного героя стало актуальным для писателей. Это довольно масштабная и сложная проблема часто становилась основанием выражений взаимоисключающих взглядов. В грузинской действительности указанный художественный тип, начиная с агиографической письменности, был актуальным во все времена и эпохи. Его признавали одним из действующих средств духовного и нравственного формирования личности. Оно зажигало и формировало общество, показывало путь спасения.

Один из выдающихся представителей грузинского романтизма, Ал. Орбелиани в созданной 1864 году драме «Давид Агмашенебели (Строитель) или последний час Грузии» изображает явления 20-х годов 12-ого века, в частности, борьбу Царя Давида Агмашенебели (Строителя) против завоевателей. Последнего собирает монах Серафим, который считает, что лишь молитва делу не поможет. Нужна борьба и активное действие. Внимания заслуживает и тот факт, что духовное звание

для борьбы против врага поддерживает и явно проповедует идею объединения кавказских народов.

«Рассказ нищего» Ильи Чавчавадзе – произведение, которое содержит весь комплекс идей и художественных образов и дает щедрый материал об интересном для нас духовном лице, как о художественном типе. Наставник, который является и прототипом писателя, выходец из народа, активно разделяющий его горе, на примере «Витязя в тигровой шкуре» и библейской мудрости, воспитатель молодежи, любящий и божественный человек. Он не только служащий церкви, но и верный Родине и заботливый сын Отечества.

Божественное начало Ильи в Наставнике сочетается с образовательным дидактизмом. Впечатлительно то, каким уверяющим обсуждением и средством наблюдения достигает Священник убеждения Петра в том, что книга – цель. Интересен их диалог, откуда выделяется образ нового типа попа, того же Наставника-просвятителя, который логическим обсуждением побеждает старые взгляды и убеждает народ в необходимости учебы-просвещения, сознательного восприятия и применения новшества. Факт то, что Илья от самой церкви требовал расширения и предусматривания интересов страны. По его мнению, поп (тот же Наставник) должен был совмещать функцию просветителя и доказать делом то, о чем проповедовал.

Языком Наставника, Илья проповедует равноправие. Несмотря на то, что нравственно преобразованных людей на свете найдется множество, Илья верит в доброе будущее. В словах Наставника: «Кто знает, братишка, когда завтра судьба перевернется, кто впереди окажется, а кто-сзади?» - чувствуется надежда большого перелома и вера счастливого будущего народа.

Образ духовного лица, как самого интересного определенного художественного типа, Илья Чавчавадзе изобразил в поэме «Отшельник» («Гандегили»). Отшельник осознавал, что он не просто монах, на него возложена огромная миссия. Это величайшее и тяжелейшее нравственное обязательство является спасением страны. Из-за неразрешения этих проблем скорбит сердце монаха, а не из-за того, что «божественное чудо» не превышает личные интересы монаха. Отшельник, своей трагической смертью дал нам необыкновенный образец верности вере. Отшельник не смог простить себя, даже из-за того мгновенного греха, оскорбление великих святых и обязательств. Таким образом, грузинские классики 19-го века с помощью литературных образов-персонажей духовного звания показали народу духовные и нравственные примеры, наметили принципы действия в жизни.

Использованная литература:

1. Г.Асатиани, Поэты века, Тб., 1988.
2. К.Абашидзе, Этюды из истории грузинской литературы 19-го века, Тб., 1970.
3. Р.Барамидзе, У истоков грузинской письменности, Тб., 1978.
4. Н.Гаприндашвили, М.Миресашвили, Введение в литературоведение, Тб., 2011.
5. Олег Голиадзе для литературного этикета «Амирандареджаниани», Критика, 1988, №1.
6. К.Кекелидзе, История древней грузинской литературы, т. 3, 1981.
7. В.Махарадзе, История грузинских писателей 19-го века, Тб., 1962.
8. Р.Сирадзе, Грузинская Агиография, Тб., 1987.

Miranda Todua

PhD in Philology of the Faculty of Humanities
of the Sokhumi State University (Tbilisi), Georgia

Миранда Тодуа

кандидат филологических наук,
Сухумский государственный университет (Тбилиси), Грузия

“The interpretation of the concept „new” in the Georgian Hymnography
Интерпретация понятия „новое„ в Грузинской гимнографии

Общеизвестно, что понятие «нового» в теологической литературе имеет совершенно особенную нагрузку. В работе с опорой на гимнографический материал (X в), анализируется отношение грузинских гимнов к этому понятию. Что общего и отличного в следующих образах: «новая гробница», «новый народ», «новый Израиль», «новая песнь», «новый путь», «новая одежда»...

В гимнографии и в книгах Нового Завета привлекают внимание слово «новый» и идея обновления, что стало предметом наблюдения в научной литературе. В церковной поэзии часто встречаются эпитет «новый» и идея обновления. Начнем с того, что в гимнографии речь идет об обновлении самого Господа. «Бог», искупающий грехи Адама, - «обновленный Бог» . В этом случае эпитетом Господа является «Ветхий». Понятия «Ветхий день», «ветхого дня» и «ветхий человек» приходят в гимнографию из Библии (Рим. 6, 6). Обновление ветхого дня ставило целью обожествление человеческой природы, которая, начиная с первородного греха, развратилась, «устарела» под влиянием зла.

Ветхий день, обновленный новым, погрузился в новую гробницу, чтобы воскресить падших во грехе. По словам гимнографов, гробница «вместила необъятное». Выражение «новая гробница» имеет глубокое содержание и само по себе порождает желание объяснить скрытую в нем тайну. «Новая гробница» указывает на то, что в нас невольно проснется фразеологическое сочетание «ветхая гробница» . В утробе Марии Богородицы Спаситель «оделся в человека» и родился как человек и Бог. В гробнице пострадала Его плотская природа и восстала божественная, а вместе с ней пленники ада – души рода Адама. Дуализм Христа наиболее ясно проявился в начале биологической жизни человека (т.е. в утробе) и в конце (в гробнице). Мы разделяем точку зрения Т. Мосиа о том, что «Бог впервые был похоронен в теле женщины, утроба Марии была Его первой «гробницей», а Мария именуется горой, спустя три дня после распятия, находящаяся в земле гробница Христа отделилась от скалы» (5). Гимнографы сами указывают на это. В церковной поэзии Богородицу

Марию именуют горой: гора Бога, тучная гора, млечная гора. Одной из них является невысеченная гора. Аналогично, гробница, которую прикрыли большим камнем, находится в невысеченной скале. Таким образом, для божественной природы Христа сначала стала гробницей «невысеченная девственница» (ирмосы и богородичные), а впоследствии невысеченная до тех пор глыба стала гробницей, которая вместила Бога, величественность которого не могут вместить небеса. Гимнографы неоднократно проводят параллель между Матерью-Девой и «девственницей» - гробницей: «Плоть рожденного от Девы Бога приняла девственница – гробница».

Согласно гимнографам, Иисус Христос есть обновленный Бог и в то же время обновленный Адам, так как в Христе одновременно проявилась и божественная и человеческая природа. Обновление Адама – образ воскресения вообще детей греха.

Гимнографы, противопоставляя новое, обновленное и ветхое, обветшавшее, объясняют содержание обновления. Они именуют отдаленное от божественной благодати человечество устаревшим, но обновление обветшавшей природы рода людского означает приближение к первоисточнику. Гимнографы связывают духовное спасение и обновление со следующими божественными праздниками: с Рождеством, Крещением и Пасхой.

Правда, владетель небес Бог спустился на землю, но обосновался в святом месте. Святостью отличались Богородица, с помощью Святого Духа был зачат Иисус в утробе Матери – Девы, вспомним эпизод с неопалимой купиной, когда Бог говорит Моисею, что это место есть Святая Земля.

В гимнах встречаем и новый народ, который возносит Спасителю новую песнь. Этот новый народ есть «народ святой, спасенный Господом» (Ис. 62, 12). Согласно Ветхому Завету, ангелы ежедневно возвеличивали Божество и пели (Ис. 6, 3). До грехопадения человек, подобно ангелам, возвеличивал Божество. Новая песня, которую возносят спасенные от греха люди, которые вернули себе первоначальное уважение, утраченное благодаря упрямству в раю. И поэтому пение отрешенного от божественной святости, грешного человека не было святым, но пение причащенного к Святому Духу человечества достойно Всевышнего. В этом случае «новый» приобретает значение святого.

Христос наставил на путь Вечного Царства освященных людей, Спаситель стал для человечества путем, идущим к древу жизни. Адам и Ева, пав от греха в райском саду, были изгнаны и прокляты Господом, терновник и репейник покрыли ведущий к Эдему путь. Спаситель детей Адама, Христос, водрузив на голову терновый венец, показал человечеству путь духовного обновления и бессмертия – «путь новый и животворящий» (Евр. 10, 19).

Гимнографы называют ветхозаветного Адама ветхим человеком, а обновленного, благодаря Христу, - новым, так как Он «раздел ветхого человека». Сама одежда в Библии имеет символическую нагрузку. Раздетый и нагой Адам – образ падшего от греха человечества, нагой и раздетый «враг» указывает на крушение соблазна, ада и восстановление образа Господа. Обветшание природы и человека указывает на утяжеление его грехом, а отход от ветхого человека и снятие одежды – возвращение к первоисточнику. В гимнографии встречается несколько вариантов снятия: а) отход от ветхого человека; б) снятие проклятия от одеяния; в) аналогичное содержание имеет снятие одежды из кожи; г) отход от тьмы. Началом отхода от злых дней является

Библия (Кол. 3, 9-10; Тит. 3, 5).

Христос облек раздегу Адама и его потомство в обновленные одежды и «причастил к божественности». Спаситель облек: а) наготу Адама, постольку нагота есть наказание; б) тленное облек в нетленное; в) обновленное человечество облек светом. Светлое одеяние – это символ святости и безгрешности. Наряду со светлым одеянием встречается огненный, возвещающий о божественности.

Вместе со светлым одеянием встречается багровое, гранатовое. В церковной поэзии эти цвета ассоциируются с пролитой Христом и мучениками кровью. Багровое встречается и в противоположном значении. Если в одном случае он обозначает кровь и является источником обновления, открытия ворот рая, в другом случае воплощает грех, омовение от которого гимнограф просит у Господа. Связь гранатового цвета с грехом берет начало в Библии, в Ветхом Завете (Ис. 1, 18). Микаэль Модрекили интересно передает двусмысленность гранатового цвета: «Да пришел и Христос, Первосвященник их добрый, и одел их в шерстяные пурпуровые блестящие одежды, обновленные водой и духом и окрашенные в багровый божественной Кровью, Которую Спаситель пролил во спасение мира». Пурпуровая шерстяная одежда – одеяние греха, которое Христос освятит и обновил багровой, пролитой на кресте Кровью.

Тело осмысливается как одеяние души. Тело безгрешного, первозданного человека было легким, а падшего во грехе стало тяжелым, непрозрачным. По словам гимнографа, человека обременил груз греха и поглотила бездна. Оскверненное одеяние души очищает пост, который, согласно христианскому вероисповеданию, предназначен для самоочищения.

Действительно, Сам безгрешный Христос был распят на кресте вместе с грехом человечества. Он распространил на мир благодать Святого Духа, но каждый человек, подобно Спасителю, должен очиститься и идти путем своего Спасителя. Именно освоение этого образа-примера является залогом духовного развития рода Адама.

В церковной поэзии говорится и о новом видении, которое касается рождения, крещения и распятия Христа. Гимнографы представляют рождение Христа как новое объединение, новое таинство. Крещение именуется как новое омовение. Новое видение, описывающее распятие Христа, согласно гимнографии, чудодественно и удивительно. В церковной поэзии в этом случае существующий эпитет «новый» бесспорно не противопоставлен «ветхому» или «другому». Гимнограф особо отмечает, что «Один Христос, едиnorodный Сын только Отца, который был впереди веков, явился на свет двумя природами и пожертвовал Собой для многих». Правда, Христос родился единожды и был распят, но эта мистерия представляет собой вечный акт. Поэтому эпитет «новый» должен выражать «непостижимость» божественной тайны, которая содержит в себе неповторимую, вечную новизну.

Гимнографы применяют эпитет «новый» для признания заслуг Святых Отцов и сравнивают их с библейскими персонажами.

Через возвращенную на библейских книгах церковную поэзию красной нитью проходит идея обновления, которая однозначно подразумевает духовное обновление, рост духа. Начиная с грехопадения в рай, род Адама постоянно ищет ведущий к древу жизни путь, ради чего необходимо сближение с первоисточником. Что же касается столь распространенного в гимнах эпитета «новый», действительно, в ряде случаев

он перекликается с идеей обновления, но по большей части он неоднозначен, помимо тех случаев, когда речь идет о вкладе Святых Отцов или мучеников. Эпитет «новый» встречается в различных содержательных планах: обновленный, отделенный от зла и ветхого, святой, искупленный Кровью Христа, употребляется также в значении «второго».

Использованная литература:

1. Библейская энциклопедия, М. 1981.
2. Ингорква П., Древнегрузинская церковная поэзия, Тф. 1913.
3. Кекелидзе К., Этюды по истории древнегрузинской литературы, т .XI. Тб., 1972.
4. Мелетинский Е., Поэтика мифа, М.,1976.
5. Мосиа Т., Давид Гурамишвили и Грузинская культура., Тб., 1986.
6. Хачидзе Л., Поэзия Иоанна Минчхи, Тб., 1987.

INVARIANTS OF PERCEPTION OF THE ABSTRACT PHENOMENON
'ADVENTURE'

(On the material of the linguocultural construct 'Adventurism')

It was proved experimentally that people possess a perceptual structure based on the perceptual dimension of physical presence and openness, and reflected in the human language [1, p. 5; 2, p. 455]. This can be used in the analysis and description of common and specific features of world perception by different nations. The aim of the research is to depict the image of an abstract phenomenon (a 'thing' of the non-substantive rank) 'ADVENTURE', how it is conceptualized in the English collective ethnical consciousness, and its constituent elements. Besides the linguocultural constructs associations in the conceptual analysis, the study of optical (perceptual) patterns plays an important role. The analysis was conducted on the material of phraseological units (the examples were taken from the books of the outstanding English and American writers). The methodological base of the undertaken research is the following point of view on the nature of consciousness: consciousness is determined by cultural and historical factors; consciousness and the objective reality constitute one whole continuum; consciousness is a product of an emergent intermodal fusion.

The perceptual structure correlates with a conceptual one, but they do not coincide. Both structures are reflected and interpreted in a human language, but a conceptual structure is stored in the memory of collective ethnical consciousness, and a perceptual structure cannot be conceptualized, it allows a man to function in the environment. Being self-correlative creatures, people orient themselves on a permanent structure. Its osmosis is the way into an open world (outside), where we choose to be and where we allow to be enclosed.

In the English language consciousness the phenomenon *adventure* is stored in the frame-structure, the nodes of which are notions «Experience», «Incident», «Event», «Venture», «Hazard», «Risk», «Danger», «Chance», «Excitement». The core of the notion *adventure* is dangerous, exciting experience; daring, hazard enterprise; dangerous, exciting, hazard undertaking.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *experience* is structured by slots «The way of existence», «Boundedness», «The force of impact on a man». The slot «The way of existence» is formed by the associations with belonging of a person to *experience*, and vice versa, with the existence *experience* independently from a person. The slot «Boundedness» is formed by the associations with a bound, which can be extravagated. The slot «The force of impact on a man» is formed by associations with the force, which involves a person into activity. The source of it is something extraordinary and very dangerous. This force throws a person into horror, he trembles because of it.

Adventure in the meaning of *experience* has a person: master of an extraordinary

experience; some special characteristics (strangeness, exceeding the limits): *the strange experience which might lie before me; beyond all bounds of human experience*; it can be the doer of the action: *the experience which drove me*; it can influence on a person: *Sophie was still shaken from recounting her experience* (it causes shock).

Adventure in the meaning of *incident* is formed by slots «The way of existence», «The force of impact on a man». The slot «The way of existence» is formed by the associations with the independent existence of *adventure* in the meaning of *incident* from a person. The slot «The force of impact on a man» is supported in the English ethnical consciousness by the associations with something unpleasant, with grief, something strange, unexpected, and obscure, something, which surprises and shocks a person, he can be startled by the incidents of something. (... *the very man to have seen a ghost*). *Incident* causes shock, an unpleasant effect; it may be an object (*to forget the incident*), an object in a chain of events (*a striking chain of events*). *Incident* may 'behave' as a person: *incident which had occurred; incident left an unpleasant effect; the very strange and inexplicable incident ... had its rise (a change had come over him, his fury and excitement were done, and he seemed utterly prostrated with grief)*.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *venture* is structured by the slots «Uncertainty», «Danger», «Energy». The slot «Uncertainty» is supported in the English ethnical consciousness by the associations of uncertainty concerning the profit from *venture*. The slot «Danger» is formed by the associations with hazard (it can be foreseen, but it cannot be avoided) and losses. The slot «Energy» is formed by the associations with energy expenses, which a person spends in the conditions of risk, danger, hazard and uncertainty. *Venture* here is perceived as an object.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *hazard* is structured by slots «The way of existence», «Fortune». The slot «The way of existence» is formed by the associations of an independent existence of *hazard* from a person. The slot «Fortune» is structured by associations with something dangerous, which cannot be avoided. The perceptual patterns are spatiality, *hazard* is an object, which can be estimated and accepted.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *event* is structured by slots «The way of existence», «Danger». The slot «The way of existence» is formed by the associations with chains of events. The slot «Danger» is maintained in the English language consciousness by the associations with something dangerous, horrible, sometimes containing mystery, which sometimes horrifies a person. Secret, interest, horror, which constitute the *event*, may horrify a person. The perceptual invariant of *adventure* in the meaning of *event* is a source of horror, which gives adrenalin.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *risk* is structured by the slots «The imminence of its presence in a person's life», «Risk calculation». The slot «The imminence of its presence in a person's life» is structured by the associations with the necessity to risk, staking on. The slot «Risk calculation» is formed by the associations with the possibility to calculate *risk*. The patterns of perception of *adventure* in the meaning *risk* are: *risk* as an imminent component (*You cannot play for high stakes without taking risks*); risk acceptance, calculation and control.

The phenomenon *adventure* in the meaning of *danger* is structured by the slots «The way of existence», «Flavor», «Realization / Awareness», «Human reaction». The slot «The way of existence» is formed by the associations with *danger* independently from a person –

(a person can encounter, face *danger* or with something that brings *danger*; *danger* can be escaped or vice versa; a person can expose himself to *danger*. The slot «Flavor» is structured by the associations with spices (something spicy). The slot «Realization / Awareness» is formed by the associations with something, which can be measured according to the scale «MUCH - LITTLE» and it can be realized, sensed. The slot «Human reaction» is maintained in the English ethnical consciousness by the associations with something that evokes horror, fear, and fright (*However much was at stake, however great dangers and however urgent the need for speed and quick decisions...*). The perceptual patterns of *adventure* in the meaning of *danger* are 1) *danger* has got an inner space (to be in *danger*; the *danger* that lay ahead / in the direction); 2) *danger* is an object (*to pose ourselves to any danger; to bring dangers; to shield from danger*); 3) spatiality (*There was danger on the veld; to stand between the colony and potential danger; the dangers we will face*); 4) *danger* can be tasted (*a spice of danger*) and it can be sensed (*to sense the dangers; to smell the danger*); 5) temporal characteristics of *danger*; 6) the attitude of a person to *danger* (realization, appreciation).

The phenomenon *adventure* in the meaning of *chance* is structured by the slots «The way of existence», «Possibility», «Temporality», «Impact on a person», «Uncertainty». The slot «The way of existence» is formed by the associations with *chance* independently from a person. The slot «Possibility» is structured by the associations with the ability to deliver good results - *chance* can lead to both greater efficiency and gains in performance. The slot «Temporality» is formed by the associations with periodicity - *chances* can happen periodically. The slot «Impact on a person» is structured by the associations with pleasure, enjoyment, and delight. The slot «Uncertainty» is maintained in the English ethnical consciousness by the associations with Fortune - *chance* can be lost or, vice versa, a person may use it. The perceptual patterns are 1) *chance* may belong to a person (to have a *chance*); 2) uncertainty - a person may have a *chance* or may not; 3) *chance* can be lost (to wipe out any *chance*, to lose a *chance*); 4) *chance* has an inner space, which can be deep (to be in a deep *chance*); 5) *chance* can lead a person (*chance lead into*); 6) spatial and temporal characteristics (*chances* don't occur frequently. There's a good *chance* it might happen).

The phenomenon *adventure* in the meaning of *excitement* is structured by the slots «The way of existence», «Force», «The form of existence», «Control», «Source», «Person's reaction». The slot «The way of existence» is formed by the associations with the inner forces of a person - *excitement* may move inside a person. The slot «Force» is formed by the associations with a variable - it can grow or fade away. The slot «The form of existence» is structured by the associations with a whirlpool, a charge, an explosion. The slot «Control» is formed by the associations with an inner force (willpower), which can control *excitement*; or, vice versa, with its absence - a person cannot bear *excitement*. The slot «Source» is structured by the associations with deviations from a norm. They are miracles, extravagance, mystery and its revelation, secret knowledge, greed, horror. The slot «Person's reaction» is formed by the associations with dizziness, charge, shiver, ripples, burning, and feeling of some fullness with *excitement*.

A person feels an acute pain of pleasure and excitement in his heart (*a tingle of excitement; ripples on a body; queer, shiver from excitement; cold eyes sparkle from excitement; and red lips open from excitement; dizziness; a person shines; the voice is charged by excitement; the heart is filled with excitement; the person is filled with excitement*). The perceptual patterns are 1) source of *excitement* - horror, prohibition, mystery (mystery, its opening *throws a person*

into a terrible state of excitement), novelty; 2) the form of existence of *excitement* - a ceaseless whirl; a pang; a ripple, a feeling; 3) the effect on a person - astonishment, agitation, stirring; 4) the degree of control of *excitement* from a person - it can be controlled by a person or it is impossible to do that (*an almost unbearable excitement; Commander Pedersen's stolid calm had given way to controlled excitement...trying to keep the sudden excitement*); 5) *excitement* is a variable measured according to the scale «INCREASE - DECREASE» (*Langdon felt a growing excitement; Jamie's excitement was growing; Teabing's look of excitement waned*); 6) the placement of *excitement* - «INSIDE / OUTSIDE A PERSON» (*Elizabeth could feel an excitement stirring in her*).

The abstract phenomenon «Adventure» is formed as a result of the interaction of three factors: 1) that, which breaks the usual consecution of things; 2) horror or fear to lose life, property, etc.; 3) enjoyment, thrill, pleasure (adrenalin, energy).

In the corpus of the phraseological units, which foreground the abstract phenomenon «Adventurism» in the English ethnical collective consciousness, we reveal the following invariants of perception. They are: 1) a person and *adventure* constitute one continuum (there are two groups of perceptual invariants - a person contains a source of *adventure* inside and *adventure* is outside a person, but it affects him. That is *adventure* influences on a man being as inside so as outside of him (source, space and force of influence on a person). 2) The form of existence; 3) person's expense or getting energy, which resulted in pleasure (adrenalin); 4) *hazard* can be estimated and accepted; *risk* is an imminent component, it can be controlled; 5) spatial and temporal characteristics; 6) fortune «From uncertainty to possibility»; 6) *excitement* is a variable measured according to the scale «INCREASE - DECREASE». The perceptual invariants of *adventure* (its source, space, time, energy / motion, it can be measured and controlled by a person, it is imminent) are recurring elements of the perception of *adventure* by the representatives of the Anglo-Saxon race.

Adventure and all its components, their features and characteristics influence on a person greatly. It evokes agitation, excitement, and it produces energy. There are some factors, which influence on the formation of the phenomenon. They are danger, hazard, risk (simultaneously they are the forms of the existence of *adventure*); the form of existence (experience, venture, event, incident, danger, hazard, risk, peril, loss, hap); unpredictability (chance). The higher enumerated things produce adrenalin.

Literature:

1. Gibson, J. (1986) Ecological approach to visual perception. London, Cornell University
2. URL: <http://www.questia.com/pm.qst?a=o&d=9550754>
3. 2. Hunt, T. H. (2004) On the nature of consciousness. Cognitive, Phenomenological, and Transpersonal Perspectives. Moscow, p. 455.

ЗАИМСТВОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Проведем исследование фразеологических единиц современного английского языка, заимствованных из художественно-литературных источников. Этот аспект изучения фразеологии имеет особое значение, т.к. большая часть фразеологизмов заимствована из художественной литературы, как английского, так и других языков, и некоторые фразеологические единицы сохранили свою первоначальную иноязычную форму.

Фразеология – раздел языковедения, изучающий устойчивые сочетания в языке. Фразеологией называется также совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом, в языке того или иного писателя, в языке отдельного художественного произведения и т.д.

Фразеологизмы в английском языке, в своем большинстве, являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Они закрепились в разговорной речи, и приобрели характерный, английский колорит, который отражает особенности английской культуры. Они все связаны с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а также с преданиями и историческими фактами [1]. Примерами широко распространенных оборотов являются: *have a bee in one's bonnet* – носиться с какой-то идеей, быть помешанным на чем-то; *bite off more than one can chew* – «взять в рот больше, чем можешь проглотить», то есть взяться за непосильное дело, не рассчитать своих сил, или: Орешек не по зубам, дело не по плечу.

Произведения знаменитого английского классика Уильяма Шекспира являются одним из наиболее важных литературных источников по числу фразеологизмов, обогативших английский язык. Число их свыше ста. Приведем несколько примеров фразеологизмов из известных произведений **У. Шекспира:**

“Macbeth”

To make assurance double sure – для пущей верности.

The be-all and end-all – то, что заполняет жизнь, всё в жизни.

“Hamlet”

To be or not to be? – Быть или не быть?

To cudgel one's brains – ломать голову над (чем-либо)

“Othello”

The green-eyed monster – (книжн.) “чудовище с зелеными глазами”, ревностью

To chronicle small beer – отмечать мелочи, незначительные события, заниматься пустяками

“Romeo and Juliet”

A fool's paradise – мир фантазий; призрачное счастье.

В современном английском языке фразеологизмы Шекспира могут употребляться с некоторыми изменениями. Например, выражение *to wear one's heart*

upon one's sleeve for days to peck at ("Othello") – *выставлять напоказ свои чувства; (душа нараспашку)*. (Этот фразеологизм связан со средневековой рыцарской традицией носить на рукаве цвета своей дамы). В современном английском языке обычно употребляется в сокращенном виде: *to wear one's heart upon one's sleeve*. Также вместо предлога *upon* может употребляться другой предлог – *on*.

Многие фразеологизмы Шекспира с течением времени приобретают лексические варианты: например, *applaud (или cheer) to the echo* – шумно, восторженно аплодировать, устроить овацию [2].

Выражение *at one fell swoop* ("Macbeth") – одним ударом, одним махом, в один момент сразу стал употребляться в сокращенном виде *at one swoop*.

Большое количество фразеологизмов созданных Шекспиром вошло во всеобщее употребление.

Безусловно, не только У. Шекспир, но многие другие писатели обогатили английский фразеологический фонд. Среди них главным образом следует отметить Александра Попа, Вальтера Скотта, Джеффри Чосера, Джона Мильтона, Джонатана Свифта и Чарльза Диккенса.

Вальтер Скотт:

Beard the lion in his den ("Marmion") – напасть на опасного врага в его собственном жилище.

Чарльз Диккенс:

Never say die ("David Copperfield") – не отчаивайтесь.

Таким образом, благодаря литературным произведениям писателей и поэтов, как самой Великобритании, так и разных стран мира, английский язык в настоящее время насчитывает огромное количество фразеологизмов.

Английский язык с точки зрения наличия в его обширной системе фразеологизмов и фразеологических оборотов является, пожалуй, одним из самых богатых. Фразеологизмы занимают огромный пласт в его структуре. Многие устаревают, но на смену им неизменно приходят новые, живые, яркие и остроумные. Так что, можно с уверенностью сказать о том, что фразеологическая система английского языка с каждым днем будет развиваться, приобретать новые очертания.

Список литературы:

1. Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Ч.3 / под ред. С.А. Песоцкой; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – с. 30 – 33.
2. Литвинов П. П. Не все переводится дословно.- М.: «ВАКО», 2003.

Куренкова Т.Н.

Кандидат филологических наук, Сибирский государственный
аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнёва

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СТИЛЕЙ

Понятия «стиль языка» и «стиль речи» — исторические категории, стилевая структура литературных языков различна в разные эпохи их исторического развития. Так, в книжном японском языке XIX века выделялась система шести стилей: «стиль буквального перевода с китайского», «стиль изящно-простонародный», «стиль японо-китайский», «стиль ложноклассический», «стиль японо-европейский», «стиль единства разговорного и письменного языка» [10, с. 98].

В современном немецком языке выделяют официально-деловой, научный, газетно-публицистический, обиходный и словесно-художественный стиль [2, с. 112-186].

Г. О. Винокур считает, что язык – это совокупность стилистических систем. «Каждый стиль рассматривается как своеобразная система, противопоставленная другим системам, представляющая собой известное видоизменение соответствующей системы в предшествующий период и заключающая в себе те противоречия, которые привели к ее перерождению в период последующий» [3, с. 224].

И. Р. Гальперин подвергает сомнению возможность противопоставления одного стиля речи другому. Он утверждает, что каждый стиль имеет ряд ведущих и подчиненных признаков. Ведущие признаки, в свою очередь, могут быть постоянными или переменными. А подчиненные признаки делятся на обязательные и факультативные. Так, например, формулы являются обязательными признаками стиля одних научных текстов, а для других – факультативными [4, с. 69-70]. Автор разделяет мнение И. Р. Гальперина, что признаки одних стилей в том или ином качестве могут быть представлены в других стилях, потому что язык и его лексика в частности — это живая, не изолированная система, элементы которой могут взаимодействовать и проникать из одного стиля в другой.

Исходя из подобной классификации стилей, различают межстилевую или стилистически нейтральную лексику, лексику книжных стилей и лексику разговорного стиля. Межстилевая лексика — это лексика, которая может употребляться и в письменной речи, и в обычном непринужденном разговоре. Стилистически нейтральные слова являются основой языка, наиболее устойчивой частью словарного состава. Авторский язык художественной литературы (за исключением некоторых жанров, например, сказа) состоит в основном из межстилевых слов. Межстилевая лексика лишь называет, обозначает предметы, явления, свойства, качества, действия, количества, но не выражает отношения к называемому. Именно благодаря этому межстилевая лексика может употребляться в разных стилях [8, с. 108-109].

Вне контекста межстилевая лексика в оценочно-экспрессивном плане считается стилистически нейтральной (немаркированной). М. Н. Кожина называет ее лексикой с «нулевой функционально-стилевой» и с «нулевой, эмоционально-

экспрессивной» окраской [6, с. 77].

Л. Г. Барлас уточняет, что нейтральный слой языка, семантически самый мощный и разветвленный, он включает в себя около 85 % всех слов литературного языка, что почти в четыре раза больше, чем все стилистически окрашенные слои, вместе взятые [1, с. 195].

Лексика книжных стилей — это такие слова, которые характерны для книжного изложения, используются преимущественно в письменной речи и нехарактерны для обычного, непринужденного общения, для разговора на обиходные, бытовые темы.

В. Г. Костомаров уточняет, что становление книжных стилей связано с возникновением письменности и долгое время они развивались преимущественно в письменной форме, сейчас они функционируют все чаще в устной форме. Даже художественные произведения, которые в основном только читались, доходят до «читателя» в устной форме, по радио, телевидению, на концертах. Устная форма речи проникает в науку и в другие сферы жизни общества, обслуживаемые книжными стилями [7, с. 172-173].

В лексике книжных стилей выделяют несколько категорий слов: газетно-публицистическую лексику, научную, техническую, официально-деловую, поэтическую – и «общекнижные» слова [8, с. 109-110].

В пределах стиля книжной речи А. Н. Гвоздев называет ряд более частных стилей, характеризующихся своими особенностями в зависимости от стоящих перед ними задач; это: 1) деловой стиль, 2) стиль художественной литературы, 3) публицистический стиль, 4) стиль научно-популярной литературы [5, с. 79].

М. И. Фомина выделяет в книжной лексике следующие функциональные стили: официально-деловой, научный, газетно-публицистический и литературно-художественные стили [9, с. 255].

Таким образом, не смотря на некоторые отличия в классификации стилей, большинство ученых сходятся во мнении о наличии четырех частных стилей в пределах стиля книжной речи.

Литература

1. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей. [Текст] : пособие для учителей / Л. Г. Барлас. – М. : Просвещение, 1978. - 256 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка [Текст] / М. П. Брандес. - М.: Высшая школа, 1990. - 320 с.
3. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г. О. Винокур. - М. : Учпедгиз, 1959. - 492 с.
4. Гальперин, И. Р. К проблеме дифференциации стилей речи [Текст] / И. Р. Гальперин // Проблемы современной филологии. – М., 1965. - С. 68-73.
5. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздев. - М. : Просвещение, 1965. - 408 с.

6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст] / М. Н. Кожина. - М. : Просвещение, 1993. - 224 с.
7. Костомаров, В. Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» [Текст] / В. Г. Костомаров // Проблемы современной филологии. - М., 1965. - С.172-176.
8. Рахманова, Л. И. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология [Текст] / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева - М. : Аспект Пресс, 2003. - 464с.
9. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М. И. Фомина. - М. : Высшая школа, 2003. – 415 с.
10. Шеманаев, П. И. К вопросу о стилях японского литературного языка [Текст] // Труды Военного института иностранных языков. 1954. № 5. С.87-96.

Маймакова А.Д.

доцент, кандидат филологических наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан

ИЕРАРХИЯ МОРФЕМНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

На современном этапе развития лингвистики вопрос о том, что морфема является наименьшей знаковой единицей, не подвергается сомнению. Морфема – значимая единица более низкого уровня, чем слово. При этом имеется в виду, что морфема является минимальной значимой единицей именно по форме, а не по значению.

Определяемая как минимальный знак, морфема представляет собой двустороннюю единицу языка, т.е. такую единицу, в которой за определенной формой закреплено определенное содержание и которая нечленима на более простые единицы того же свойства. Как единица языка морфема существует именно благодаря своему значению. Без значения нет и не может быть морфемы, а следовательно, и знака. Знак и значение взаимно обуславливают и предполагают друг друга [7, с. 114]. Как и в любом знаке, в морфеме материальное и идеальное составляют устойчивое диалектическое единство.

Как «связанная форма», обреченная на комбинационное существование, морфема должна рассматриваться в рамках словоформы. Это относится как к форме, так и к значению морфемы. Как форма, морфема распадается на фонемы в их морфонологической функции, под которыми понимаются фонемы-конструкты, характеризующиеся через свою строевую функцию (место в морфеме) и свою систему вариантов, связанную с изменением морфемного контекста.

Значение морфемы также обуславливается ее связанным существованием, т.е. также не является свободным. Рассматривая характер значения морфемы, А.А.Реформатский полагал, что в отличие от слов, называющих вещи и явления действительности, морфемы выражают понятия: «а) корневые – вещественные [стол-], [зем-], [окн-] и т.п. и б) некорневые двух видов: значения признаков [-ость], [-ив-], [без-], [пере-] и значения отношений [-у], [-ишь], *сид-у, сид-ишь*, [-а], [-у], *стол-а, стол-у* и т.п.; это семасиологическая функция, функция выражения понятий. Называть морфемы не могут, но значение имеют: [красн-] выражает лишь понятие определенного цвета, а назвать что-либо можно, лишь превратив морфему в слово: *краснота, красный, краснеть* и т.п.» [6, с. 21].

Однако, по мнению В.М.Солнцева, функция выражения и функция называния – это одно и то же, так как «отнесение языкового знака к классу предметов (или одному предмету) осуществляется через понятие об этом классе» [7, с. 256].

Слово, как известно, обладает способностью выражать то или иное определенное понятие. Морфема лишена такой способности. В.М.Солнцев предлагал назвать значение морфемы ассоциативным, в противоположность понятийному словесному [7, с. 117, 256]. Какая ассоциация имела в виду? Обычно это положение воспринималось как подтверждение неопределенности морфемного значения в

сравнении со значением высших языковых уровней, например, значение корневой морфемы, *вод-* в сравнении с понятийно (грамматически) определенным *водить*, *вода* и т.д. Однако существует достаточно большое число лексем с неопределенно широкой понятийной областью, которые толкуются через отношение к этой области, а не непосредственно.

На возможность уже предлагавшейся отдельными учеными трактовки ассоциативности как функции контекста указывает ряд примеров морфемного взаимовлияния в словоформе. Ср. [3, с. 91, 94]. Изоформизм языковых уровней появляется, в частности, в сохранении этого отраженного контекста и в изолированной позиции. «Здесь явная параллель к фактам фонетики: если в русском слове соседствуют два шумных согласных, то рядом с глухим должен быть глухой; один согласный позиционно «заражается» от соседа признаком глухости. В форме тв. падежа от основы *утр-*, *весн-* «заражается» временным значением флексия; вся словоформа используется как обстоятельство времени» [5, с. 84].

Сказанное позволяет объяснить ассоциативность морфемного значения именно как способность морфемы, будучи искусственно выделенной, сохранять следы «заражений», ассоциироваться со множеством линейных контекстов (уместно вспомнить, что значение изолированной языковой единицы – лишь фикция, и в данном случае имеет место наиболее частотный контекст). Производные в словообразовательной парадигме объединяются не только ассоциацией по сходству, но и ассоциацией по смежности (= временной последовательности). Для морфемного значения важна именно эта, «консервативная», по мнению Н.В.Крушевского, ассоциация по смежности повторяющихся соседних морфем.

Как известно, план содержания морфем неоднороден: он включает вещественные, или лексические, а также формальные, или грамматические значения, а если оставаться в рамках формальных значений – они могут быть категориальными и реляционными, внутриязыковыми, синтаксическими.

Различный объем семантической нагруженности морфем, связь определенных классов морфем с теми или иными типами значений позволяет говорить о существовании градации морфемного значения. С одной стороны, корневые морфемы как главные значимые части слов противопоставлены аффиксальным морфемам. Аффиксальные морфемы также могут классифицироваться по своим содержательным свойствам, т.е. внутри аффиксальных морфем существует своя иерархия значений. С другой стороны, корни и аффиксы как номинативные значимые морфемы противопоставлены так называемым интерфиксам, которые обладают лишь синтаксической значимостью.

Корневые морфемы выражают вещественное значение – основную часть лексического значения слова. Аффиксальные морфемы выражают лексико-грамматические значения, т.е. они видоизменяют (уточняют и конкретизируют) значение корня, придают слову грамматические значения. Говоря о различии между корнем и аффиксами, Е.А.Земская отмечает: «Корневые морфемы имеют в качестве обозначаемого элемента (кусочек) действительности, следовательно, их значение реально-вещественное. Аффиксальные морфемы ни с каким элементом действительности непосредственно не соотносятся». Обозначаемым для них является «то общее, что отвлекается из значения ряда слов, включающих эти

морфемы. Следовательно, их значение категориально-классифицирующее» [2, с. 39-40].

Степень различий в значениях аффиксальных морфем колеблется в широком диапазоне – от значений чисто классифицирующих и не имеющих прямого отношения к передаче какого-либо реального содержания (н-р, интерфиксы) до значений, отражающих свойства и признаки, которые находят соответствие во внеязыковой действительности (н-р, аффиксы со значением рода или числа), причем с различной степенью абстрактности и вещественности. Наиболее противопоставленными являются префиксальные и суффиксальные морфемы. Как отмечает Н.В.Крушевский, префиксы и суффиксы являются противоположными морфемами «не только потому, что их объем и содержание находятся в обратном отношении: все их существенные черты противоположны» [4, с. 85].

Префиксальные морфемы по сравнению с суффиксальными морфемами обладают большей самостоятельностью: не зависят от влияния флексий и не несут информации о грамматических свойствах слова, – они в меньшей степени зависят от корня. Обычно префиксы не изменяют коренным образом значения слова, к которому присоединяются, а лишь уточняют его значение в том или ином отношении, добавляя к нему некоторый оттенок.

Суффиксальные морфемы отличаются от префиксальных большей степенью слитности с корнем и нередко (в изменяемых словах) тесной связью с флексиями. Указание на суффикс с необходимостью включает в себя указание на определенный набор (парадигму) флексий, присущих формам данного слова.

Суффиксальные морфемы более активно, чем префиксальные выполняют классифицирующую функцию: относят слово к определенной части речи, придают слову новые грамматические значения, вносят изменения в значение мотивирующей основы как в грамматическом, так и в лексическом плане.

Сопоставляя в семантическом отношении суффиксальные морфемы с префиксальными, следует отметить большую степень конкретности и определенности лексического значения префиксальных морфем. На это в свое время обратил внимание Н.В.Крушевский: «... префикс имеет почти всегда определенное значение, т.е. он сообщает слову главным образом один какой-нибудь оттенок (н-р, под-) и кроме него никакой другой префикс не может сообщать того же оттенка». «Что касается значения суффиксов, то оно у них обыкновенно весьма широко и неопределенно» [4, с. 82, 83].

Таким образом, в сопоставлении с префиксальными морфемами семантические особенности суффиксальных морфем вырисовываются достаточно отчетливо: «убожество содержания» – так образно определил Н.В.Крушевский удельный вес этого аффикса в слове [4, с. 85].

Заметим, что у каждой части речи суффиксы имеют свои особенности. Так, у имен существительных суффиксы в целом более конкретны и разнообразны по значению. По замечанию Е.А.Земской, есть суффиксы, служащие для образования названий лиц, предметов, отвлеченных понятий. «Внутри этих общих групп имеются отдельные суффиксы, закрепленные за обозначением какой-либо узкой сферы предметов или явлений» [2, с. 255]. Почти все суффиксы имен существительных являются словообразующими.

По своему значению суффиксы имен прилагательных более отвлеченны, чем суффиксы имен существительных. Среди суффиксов имен прилагательных традиционно выделяются суффиксы со значением качества и суффиксы со значением отношения. Суффиксы имен прилагательных могут быть словообразующими и формообразующими (в формах степеней сравнения).

Глагольные суффиксы отличаются от суффиксов имен существительных и имен прилагательных. «В самих значениях суффиксов именных и глагольных наблюдается резкое различие. Глагольные суффиксы лишены многозначности, не создают разнородных семантических классов внутри категории глагола» [1, с. 56]. Зато они участвуют в образовании форм глагола (это суффиксы, образующие видовые пары глаголов, суффиксы прошедшего времени, суффиксы причастий и деепричастий).

Как видим, при переходе от имен существительных к глаголам наблюдается постепенное уменьшение лексического элемента в значении суффикса и возрастание грамматического элемента.

Флексийные морфемы по некоторым своим признакам противопоставляются всем остальным аффиксальным морфемам. Флексийные морфемы всегда выступают в определенном наборе, в комплексе, с помощью которого создается парадигма определенных категорий слов (н-р: определенной части речи, определенных типов склонения или спряжения и т.п.).

По своей семантике флексийные морфемы так же существенным образом отличаются от других морфем: они служат для выражения грамматических значений слов, их синтаксических свойств, с помощью флексий выражается отношение данного слова к другим словам, устанавливаются синтаксические связи слов в словосочетании и предложении.

Таким образом, можно сказать, что флексийные морфемы обладают главным образом грамматическим значением. Другими словами, они выполняют преимущественно грамматическую функцию. Однако нельзя не заметить, что иногда флексии совмещают свою основную функцию со словообразовательной. Например: в словах типа *кум – кум-а*, *супруг – супруг-а* флексия *-а*, выражая грамматическое значение женского рода, одновременно обозначает лицо женского пола, т.е. выражает такое словообразовательное значение, которое обычно в русском языке передается с помощью суффикса. Ср. *пионер – пионер-к-а*, *учи-тель – учитель-ниц-а*. Сюда же можно отнести и имена существительные типа *учительская* (помещение); *скорый*, *пассажирск-ий* (названия поездов). В этих словах «окончания прилагательного, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» [1, с. 164].

В интерфиксах, противопоставленных корневым и аффиксальным морфемам по признаку: синтаксическая значимость – номинативная значимость, – значение выступает наименее «семантическим». В отличие от корней и аффиксов, интерфиксы не имеют собственно значения, но выступают как элементы языка, которые служат для соединения морфем в слове. Нельзя согласиться с тем, что интерфиксы нередко называют асемантическими морфемами: интерфиксы функционально нагружены и, следовательно, системно значимы.

Таким образом, из всего сказанного выше следует, что в языке существует определенная иерархия морфемных значений. Можно сказать, что префикс, корень, суффикс, флексия представляют собой ряд морфологических элементов, нисходящих по отношению к определенности содержания и восходящих по отношению к объему.

В синтаксическом отношении интерфиксы находятся на самой низшей ступени градации морфемных значений, так как они наименее «семантически» по сравнению с другими морфемами, обладают лишь синтаксической значимостью.

Содержательный «пик» в шкале морфемных значений приходится на корневую морфему: корень является носителем основного лексического значения слова.

В отличие от значений префиксальной морфемы, диапазон значений суффиксальной морфемы более широкий и неопределенный. Может быть, самым емким и трудноопределимым является значение суффикса имени прилагательного. В наибольшей же степени это относится к суффиксам прилагательного со значением отношения.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А.Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
2. Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С.36-62.
3. Ковалева Л.С. Действие фонетического фактора при окказиональном словообразовании // Русское языкознание. – Киев: Лыбидь, 1990. – № 21. – С.90-95.
4. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань: Типография Императорского университета, 1883. – 149 с.
5. Панов М.В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1990. – С.82-90.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
7. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 341 с.

Миньяр-Белоручева А.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор (г. Москва).

E-mail: ostvera@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человечество прошло длинный путь в своем развитии. Все изменения, произошедшие на этом пути запечатлены в исторических терминах. Исторические термины, отражающие основные категории и понятия исторической науки. По значимости содержащейся в них информации и масштабу функционирования исторические термины классифицируются на макротермины и микротермины, что свидетельствует об их двуплановости. Первые, являясь инструментарием исторической науки, служат для выражения ее методологии, вторые используются для описания событийной истории и создания колорита эпохи. К первым относятся общенаучные и общеисторические термины, ко вторым – специально-исторические термины и исторические термины-реалии. Макроисторические термины представляют собой продукт доминирующего мировоззрения в исторической мысли современной цивилизации. Микроисторические термины являются вербальным результатом развития конкретной культуры.

Макротермины – это термины обобщенного сознания, отражающие абстрактные понятия; они появились в процессе разделения системы научных знаний и являются продуктом человеческого мысли. Они употребляются для обозначения метакатегорий, то есть понятийного аппарата исторической науки, который был создан в XIX веке крупнейшими философами и историками. В макротерминах выделяются общенаучные термины и общеисторические термины.

Микроисторические термины отражают событийную историю человечества. Они подразделяются на специально-исторические термины, созданные историками из ресурсов современного языка, и исторические термины-реалии, чью основу составляют лексические единицы, вышедшие из реального речеупотребления, но реанимированные учеными в период Нового и новейшего времени, которые общеупотребительными лексическими единицами в эпоху их реального существования. Эти лексические единицы перешли в разряд исторических терминов-реалий, когда ими стали пользоваться как инструментарием исторической науки, как средством познания исторической действительности. Исторические термины-реалии, обозначая фиктивную, а не реальную предметность, именуют нереферентные объекты материальной культуры. По сути, микроисторические термины – это совокупность терминов, характеризующих жизнь общества в прошлом: социально-экономические, общественно-политические, правовые отношения, военное дело, идеологию, быт.

Иерархия понятийных систем в истории может служить наиболее объективным критерием выделения исторических терминов, при этом необходимо

учитывать классификационные связи и терминологические подсистемы, объединенные с соответствующими понятийными системами истории. Анализ системы исторических понятий дает возможность определить взаимосвязь отдельных понятий, групп и подсистем. Терминологические системы могут быть разных уровней и отражать как родовые, так и видовые понятия.

Наиболее высоким является цивилизационный уровень, составляющий понятийную систему первого ряда. Понятия, относящиеся к способу производства, к социально-политической структуре, к культуре, входят в понятийную систему второго ряда. Понятийные системы первого и второго рядов относятся к макротерминам истории.

Понятийная система третьего ряда группирует родовые понятия исторической науки вокруг основополагающих категорий второго ряда. Они включают названия орудий труда, классов, форм государственного устройства, господствующих общественных идей и относятся к микротерминам исторической науки. Изучение микроисторических терминов позволяет создать целостную картину развития цивилизации, проследить сложный путь эволюции человеческого общества.

Исчезнувшие предметы и понятия продолжают существовать в исторических терминах-реалиях, которые представляют собой результат развития естественного языка. Исторические термины-реалии изучаются после того, как путь объекта пройден. Картина мира целых народов отражается в мало знакомых другим народам других эпох терминах-реалиях. На основе терминов-реалий современные историки моделируют картину мира исторического прошлого, которая меняется в каждую историческую эпоху. Историки используют исторические термины-реалии в своих научных произведениях, поскольку не могут излагать исторические понятия только в терминах сегодняшнего дня.

Исторические термины-реалии являются культурно-историческим наследием человечества. Это своеобразное звено в цепи прогресса, средство связи между эпохами, благодаря которому происходит общение поколений через века. Исторические термины-реалии помогают ориентироваться в историческом времени и пространстве. Они являются не только хранилищем знаний, но и важнейшим источником информации об исторической действительности и принадлежат как всему человечеству, так и отдельно взятой нации. Изучение исторических терминов-реалий позволяет проследить изменения значений лексических единиц, из которых они развились в разные эпохи их существования.

Язык развивается, постоянно обогащаясь. В то же время, обретая новые, он не утрачивает имеющиеся качества. От минувших веков язык сохранил лексические единицы, отражающие определенный аспект жизни исторического прошлого и перешедшие в настоящее время в разряд исторических терминов-реалий. Исторические термины, образованные из ресурсов языка, находятся в непрерывном движении. Проведенное исследование показало, что некоторые исторические термины-реалии в своем развитии проходят три стадии. Первая стадия – это реальное существование лексических единиц, вышедших из активного употребления вместе с референтами, ими обозначаемыми. Вторая стадия связана с их реанимацией историками Нового и новейшего времени. На третьей стадии происходит то, о чем

писал С. Булгаков: «... словесные окаменелости» снова «оживают и наполняются иными смыслами» [2, с. 36]. При этом может наблюдаться метафоризация значения. Новое слово с неизменной внешней формой может рождаться многократно, каждый раз наполняясь новым содержанием. Изменение внутреннего значения таких лексических единиц выводит их за рамки терминологического поля исторической науки.

Трансформация на уровне внутренней семантики приводит к тому, что лексическая единица с единой звукографической формой функционирует в разных терминологических полях, таким образом заявляя о независимости «вершин», имеющих одно основание [3, с. 202]. В рождении нового слова или термина из старой структуры участвуют два уровня, внутренний и внешний: семантический, идущий от внутреннего значения к определенной смысловой интерпретации, и звукографический, представляющий собой материальную основу внутреннего значения. Семантический аспект тесно связан со своим материальным звукографическим выражением. Изменение значения термина происходит на внутреннем уровне, поскольку считается, что творческий аспект языка находится в глубинной структуре, опирающейся на прочную материальную звукографическую основу [4, с. 79].

Глубинные изменения, приводящие к трансформации значения лексической единицы, вызваны экстралингвистическими факторами, такими как расширение полномочий и обязанностей некоторых групп лиц: butler (AN. servant having charge of the wine-cellar XIII), chamberlain (OF. attendant on a royal or noble chamber XIII, steward of a king XV); изменение статуса граждан: suffrage (L. prayers XIV, vote XVI); развитие вооружения: armour, bomb, cannon; смещение социальных акцентов: page, squire, knight. Эти термины представляют собой «неподвижную подвижность» [3, с. 208]. Однако наряду с историческими терминами, внутреннее значение которых развивается, имеются исторические термины, по тем или иным причинам не получившие своего дальнейшего развития. Такие лексические единицы как *geneats*, *geburs*, *bretwalda*, *held* застыли во времени, отражая только узкий отрезок исторической реальности. Они оживают в качестве терминов-реалий на страницах научных исторических произведений.

Значение исторических терминов отражает уровень социального и технического развития определенной эпохи, общие свойства человеческой природы и национальную специфику страны.

Для того чтобы понять сложные процессы, участвующие в формировании исторических терминов, необходимо проанализировать внутренний уровень лексических единиц. Как известно, внешний и внутренний уровни лексических единиц связаны между собой, не могут функционировать каждый в отдельности, причем внутренний уровень является определяющим. Симметричность денотата и сигнификата позволяет людям одной эпохи понимать друг друга. Семантика исторических терминов не всегда достаточно четко выражена. Такие исторические термины-реалии как *cuirass vechе*, *gemot*, хотя и имеют одинаковую звукографическую форму на всех европейских языках, требуют особого толкования, поскольку их денотаты нереферентны, а их сигнификаты для современных людей семантически незначимы. Эти термины-реалии отражают национальный и темпоральный колорит

эпохи, поскольку выражают специфические, существовавшие в определенный отрезок календарного времени понятия и предметы. Толкование значений этих терминов облегчается тем, что их денотаты симметричны их сигнификатам.

Заимствованные исторические термины-реалии позволяют увидеть национальные особенности исторического процесса. Например, термин-реалия *vesche* отражает специфику управления в средневековых русских городах, *gwely* дает представление о социально-экономических отношениях древних кельтов. Значение этих лексических единиц не развивалось в течение веков, то есть содержание значения, которое является неотъемлемой частью сигнификата, осталось неизменным.

Исторические термины-реалии могут быть классифицированы на три группы. Первую группу составляют исторические термины-реалии с «пустым» денотатом, обозначающие нереферентные понятия и предметы; их значение фиксировано и неизменно, развитие отсутствует. Их путь от лексических единиц к историческим терминам пролегал от конкретного предмета к абстрактному представлению и затем к новому уровню конкретности.

Нереферентность терминов-реалий обусловлена взаимосвязью лексического значения слова, понятия и термина. Лексическое значение состоит из денотата, сигнификата и внутренней формы слова. В структуру понятия при его соотношении с именем понятия входят сигнификат и интенционал, причем совокупности признаков сигнификата и интенционала могут не совпадать целиком, т.к. признаки, используемые для правильного называния предмета или явления, могут не исчерпывать их сущности [1, с. 384]. Сигнификат и интенционал находятся в определенных диахронических отношениях. Признак, лежащий в основе сигнификата, и, следовательно, внутренняя форма слова, как правило, являются случайным результатом именованного, но это не свойственно специально созданным терминам. Понятие, состоящее из денотата, сигнификата и внутреннего значения, имеет несколько сем. Если денотат и сигнификат одной из сем лексического значения совпадают с денотатом и сигнификатом понятия, то образуется термин, который функционирует в пределах строго ограниченного терминологического поля.

Во вторую группу включены исторические термины-реалии с реальным денотатом, такие как *cuirass*, *hauberk*, *brigandine*; эти военные исторические термины обозначают предметы, хранящиеся в музеях. Их сигнификат и денотат совпадают.

В третью группу входят исторические термины-реалии, содержание значения которых изменяется с развитием общества в каждую новую эпоху. Одна и та же звукографическая форма под влиянием социально-политических и экономических изменений общества меняет свое значение, создавая таким образом темпоральную полисемию. Некоторые лексические единицы, несмотря на «пустой» денотат, возвращаются к активному употреблению в качестве метафоры или слова в новом значении, которое образовано на основе одной из сем ядра. Такие термины-реалии имеют двойной денотат: «пустой», когда исторические термины относятся к раннему периоду своего существования, и «реальный», когда они или относятся к более позднему этапу развития, или перешли в новое терминологическое пространство, то есть стали терминами не истории, а другой социально-политической дисциплины. К таким лексическим единицам относятся *squire*, *page*, *crusade*, *knight*.

Лексическая единица *squire* как исторический термин XIII в. означает

“young man in attendance on a knight” [8, p. 457] – *оруженосец*, начиная с XVII в. как социально-экономический термин она означает *сквайр*, *мелкопоместный дворянин*. Следующие примеры иллюстрируют сказанное :

“At the age of fourteen the page would become a *squire*; he would now be in constant attendance on his lord, tending his war-horses and his armour, following him on his campaigns, and being trained in the use of lance and shield and battle-axe” [5, p. 104].

“The first Randolph in Virginia sprang from a family of Warwickshire *squires* of no great consequence” [7, p. 12].

В этих предложениях функционируют два разных термина: исторический и социально-экономический. Первое предложение относится к средневековому периоду. Второе – к жизни американских колонистов XVII в. В этом предложении “squire” означает социальный статус людей, прибывших в Америку, которые до приезда в Новый Свет были мелкопоместными дворянами в метрополии. Таким образом, одна лексическая единица развилась в два термина. Выходящие из одной основы, они функционируют в разных терминологических полях.

Как исторический термин-реалия XIII в. “page” означает “youth in training for knighthood” – *паж*. В XIV в. page становится общеупотребительным словом и означает “boy (or man)” employed as servant or attendant in a big household” – *слуга*. В XVIII в. page приобретает значение “a foot-boy or errand-boy at a house, hotel” – *посыльный* [8, p. 332]. Как современный общественно-политический термин page означает “a messenger, boy or girl, in the U.S. Congress” [6, p. 948] – *стажер в Белом Доме*. Значение лексических единиц обусловлено временем их существования, оно модифицируется с изменением социально-экономических, политических и бытовых условий жизни.

Лексическая единица “crusade” представляет собой пример возвращения нереперентных слов в современный словарный состав английского языка. Как исторический термин-реалия crusade означает *крестовый поход*. Например, “The medieval period as distinct from the Dark Ages began about the time of the First Crusade when Europe was reorganised by the feudal system. Feudalism as the characteristic institution of the Middle Ages implies a fixed and legal subordination of certain classes of society to certain others” [10, p. 133]. Как общественно-политический термин crusade значит *движение в защиту определенной идеи, цели* и является одним из компонентов таких словосочетаний как: populist crusade, agrarian crusade [9, p. 86–87]. Речевым образцом использования одного из них служит следующее предложение: “Joining with dissident workers and with other groups, the farmers spawned the Populist Party, declaring in their famous Omaha platform of 1892 that a “vast conspiracy against mankind” was underway and that a populist crusade would have to be waged to crush it” [9, p. 86]. Соответственным образом развивается и производная от crusade лексическая единица crusader, которая как исторический термин означает *участник крестовых походов*, например, “... in 1099 <...> the Crusaders made Godfrey of Bouillon King of Jerusalem” [5, p. 112], а как общественно-политический термин – *участник движения в защиту определенной идеи, цели*: “There was, to be sure, a common faith in democracy and in human nature, but even that was less pervasive in the later than in the earlier period. It is suggestive that while almost all of the crusaders of the ‘Golden Age’ remained faithful to their radical principles, many of the journalists and politicians connected with the progressivism of the nineties later found refuge in the camps of the enemy” [7, p. 340]. Изменение значения произошло

благодаря расширению внутреннего объема значения. Это позволило развиваться одной лексической единице в два термина: один исторический, другой общественно-политический.

История развития значения лексической единицы knight (ОЕ.) – *рыцарь* – заслуживает особого внимания. Первоначально означавшая “a lad servant” в средневековой Европе она приобрела значение “one of gentle birth and bred to arms, admitted in feudal times to a certain honourable military rank” [6, p. 728], которое сохранилось за соответствующим историческим термином-реалией. В XIV в. появляется словосочетание “knight of shire”, означавшее “a member of parliament for a county” [6, p. 728]. В XV в. в эпоху Тюдоров лексическая единица knight приобрела значение “one of the rank, with the title ‘Sir’, next below baronets” [6, p. 728]. При дворе ее вытеснила вошедшая в моду лексическая единица courtier, которая означала не только “one who frequents courts or palaces”, но и “one who courts or flatters” [6, p. 299]. С XVIII в. лексическая единица knight употребляется в переносном значении как “one devoted to the service of a lady, her ‘servant’ or champion” [6, p. 728]. В конце XIX в. она была использована для названия организации “Knights of Labor” [9, p. 86], которую американские рабочие создали для борьбы за свои права. Исторический термин-реалия, независимо от типа денотата, при определенных условиях и возможности развития внутреннего значения может выйти за рамки терминологического поля исторической науки и функционировать как общеупотребительное слово или термин любой области знания.

Исторические термины-реалии, лексические единицы, реально существовавшие в конкретную эпоху, позволяют проследить изменения, происходившие в человеческом обществе на протяжении веков. Они способствуют созданию целостной картины развития человечества, позволяя по-новому изучить происходившие процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Булгаков С. Философия имени / С. Булгаков. – Б/м: Каир, 1997, – 331 с.
3. Флоренский, П.А. Имена: Сочинения / П.А. Флоренский. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с.
4. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М.: “Прогресс”, 1975. – 432 с.
5. Carrington С.Е. A History of England / С.Е. Carrington. – Cambridge: Cambridge University Press, 1945. – 445 p.
6. Chambers Twentieth Century Dictionary/ Ed. by A. Macdonald. – Edinburgh: W & Chambers Ltd, 1972. – 1651 p.
7. Nevins A., Commanger H.S. with Morris J.A. Pocket History of the USA. – New York: Pocket Books, 1992. – 719 p.
8. Oxford Concise Dictionary of English Etymology / Ed. by Hoad – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 552 p.
9. Porter G. The Rise of Big Business 1860–1910 / G. Porter. – Illinois: Harlan Davidson, 1973. – 145 p.
10. Trevelyan G.M. History of England. – Colchester, London & Eton: Spottishwoode, Ballantyne & Co. Ltd, 1936. – 756 p.

Кашуба Н.В.

Аспірантка кафедри української мови Національного педагогічного університету імені Н. П. Драгоманова

ПРОБЛЕМА ВИЗНАЧЕННЯ І ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ ПРЕДИКАТНОЇ СЕМАНТИКИ ДІЇ

У наш час значно зросла увага до аналізу різних аспектів поняття *дія*. Ця проблематика стала актуальною як для філософії, так і для лінгвістики. Сучасні дослідження спрямовані на з'ясування природи дії (action) і діяльності (agency), а також розмежування дій, які лише пов'язані з людиною, і дій, здійснюваних самою людиною.

У дефініціях тлумачних словників *дія* – це робота, діяльність, здійснення чогось [2, с. 228]. Це також вплив, вияв якої-небудь енергії, здійснення діяльності, це сама сила та діяльність. Філософське та лінгвістичне поняття *дії, діяльності, руху* суттєво відрізняється від цих понять у природничих науках, де рухом є електричний струм, дифузія, обмін речовин, процес дихання тощо. Лінгвісти в поняття *дія* вкладають інший, хоч і неоднаковий зміст. Його або звужують – і тоді кожне дієслово зараховують до класу одиниць зі значенням дії, або розширюють, розглядаючи лише дієслова активних фізичних дій, спрямованих на створення, руйнування або зміну об'єкта.

Значні труднощі викликає і внутрішня семантична диференціація в межах класу дієслів-предикатів дії, і дотепер ще не виявлено їх семантичну типологію. Загалом, чимало проблем класифікації предикатів залишається об'єктом дискусій, вони потребують перегляду та уточнення. Не визначено диференційні ознаки різних семантичних типів предикатів, а межі виокремлених груп залишаються нечіткими. Тому одним із актуальних завдань синтаксису на сучасному етапі стає виокремлення груп предикатів, об'єднаних типовим значенням, та з'ясування їхніх семантичних, функціональних і синтагматичних особливостей. Здійснення докладної семантичної типологізації предикатів сприяє виявленню та систематизації непредикатних знаків, визначенню типів відношень у структурі речення, повній інвентаризації та упорядкуванню моделей речення. Крім того, диференціація предикатної семантики, у якій знайшли своє розгорнуте представлення дії, процеси, відношення, що існують у позамовному світі, сприяє категоризації явищ буття і загалом – пізнанню людиною дійсності.

Отже, тема статті видається **актуальною** з огляду на необхідність розв'язання проблем, пов'язаних із класифікацією предикатних та непредикатних знаків у семантичній структурі речення. **Мета** роботи полягає у з'ясуванні особливостей предикатів дії та їх семантичній диференціації.

У філософії існує погляд, за яким дію визначає ознака доцільності, і тоді до різновидів активних дій відносять не лише дії людей, а й доцільні рухи тварин та комах, які є метою їх активності [8]. Природа людської дії складніша. Її пояснює філософська теорія «раціональної дії», згідно з якою дія людини представлена

як цілеспрямована, усвідомлена, спланована, контрольована активність. Людина виявляє активність, спрямовану на виконання мети, яка попередньо визначена на основі всебічного практичного аналізу людиною всіх її можливостей як суб'єкта дії. Активний діяч, або агент, при цьому усвідомлює, що його активність спрямована на мету, яку він сам визначив. Агент здебільшого здійснює прямий контроль над дією, керує нею [8].

В українському мовознавстві поширеним є погляд, за яким дієсловами дії називають ті, у значенні яких відображено механічний рух предметів або їхніх частин, що відбувається в просторі і сприймається органами чуття людини [7, с. 303-304]. Крім поняття дії, існує й поняття діяльності (психічної, інтелектуальної), яке за багатьма ознаками близьке до фізичної дії, оскільки передбачає активність суб'єкта, вияв його енергії, цілеспрямованість, результативність, часову локалізованість, фазовість, динамічність (думки або мовні одиниці швидко змінюють одна одну в своїй спрямованості на результат).

Семантичну диференціацію акціональних дієслів-предикатів запропонували у своїх працях вітчизняні та зарубіжні мовознавці (В. М. Русанівський, І. Р. Вихованець, А. П. Загнітко, Л. М. Васильєв, Н. С. Авілова, І. І. Овчиннікова та ін.). Науковому аналізу основних семантичних типів предикатів дії в україністиці присвячено цілу низку праць. Досліджено, зокрема, предикати активної фізичної дії (І. І. Овчиннікова, О. Ю. Грипас, І. Ф. Джочка, А. В. Шумейкіна), мислення (В. В. Гумовська), мовлення (Н. Г. Ніколаєва), руху (О. Г. Митрофанова, Л. А. Белоконенко).

Логіко-філософське розуміння категорії дії є основою для лінгвістичного тлумачення акціональної предикатної семантики. Аналіз наукових розвідок та огляд поглядів на категорію дії у філософському аспекті дозволяє зробити висновок про її сутність та обсяг. Категорія дії об'єднує такі значення: активних усвідомлених контрольованих безоб'єктних дій людини; цілеспрямованих результативних дій людини, спрямованих на об'єкт; неусвідомленої поведінки і мимовільних дій людини; доцільної активності тварин; одно- та різноспрямованого руху істот в просторі; дій істот, спрямованих на переміщення об'єктів у просторі; інтелектуальної діяльності людини. Немає онтологічних підстав виключати з категорії дії значення мимовільних, неусвідомлених або неконтрольованих рухів людини та рухів тварин і комах.

Визначення критеріїв поділу дієслів-предикатів дії на підкласи та групи здійснюється на різних засадах: лексико-семантичних, лексико-граматичних, функціонально-семантичних, структурних, синтаксичних та ін. Сучасні класифікації дієслів зорієнтовані на їх предикатну функцію в семантико-синтаксичній структурі речення. Вітчизняні дослідники одностайні у визначенні таких основних груп акціональних дієслів-предикатів: 1) із значенням творення, різних видів фізичної діяльності; 2) із указівкою на більший або менший ступінь інтенсивності дії, спрямованої на об'єкт; 3) із значенням переміщення в просторі у поєднанні зі значенням конкретної фізичної дії; 4) із значенням руху; 5) із значенням психічних та розумових дій [5, с. 40-41; 3, с. 93; 9, с. 114-115]. Водночас зазначають, що семантика дієслів останньої групи наближається до семантики процесу і стану.

Принципового значення у класифікації предикатів як семантичних одиниць набуває зорієнтованість передусім на характер і структуру відображуваної

ситуації. А в характеристиці та розрізненні акціональних денотативних ситуацій найбільш важливу роль відіграють категорії об'єктності, суб'єктності, агентивності та результативності. Проте поділ дієслівних предикатів дії за характером їхньої семантики на групи залишається проблемним, оскільки в структурі дієслівного значення «перетинаються, взаємодіють лексичне і граматичне, власне знакове і структурне значення» [10, с. 128].

У роботі виявлення семантичних класів і підкласів предикатів дії здійснено передусім із урахуванням таких основних ознак ситуації та, відповідно, предикатної акціональної семантики, як: суб'єктно-об'єктна зорієнтованість дії, якісне розрізнення денотатів акціональності, мета і результативність дії.

Багато дослідників (Н. С. Авілова, В. Г. Гак та ін.) будують класифікацію дієслів-предикатів передусім на основі такої ознаки, як суб'єктно-об'єктна зорієнтованість дії, і виокремлюють дії, зосереджені на самому суб'єкті, та дії, спрямовані на об'єкт. Дієслова-предикати називають, відповідно, *суб'єктними* та *суб'єктно-об'єктними* [4, с. 285]. У розрізненні предикатів дії ця ознака особливо суттєва з огляду на те, що «зв'язок суб'єкта і об'єкта є невід'ємною частиною загальної категорії діяльності, що становить спосіб пізнання людиною дійсності» [9, с. 114].

Суб'єктний тип охоплює предикати на позначення дії, яка стосується виконавця, спрямована на нього і може викликати зміни самого суб'єкта або його розташування. Метою і результатом активних дій часто є внутрішні або зовнішні зміни суб'єкта. Денотат суб'єктного предикатного типу дії характеризується збігом активного виконавця і об'єкта дії в одній особі – активному суб'єкті.

Ситуація, позначувана суб'єктним предикатом дії, динамічна і має таку структуру: активний суб'єкт або кілька суб'єктів з однаковими семантичними функціями, цілеспрямована або нецілеспрямована дія, яка може бути результативною або нерезультативною.

Суб'єктні предикати дії поділено на односуб'єктні та багатосуб'єктні. У межах односуб'єктних предикатів виокремлено:

1) предикати руху активного суб'єкта у просторі: *йти, летіти, повзти, брести* (односпрямований); *бродити, гуляти, літати, повзати*, (різноспрямований); *лягати, підводитися, сідати* (зміна положення тіла суб'єкта в просторі); *кивати, озиратися, підстрибувати, стрибати, схилитися* (рухи тіла суб'єкта), наприклад, *Потім я побіг назад, до Десни. Я вибіг на висип* (О. Довженко). *А я в село сходила, молока взяла* (О. Коломієць). *Знов блукали всі по подвір'ю та по станції* (В. Винниченко). *В небі літають чорні, зловісні птахи* (І. Багряний). *Він вийшов у садок і пішов стежкою* (Б. Грінченко). *Хлопець крутнув головою, очі злісно блиснули* (С. Васильченко);

2) предикати професійної діяльності людини: *козакувати, стельмахувати, учителювати, чумакувати*, наприклад, *Колишній учень дізнався, що саме тут учителює його колишній улюблений учитель* (О. Іваненко). *Батько сам чумакував, часто про того чумака, що занедужав у дорозі, співав* (С. Васильченко). *Ну, спробуємо ще стельмахувати!* (С. Васильченко);

3) акціональні акустичні предикати, або предикати із семантикою «створювати звуки»: *барабанити, галасувати, грати, грюкати, гупати, ляскати, репетувати, свистіти, скиглити, стукати, шарудіти, шиніти, тупотіти*, наприклад, *Андрій знову постукав* (І. Багряний). *Але музики голосно грали, а чорна*

заслона не спадала (І. Нечуй-Левицький). Гужва подзвонював ключами вже десь під мотоциклом (І. Дрозд). Пристукнула в сінях каблуками, грюкнула дверима, ледве не зачепилась за поріг (О. Донченко);

4) предикати розумової діяльності: думати, імпровізувати, мислити, міркувати, планувати, наприклад, Давайте краще думати і мовчати... (О. Гончар). Ти думав, як дурень, а він думав, як розумний (М. Хвильовий). Він мислив історично і не міг мислити інакше... (О. Гончар). От закінчу цей твір — тоді зупинюсь, у всьому зупинюсь, подумаю, вирішу (О. Іваненко);

5) предикати поведінки: вередувати, грішити, лицемірити, метушитися, нахабніти, підлабузюватися, плазувати, прикидатися, розпусничати, фарисействувати, хизуватися, наприклад, Вони заметушилися і забідкались, кинулиш шукати Малашку по монастирях (І. Нечуй-Левицький). Андрійко запручався, заверещав... (Р. Іванчук);

6) предикати дії, спрямованої на зміну зовнішності або стану суб'єкта: вбиратися, взуватися, голитися, купатися, митися, одягатися, роздягатися, розчісуватися, умиватися, чиститися, наприклад, Таня зачісується (О. Коломієць). Улянка швидко взулася в чобітки, накинула на плечі кожушок і вискочила надвір (О. Донченко).

Багатосуб'єктні предикати відображають ситуацію активних дій двох або більше суб'єктів. Їх називають симетричними, оскільки семантичні функції суб'єктів таких ситуацій збігаються [6]. У межах багатосуб'єктних предикатів дії виявлено семантичні групи, які відображають різні за характером типи позамовних ситуацій: 1) симетричні предикати зі значенням встановлення або припинення контакту: здибуватися, знайомитися, одружуватися, помиритися, посваритися, прощатися, розлучатися, розмовляти, сваритися, сперечатися, стрічатися та ін.; 2) багатосуб'єктні акціональні локативні предикати: збігатися, зібратися, з'їхатися, оточити, обступити, роз'їхатися, розлетітися, розлізтися, розповзтися, розсістися, сходитися, товпитися та ін. 3) предикати взаємної фізичної дії: битися, боротися, обніматися, цілуватися, штовхатися та ін.

Суб'єктно-об'єктні предикати дії утворюють велику групу семантичних одиниць. Вони позначають ситуацію, у структурі якої обов'язковими компонентами є активний суб'єкт (агенс), дія (діяльність) та об'єкт. Більшість дієслів, що виступають у ролі аналізованих суб'єктно-об'єктних предикатів дії, є каузативними, тобто такими, у словозначенні яких виражено причиново-наслідкове відношення – бути причиною чиеїсь зміни.

У семантичній структурі дієслівних акціональних предикатів, які відображають суб'єктно-об'єктну ситуацію дії (діяльності), міститься спільна сема цілеспрямованості, а тому один із критеріїв визначення семантичних груп у межах суб'єктно-об'єктних предикатів – це мета дії. Нею може бути створення або руйнування об'єкта, його передавання, зміна локалізації, отримання результату внаслідок трудової та суспільної діяльності або мисленневих дій, реалізація комунікативних настанов у мовному спілкуванні, вияв ставлення до об'єкта та вплив на нього. Відповідно до мети, з якою суб'єкт впливає на об'єкт у ситуації дії (діяльності), виокремлено групи суб'єктно-об'єктних акціональних предикатів з такою семантикою:

Wptyw badań naukowych

1) створення об'єкта: будувати, в'язати, ліпити, майструвати, малювати, пекти, створювати, шити, наприклад, Петро все хоче, як удома! І прибудівочок спорудив (О. Коломієць). В стрісі й під кроквами всередині «машини» мостили гнізда горобці... (І. Багрянний). І витесав потім, і викував, і вимурував усі хрести й всякі споруди — цей тесля, цей каменярь, цей робітник, робучий людський геній (І. Багрянний);

2) руйнування об'єкта: знищити, ламати, псувати, плавити, розбити, спалити, топити, убити, наприклад, В якійсь кав'ярні підлітки потрощили меблі (Л. Костенко). Зрізають схили, демонтують фонтани (Л. Костенко). Ви не чули — кажуть, у Шандри економа вбили (С. Васильченко). Багато я знищив ворога, що й говориться! (О. Довженко);

3) зміни об'єкта (його зовнішніх або внутрішніх ознак): вимити, виправити, змінити, полагодити, спотворити та ін., наприклад, Демко і собі почав розмотувати мотузок і прив'язувати папірці (О. Донченко). Я вкину листа на пошти, коли хочеш, — сказала мама і, не читаючи, заклеїла конверт (О. Іваненко). Він розгорнув карту і розправив її на колінах (О. Донченко) По вечері знову мили посуд (І. Багрянний);

4) передавання об'єкта: брати, віддавати, дарувати, купувати, надсилати, отримувати, позичати, продавати, та ін., наприклад, «Мила Машо! — писала тітка. — Надсилаю тобі листа, що одержала вчора від Дорошенка (О. Іваненко). Отримав листівку від друга з Каліфорнії... (Л. Костенко). Купив матерії дочці на платтячко та хустину дружині (В. Дрозд). Малому я подарував глобус (Л. Костенко). Дітям, потерпілим від Чорнобиля, видали вітаміни (Л. Костенко);

5) переміщення об'єкта у просторі: везти, нести, перевезти, перенести, посунути, тягти та ін., наприклад, Розтопила молодиця в печі, постановила горщики (Б. Грінченко). Павлик вносить батькове крісло (О. Коломієць). Впіймали хлопця, втягли в сіни... (С. Васильченко). Багато я вже вас перевіз (О. Довженко). Авдотія Миколаївна одразу зрозуміла — принесли рукопис! (О. Іваненко);

6) мовленнєвої діяльності: базікати, балакати, говорити, мовити, повідомляти, розповідати, розтлумачувати та ін., наприклад, Колись наші внуки розповідатимуть своїм дітям бувальщину... (Р. Федорів). Що тут балакати про політику? (І. Франко). Тепер в народі піднесення, скандують її ім'я, носять її портрети (Л. Костенко). Ілля Петрович розтлумачував, наскільки це хибно — отака національна ворожнеча (О. Іваненко);

7) розумової діяльності – наукового пошуку, отримання знань, інтелектуальної творчості: аналізувати, вигадати, винайти, досліджувати, думати, обміркувати, продумати, розгадати, читати та ін., наприклад, Вигадають щось патетичне, зовнішнє (В. Дрозд). Хай краще б кросворди розгадували! (О. Черногуз). Між іншим, молодий літератор Михайлов блискуче проаналізував його твір... (О. Іваненко);

9) управління: виконувати, виправдати, заснувати, затвердити, звільнити, керувати, контролювати, організувати, підготувати, покарати, помилувати, призначити, публікувати, реалізувати, скликати, судити, сформувати та ін.;

10) вияву ставлення до особи; фізичного, фізіологічного та емоційного впливу на об'єкт: бити, вдаряти, гладити, дубасити, замахнутися, лупцювати, обнімати, ображати, плескати, пригортати, цілувати, штовхати, щипати та ін., наприклад, Я обняв її й пригорнув... (Л. Костенко). Долонею ніжно погладила скриньку з усіх боків, мовби це була жива істота, і, зітхнувши, пішла до школи (О. Донченко). Пам'ятаєте,

колись у дитинстві мене хлопчики дубасили, а ви обороняли? (О. Коломієць).

Отже, предикати дії виокремлено як семантичний клас на основі сукупності семантичних ознак динамічності позначуваної ситуації, активності суб'єкта дії, результативності, зорієнтованості на досягнення певних намірів, фазовості, локалізованості на часовій осі, каузативності. Інтегральними та визначальними для предикатів дії є ознаки динамічності ситуації, активності суб'єкта дії, який докладає фізичних або інтелектуальних зусиль для досягнення мети дії, та спрямованості дії на результат.

Диференційними на різних етапах класифікації предикатів дії визначено такі семантичні ознаки: 1) суб'єктна або суб'єктно-об'єктна зорієнтованість дії; 2) розрізнення денотатів конкретної фізичної дії, інтелектуальної дії, діяльності, руху, вияву ставлення; 3) мета дії або діяльності та її спрямованість на результат; 5) результативність/ нерезультативність дії.

Література

1. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып.2: Учебное пособие / Л. М. Васильев. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2000. – 146 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови/ Укладі голов. ред.В.Т.Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
3. Вихованець І. Р., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Семантико-синтаксична структура речення / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський – К.: Наукова думка. – 1983. – 219 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
5. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови: Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк: Дон НУ, 2001. – 662 с.
6. Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке / Л. Л. Иомдин // Проблемы структурной лингвистики. – 1979. – М., 1981. – С. 82-105.
7. Кучеренко І. К. Теоретичні питання граматики української мови: Морфологія: В 2 ч. / І. К. Кучеренко. – К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1964. – Ч.2. – 159 с.
8. Мальцева А. П. Теория действия в англо-американской философии / А. П. Мальцева // Вопросы философии. – М.: Наука. – 2011. – № 8 [Електронний ресурс]. – Режим доступу. – (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=246&Itemid=52).
9. Марченко М. В. Структура синтаксичних категорій / М. В. Мірченко. – Луцьк, 2004. – 389с.
10. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М., 1974. – 201 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ДИСКУРСИВНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ТЕКСТОВОГО КОНЦЕПТУ В КОГНІТИВНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Центральним завданням сучасної когнітивної лінгвістики є пошук механізмів мовної рефлексії уявлень, досвіду і знань людей про світ. Лінгвокогнітивні дослідження, основною одиницею яких є концепт, об'єднує ідея про певну структурну організацію знань людини, що може бути представлена за допомогою когнітивних моделей [16]. Проблема концептуального аналізу досліджувалася рядом представників лінгвокогнітивного напрямку (А.Н. Баранов, А. Вежицька, В.З. Дем'янков, Є.С.Кубрякова, Н.Н. Болдирев, М.В. Нікітіна, З.Д. Попова, А.М. Приходько, І.А. Стернін, Н.М. Фрумкіна, Р. Canettieri, W. Croft, J. Fodor, R.S. Langacker, D. Lee, E. Le Pore, J. Sanders, M. Sinding, F. Ungerer та ін.), які спрямовують свої дослідження на вивчення концептів як одиниць та засобів ментального кодування і перетворення інформації, окреслення загальних характеристик їх формування і типології, дослідженні концепту за допомогою мовних засобів.

Наразі ця проблема не є вирішеною і арсенал досліджень різного роду концептів продовжує поповнюватись новими доробками, що визначає *актуальність* даної розвідки. Вважаючи текстовий концепт недостатньо дослідженим на сучасному етапі розвитку когнітивної лінгвістики, дана робота має за *мету* обґрунтування місця текстових концептів в сучасній когнітивній лінгвістиці. Згідно мети *об'єкт* становить – когнітивно-дискурсивні дослідження в сучасній лінгвістиці, *предмет* – текстовий концепт в когнітивно-дискурсивних дослідженнях.

Основними категоріями когнітивної лінгвістики є концепт, концептуалізація, категоризація, картина світу, дискурс. Когнітивістика як розділ науки про мову, головну увагу приділяє людській когніції, тобто розглядає інтелектуальні і ментальні уявлення, моделі. Оскільки «категоризація світу і мови відбувається за допомогою певних когнітивних моделей або схем» [2, с. 27], когнітивне розуміння концепту націлено на моделювання картини світу, на моделювання організації мовної свідомості. Таким чином когнітивна лінгвістика як наука, що вивчає структури людської свідомості за допомогою її відображення знаковою системою [12, с. 19], а мова розглядається як «когнітивний інструмент» [11, с. 45], за допомогою якого інформація кодується і трансформується.

Досліджуючи образ етнолінгвокультурної свідомості, И.В.Привалова робить висновки про те, що до її складу входять функціональні одиниці трьох просторів: лінгвістичного (мовні універсалії, семантичні примітиви), когнітивного (когнітивні прототипи, концептуальні метафори, концепти, концептосфери, фрейм-структури, які солідарно з А.А. Залевською дослідниця називає «ментальними конструктами» [11, с. 42-44]) і культурного (культуреми, міфологеми, ритуали, культурні стереотипи, ритуали, символи), і, що особливо важливо для розуміння співіснування цих просторів, вони є взаємопроникними і утворюють цілісне лінгво-культурно-

когнітивний простір. В такому разі, як зазначає дослідниця, функціональна одиниця когнітивного простору, концепт, навіть якщо ми не називаємо певний концепт культурним, в будь-якому разі матиме культурний відтінок, і лінгвальну актуалізацію, а точніше концепт, як і всі одиниці когнітивного простору існують на внутрішньому рівні цієї взаємопроникної системи і експлікуються комплексом функціональних одиниць лінгвістичного і культурного простору.

Концепт як лінгвокогнітивне явище – це дискретна, мисленнева, динамічна одиниця колективної свідомості, яка є способом і результатом категоризації знання і має вербальне вираження [9, с. 276]. Аналіз мовних знаків, які презентують концепти (концептуальний аналіз) на сьогодні є саме тим механізмом, до якого звернена більшість дослідників. Концептуальний аналіз націлений на пошук «загальних концептів, що підведені під один знак і визначають буття знака як когнітивної структури, що забезпечує знання про світ» [8, с. 97]. В межах концептуального аналізу успішно працюють ряд методик, що представляють для лінгвістів різноманітні переконливі дані стосовно концептуального мислення людини і семантичний аналіз як кращий (на сьогодні) спосіб відбиття концептів. Справедливими в даному аспекті вважаємо слова І.Т. Касавіна, який зазначив, що мова є ключовим об'єктом при аналізі людського світу у всій його повноті, про які б соціально-гуманітарні науки не йшла мова [4, с. 93]. Саме мова, таким чином, через аналіз лексико-семантичного фонду мовців, дозволяє відтворити ту саму неповторну картину світу її носіїв, основною одиницею якої є концепт.

В когнітивній семантиці і когнітивній теорії номінації однією з основних задач є відтворення концептуальних структур значення одиниць мови і мовлення та ідентифікація в межах цих структур тих фрагментів, які формують концептуальні моделі позначення, що прослідковуються у внутрішній формі знака [1]. Такі концептуальні структури мають сприяти розумінню загальних принципів організації інформації, що стоїть за мовними знаками різних рівнів – від слова до тексту.

Згідно теорії когнітивних моделей (Ж.Фоконье і Дж. Лакофф), ментальні простори наших знань, які відносяться виключно до мисленневої сфери, структуруються за допомогою когнітивних моделей: образно-схематичних, пропозиціональних, метафоричних, метонімічних, символічних. В лінгвістиці теорія когнітивних моделей втілилася в дослідженнях фреймової семантики, запропонованої Ч. Філмором в середині 70-х років ХХ ст. Сучасна когнітивна лінгвістика широко використовує фреймову семантику як метод дослідження взаємодії мовної семантики і структур знання, оскільки дозволяє через аналіз мовних одиниць відтворювати принципи структурування і відображення певної частини людського досвіду і знання, одиницями якого є концепти. Моделювання концепту у вигляді фреймової структури [2] дозволяє проведення лексичної категоризації і субкатегоризації мовних одиниць за тематичним принципом.

Російська дослідниця А.В. Рудакова переконана, що для побудови теоретичної моделі змісту досліджуваного концепту необхідно максимально повно виявити склад мовних засобів, що презентують певний концепт і максимально точно описати їх семантику, для чого звертається до таких прийомів опису, як 1) аналіз ключового слова в синхронічному і діахронічному ракурсах, 2) аналіз синонімічних одиниць, що презентують даний концепт, 3) аналіз образних номінацій, що об'єктивують концепт,

4) аналіз словотвірної парадигми ключового слова, 5) аналіз репрезентації концепту в пареміях, 6) аналіз афоризмів і фразеологічних одиниць, 7) аналіз вербалізації концепту в індивідуально-авторських номінаціях [13, с. 121]. На думку автора найповніше представлення змісту концепту в свідомості людини стає можливим через застосування всієї сукупності прийомів аналізу.

Як вважає Н.Н. Болдирєв [2] при аналізі концепту важливо враховувати не лише його фрейм-структуру, а також фрейм-модель повсякденного знання про основні концепти, тобто відповідний когнітивний контекст, що активується лексичною одиницею з передачею того чи іншого концепту. Когнітивний контекст визначається дослідником як «моделі культурно-обумовленого, канонізованого знання, що є спільним, принаймні, для частини мовного суспільства». Це означає, що аналізу значення того чи іншого слова в когнітивному аспекті має передувати встановлення когнітивного контексту, або області знання, що лежить в основі значення даного слова. За допомогою певної структуризації фрагментів цієї області дослідник має змогу встановити спосіб і якість прототипічних характеристик, на основі яких розвинулось дане знання.

На наш погляд справедливим є думка, що опис змісту концепту в його сучасному стані має проводитись через аналіз мовних репрезентацій концепту в сучасних текстах [7], в результаті якого можна отримати більш переконливі дані (порівняно із словниковою вибіркою) стосовно ступеню актуальності окремих ознак концепту в свідомості сучасних носіїв мови. Як зазначає авторка цінність дискурсивного підходу до дослідження концептів визначається самою природою дискурсу, його лінгвосоціальним, динамічним характером, оскільки є одночасно і середовищем функціонування, і засобом реалізації концептів, і тим самим впливає на їх зміну і розвиток.

В рамках когнітивно-дискурсивної парадигми найпопулярнішими об'єктами дослідження сучасної лінгвістики, поряд з іншими, виступають масмедійні дискурси, жанрова специфіка дискурсу [15, с. 17]. На нашу думку публіцистичний дискурс є найбільш нейтральним і адекватним середовищем динаміки і трактування мовної картини світу. Справедливим є зауваження про те, що мас-медія здатні формувати громадську думку та масову свідомість через відображення і конструювання подій реальності [14, с. 212], адже таким чином публіцистичний дискурс моделює світоглядні, оцінні позиції реципієнтів, закладаючи унікальні фрагменти мовної картини світу.

Слід також підкреслити, що в лінгво-когнітивному напрямку дискурс виступає як одиниця когнітивного плану, тобто така, що здатна «презентувати знання про соціальний контекст, з урахуванням якого відбувається соціальна взаємодія за посередництвом текстів» [цит. за 3, с. 229-230]. Адже так чи інакше основними функціями тексту є когнітивна (повідомляє знання), аксіологічна (впливає на емоціональний стан) і прагматична (спонукає до дії) [4, с. 91]. Мовний матеріал, що презентує певний концепт відбитий в дискурсі інгерентно пов'язаний з контекстом, в якому сплітається множинність текстів, тому сам контекст також розглядається як організаційна ланка вербальної оболонки текстів [5]. Слід зазначити, що під текстовим концептом мається на увазі такий вид концепту, який вибудовується в дискурсі лексичними конструкторами масиву однорідних концептів певної кількості

досліджуваних текстів [10, с. 130]. Для дослідження текстового концепту зазначені функції тексту відіграють провідне значення і складають його основну суть, оскільки інформація, що є змістом концепту, існує в тексті-дискурсі, ним передається, спонукаючи до дій чи/та емоційно впливаючи на реципієнта.

Взаємодію понять текст-дискурс-контекст активно досліджував І.Т.Касавін [4, с. 362-370], який розуміє дискурс як незакінчений живий текст, взятий в момент його безпосередньої включеності в акт комунікації, тобто в ході його взаємодії з контекстом. Згідно такого підходу, як стверджує дослідник, усних текстів не існує, оскільки доступ до будь-якого тексту можливий лише через його об'єктивованого носія, а усним може бути лише дискурс в силу своєї незавершеності, тому дискурс представляє собою посередню ланку між текстом і контекстом, яка дозволяє зробити один текст контекстом іншого, залучити контекст в текст, внести елементи тексту в позамовні контексти, надати смислу тексту і оточуючому світу. Згідно такому підходу, де як мовна реальність контекст отримує вираження в тексті через посередництво живої діяльності, тобто дискурсу, який не мислиться поза текстом і контекстом, текст і дискурс не можуть бути протиставлені одне одному, а розуміються як обов'язкова умова одне одного.

У філософському тлумаченні поняття тексту стає поняттям культурного об'єкту. Такий погляд підтримував Ю. Лотман, стверджуючи: «Культура в цілому може розглядатися як текст. Однак виключно важливо підкреслити, що це – складно організований текст, який розпадається на ієрархію «текстів в текстах» і утворює складні переплетіння текстів» [цит. за 4, с. 104]. Культурну цінність тексту І.Т. Касавін описує так: «Функція тексту в культурі це не просто його абстрактна включеність в деякі культурні системи типу бібліотек, книжкових магазинів або літературних оглядів. Текст – це, скоріш, перехрестя культури, точка комунікативної взаємодії двох і більше суб'єктів в синхронному і діахронному вимірах [4, с. 107]. Отже такий підхід точно підкреслює нашу інтерпретацію «текстового концепту», як свого роду мозаїки, елементами якої є концепти текстів однорідної тематики. Нескінченна кількість окремих текстів зливаються в дискурсі в єдиний текст культури, і займаючи своє місце в національно-мовній картині світу. Важливо відмітити, що дане тлумачення презентує текстовий концепт як незакінчений конструкт, що постійно поповнюється новими складовими кожного разу як в дискурсі починає функціонувати новий текст із однорідною тематикою/проблематикою.

Розуміння тексту може значно розширювати додаткові імплікації у свідомості мовця завдяки залученості до певного виду дискурсу [6], таким чином дискурс позиціонується як когнітивний простір, що реконструюється в свідомості мовця в процесі сприймання тексту. Саме таму при описанні концептів та текстових концептів зокрема важливо звертатись до аналізу вербальних оболонок текстів, як одиниць когнітивного простору дискурсу.

За влучним висловом В.І.Карасика «в нашій свідомості існують концепти певного дискурсу, його типів і жанрів» [3, с. 243] на наш погляд стоїть розуміння певної інгерентної прив'язаності або схильності тих чи інших концептів до появи у відповідних дискурсах.

Отже текстові концепти доцільно описувати через дослідження суспільно-політичних текстів публіцистичного дискурсу, що обґрунтовується здатністю

цього виду дискурсу презентувати ширший спектр концептуальних ознак завдяки експресивності і оцінності висловлювань. Центральним положенням нашого дослідження є діалектична взаємодія когнітивного і дискурсивного просторів. В зв'язку з цим текстовим концепт розглядається як продукт взаємодетермінації національно-мовної картини світу (елементом якої він є) і публіцистичного дискурсу (де він актуалізується). Текстовий концепт представляє собою саме таку когнітивно-дискурсивну одиницю, що дає змогу дослідникові найточніше конструювати обраний елемент національно-мовної картини світу, оскільки залучаються смисли текстів, глибинний концептуальний простір. Дискурс розуміється як джерело генезису мовних одиниць, середовище їх функціонування і донор для структурування мовної картини світу, яка, в свою чергу впливає на структуруацію дискурсу, який здатен виступати реципієнтом мовного втілення концептів. Актуальним є подальше вивчення природи досліджень текстових концептів на матеріалі публіцистичного та інших видів дискурсу.

Література

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекцій по английской филологии. – Тамбов: ТГУ, 2000. – 123 с.
2. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание/Под редакцией И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25-36.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Касавин И.Т. Ситуационный контекст // Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т.Касавин. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 267-280.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Субъективная модальность как начало дискурсии // Материалы международной юбилейной сессии по случаю 100-летия со дня рождения академика В.В.Виноградова. – М., 1995. – С. 233-234.
7. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов, 2005.
8. Кубрякова Е.С. Обеспечение внутренней деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М., 1991.
9. Петрінська Т.С. Структурно-семантичні особливості концепту GLOBALIZATION в англійській мові // Наукові записки. – Випуск 75 (4). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 5 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченка, 2008. – С. 273-276.

10. Петрінська Т.С. Текстовий концепт як проєкція мовної картини світу в дискурсі // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2009. - №35. С.127-130.
11. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 472с.
12. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.
13. Рудакова О.В. Методика описания концепта БЫТ в русском языке // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание/Под редакцией И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 121-126.
14. Сенюк А.А. Роль мас-медіа у формуванні національної самосвідомості / А.А.Сенюк // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна, № 766, Серія Філологія. – Вип. 51, Харків. – 2007. – С. 112-115.
15. Шевченко І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І.С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005а. – С. 9-20.
16. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1990. – 600 p.

Щербакова О.Л.

Україна, м.Миколаїв

Миколаївський національний університет імені В.О.Сухомлинського

к.п.н., доцент

ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ПЕРИФРАЗУВАННЯ

Анотація

Перифразування як дискурсивна діяльність часто використовується для адаптації художніх творів. Лінгвістична структура адаптованого тексту визначається уявленням його автора про мовну компетентність його потенційного читача. Потреба спростити вихідний текст (дискурс) зумовлює конкретні структурно-мовні модифікації, які здійснюються в ході адаптації.

Анотація англійською

Paraphrasing as discursive activity is used for adaptations of literal texts. The linguistic structure of the adapted text are defined by his author's vision of linguistic competence of potential reader. Necessity to simplify the source text stipulates concrete structural-linguistic modifications realized during adaptation.

Ключові слова: перифразування, дискурс, адаптація, еквівалентність, граматична трансформація, граматична перифраза.

Key words: paraphrasing, discourse, adaptation, equivalence, grammatical transformation, grammatical periphrasis.

В останні роки істотна увага вчених приділяється дослідженню дискурсивної діяльності, у тому числі і перифразуванню. При цьому під дискурсом розуміється завершений, структурований відрізок мовного ланцюга, що розглядається в комунікативно-прагматичному аспекті, тобто, перш за все, в аспекті реалізації наміру мовця вплинути на адресата [1].

Дослідниця О.Туніцька розглядає перифразування як вид дискурсивної діалогічної і металінгвістичної діяльності, спрямованої на породження дискурсу, в певному аспекті еквівалентного іншому [4, с. 40.]

Воно пов'язане з такими видами діяльності, як комунікаційна, пошуково-інформаційна, літературна, навчально-дидактична (адаптації). У той же час

перифразування спостерігається і в звичайному діалозі.

Деякі вчені є прихильниками ідеї буквального перекладу і виключають повністю доцільність перифразування у перекладі. Інші ж висловлюються про можливість розгляду переказного висловлювання в якості іншомовної перифрази вихідного повідомлення. У той же час не всі перифрази можна розглядати як еквівалентні і взаємозамінні. У художньому перекладі нерідко використовується образно-експресивне перифразування, яке вносить у зміст експресивні компоненти, відсутні в вихідному висловленні [3, с. 94].

Дослідниця З.Теучеж визначає три основні види перифразування:

1. лінгвістично обумовлене перифразування;

2. емотивно обумовлене перифразування;

3. культурологічно обумовлене перифразування, мета якого зняти труднощі сприйняття інокультурного тексту в перекладі [3, с. 95].

Перифразування як дискурсивна діяльність може бути об'єктом аналізу як у когнітивному або психолінгвістичному, так і у власне лінгвістичному аспектах. Великий внесок у вивчення перифразування внесла французька дослідниця К. Фукс. На думку вченої, специфічною формою перифразування можна вважати переклад, який, як білінгвальне перифразування, має ідентичні з одномовною діяльністю дискурсивні характеристики [5].

Адаптація, як форма перифразування, характеризується певними параметрами. Говорячи про адаптацію, слід розмежовувати скорочення тексту і його лінгвістичне спрощення. У багатьох випадках скорочення можна розглядати як спрощення, проте слід врахувати, що така операція може призвести і до ускладнення розуміння, наприклад, через імплікації деяких смислових зв'язків.

Розглянемо найбільш поширені форми скорочення тексту та їх лінгвістичні наслідки. На думку вченої О.Туницької, скорочення цілого абзацу можливо при високому рівні адаптації, хоча частіше зустрічається скорочення їх частини, що включає одну або кілька фраз. При цьому два або більше сусідніх абзаци зливаються в один. Зняття цілого абзацу може бути пов'язано з виключенням епізодичного персонажа або його портрета, другорядного елемента інтриги. Найчастіше знімаються так звані коментуючі абзаци, тобто висловлювання, що виходять за рамки сюжету. На рівні абзацу можуть бути зняті частина внутрішнього монологу персонажа, діалог чи окремі його репліки, якщо вони не є двигунами інтриги, хоча і певним чином характеризують персонаж. Якщо у втраченій частині діалогу містилася істотна інформація, вона може бути інтегрована в монологічний абзац [4].

Всередині абзацу певні предикативні структури найчастіше знімаються повністю: обставинні підрядні або прислівникові і дієприслівникові конструкції, так звані «вторинні атрибути дії (емоційно-оцінна інформація, повтори, авторський коментар). У результаті зменшення кількості сполучників і сполучникових поєднань, відбувається імплікація логічних зв'язків. Темо-рематичний ланцюжок також спрощується, зростає кількість монорем. Може спостерігатися зняття другорядних членів пропозиції, наприклад, однорідних. На стику внутрішньо-пропозитивних і міжпропозитивних перетворень знаходиться згортання предикації. У ряді випадків при цьому доречно говорити про імбрікацію, тобто граматичну перифразу.

До найбільш поширених форм спрощення тексту без його скорочення

відносяться синонімічні заміни на різних рівнях:

а) власне лексичний рівень. Можна відзначити випадки денотативно-ситуаційної синонімії. Одним з джерел синонімічної заміни тут також є метонімія.

б) морфологічні заміни: заміна артикля, тобто зміна референціальних характеристик тексту;

в) стилістико-морфологічні заміни;

г) лексико-прагматичні заміни;

д) лексико-синтаксичні трансформації, такі як антонімічна синонімія, перерозподіл сем всередині предикативної структури, або так зване «перевешивание ветвей дерева зависимости» [4, с.44];

е) лексико-семантичні заміни.

Внутрішньомовне перефразування лексико-семантичного характеру пов'язано з переформулюванням того чи іншого мовного виразу і широко використовується в описі. Зняття каузатора дії також слід віднести до перифраз.

Значимо, що, навіть перифразуючи, автор адаптації прагне зберегти загальну темо-ремаційну динаміку тексту. Нагадаємо, що синонімія перифраз відносна, про що свідчить труднощі їх відмежування від заміни чисто ситуаційно-смислових, що спираються на саму загальну тему розповіді.

Розгортання предикації також розглядається як спрощувальна трансформація. У деяких випадках спрощувальний характер такого розгортання спірний. Те ж слід сказати про зняття сполучників із заміною складного речення на прості, адже при цьому імплікується логічний зв'язок між частинами цілого, яку читач повинен відновити самостійно.

Крім спрощення і скорочення, адаптація може переслідувати інші цілі:

1) запровадження в текст досліджуваного мовного матеріалу:

2) збереження прозового ритму.

На відбір мовних засобів впливає уявлення адаптуючого про когнітивну та мовну компетентність адресата адаптації. Всі ці структурно-мовні модифікації диктуються основною дискурсивною метою адаптуючого - одночасно скоротити і спростити вихідний текст при збереженні його естетичної функції. Спостережувані модифікації торкаються як сверхфразового, так і фразового рівнів тексту - дискурсу, а зміни на фразовому рівні стосуються його лексичного, морфо-синтаксичного аспектів, а також рівня актуалізації (темо-ремаційського аспекту).

Література

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / Пер. с фр. М.: Прогресс. 1974. -445с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1980.
3. Теучеж З.Г. Переводческое парафразирование и его разновидности. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2007. С. 94-97.
4. Туницкая Е.Л. Лингвистический аспект перефразирования на материале адаптации художественных произведений / Е. Л. Туницкая. // Вестник Московского гос. обл. ун-та [Текст]. Лингвистика - № 3, 2009. - С.40-45.
5. Fuchs C. Paraphrase et théorie du langage / C. Fuchs. P.: Univ. Paris VII, 1980. - 546 p.

Теслюк Г.С.

аспирант, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченка, институт филологии

МЕЖДУЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ФРАНЦУЗСКОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Начало XXI века в мировом литературном процессе характеризуется распространением художественной литературы, жанровые границы которой размыты. Современный французский исследователь Р. Перрен констатирует это явление:

“Le début du XXI siècle voit sans doute le triomphe des littératures de l’imaginaire dont les frontières se révèlent perméables, le merveilleux glissant du conte vers le roman” [3, pp. 241-245].

Следуя общелитературной традиции, французская авторская сказка обретает междужанровую природу и превращается на некую гибридизацию жанров. В подтверждение этому феномену приведем тот факт, что среди авторов современных сказок никто не писал исключительно в этом жанре. Так, например, Ален Серр пишет также новеллы, научную фантастику, романы для молодежи, Катрин Милле – автобиографические эссе, эротические романы, а Ерик Ромер известен как сценарист и кинорежиссёр. Жанр сказки является для авторов одним из способов репрезентации мировоззрения, средством дистанцирования от реальности, открывая грани современного общества, позволяет играть с читателем через фантазию и юмор.

Как пишет современная французская исследовательница Инна Сарановская, сказочники используют прием “*détournement* ou de “*renouvellement*” *du conte initial pour leur donner un déroulement, une signification des plus inattendus*” [4, p. 9].

Во французских авторских сказках начала XXI века встречается *контаминация нескольких произведений* (*contamination de plusieurs œuvres*), что может проследиваться на паратекстуальном, лексико-стилистическом, композиционном

уровнях. Проанализируем сказку Жаки Диджака (Jacky Dydjack) *“Contes de faits. Les mille et un mondes”* [1]. Заглавие содержит переделанную ссылку на исходную сказку (*référence détournée au conte source*). Ссылка на произведение по восточным мотивам *“Mille et Une Nuit”* Антуана Галлана есть достаточно прозрачной и легко отслеживается. Автор добавит новый элемент – *monde*, перенося смысловой акцент с временного в прастрасственное измерение. Ощутимой есть аллюзия на поджанр волшебной “фейной сказки” (*contes de fées*). То есть, этот элемент паратекста может также быть некой игрой с читателем, от которого завуалировали истинную сказку-источник.

Анализируемая сказка дает также пример стилистического и структурного меланжа, напоминая философские произведения (Вольтер, Д. Свифт). Так, герой путешествует по разным мирах, один с которых называется *“POSITIV-WORLD”*:

“POSITIV-WORLD est un monde bonnard dont l’ultime objectif était de positiviser sur tout et le reste...”

Les habitants de POSITIV-WORLD, les plusman avaient une philosophie commune. Ils considéraient que dans toute chose et dans tout événement, il y avait quelque chose de positif à en tirer qui pouvait améliorer le quotidien” [1, p. 193].

Такая оппозиция двух миров и жизненная философия оптимизма в первом из них, *POSITIV-WORLD*, непосредственно дает отсыл к *“Candide”* Вольтера [6], где мировосприятие главного героя противопоставлено его обществу.

К тому же, приведем к примеру, элементы философского типа мышления и высказывания героя Жакотеба (*Jakhoteb*):

“Tout comme CONTEST-WORLD, il était à la fois parallèle à chacun des autres mondes, chacun dans leur sens, et parallèle à tout l’ensemble des autres mondes en même temps” [1, p. 193];

“Plus tu marches moins vite, moins tu marches plus vite et réciproquement” [1, p. 226].

На лексическо-стилистическом уровне мы можем констатировать элементы логического изложения мыслей, и даже использование софизмов, при этом ощущается иронический неестественный характер и выдуманная природа конструкций.

Концовка сказки остается открытой, произведение не предлагает однозначного истолкования автора, оставляя выводы на собственное усмотрение читателя:

“L’avenir devenait enfin incertain, laissant place au suspens et à tous les espoirs. Désormais, tout pouvait arriver, ou repartir le cas échéant...”

*Mais c’est une autre histoire... *Jakhoteb tout émoustillé par tant de perspectives de nouveautés, se préparait pour de nouvelles aventures”* [1, p. 229].

Как и у философских произведениях, мораль в конце сказки не подается однозначно и категорически. Приятные и неудачные случаи из жизни Жакотеба представлены лишь как эпизод его истории, как начало новых событий в будущем. Несмотря на явное философствование героя, на приближение к философскому жанру, мы можем констатировать популяризацию философских принципов, упрощение речи. Эта сказка приближается и к автобиографическому произведению, так как отображает некоторые моменты из жизни автора а также авторское указание на этот факт [1, p. 229].

В сказке “*Le petit chaPUBron rouge*” [5] Ален Серр трансформировал архитектонику и типографическое оформление “*Le Petit Chaperon Rouge*” Ш. Перро [2]. Главную суть авторских изменений понятно уже из заглавия, где исчезают большие буквы имени главного персонажа сказки. Автор трансформирует имя таким образом, что вводит слово *PUB* (*publicité*), при этом сохраняя исходную фонетику. А. Серр асимилирует сказку из жанром рекламы, обращая внимание на тотальное распространение этого феномена во всех общественных сферах современной жизни.

В основной части текста эта идея реализуется при помощи рекламные слоганы, фотографии, картинки, связанные с семантикой текста сказки. Например, после введения и объяснения имени Красной Шапочки автор подает тематическую рекламу. Так, на одной странице представлен текст сказки:

“*Celle-ci lui fit faire un petit chaperon rouge, qui lui allait si bien que, partout, on l'appelait le Petit Chaperon Rouge*” [5, p. 10].

А на правой стороне разворота подается логотип и рекламный слоган магазина одежды:

“*Chap & Ron / Vêtements pour les 5 – 65 ans*

Chap & Ron : la mode des enfants sages” [5, p. 11].

Иронический эффект создан методом использования омофонов в разных литературных жанрах – сказке и рекламе.

Либо же приведем пример типографического оформления завязки произведения. Слева представлен текст сказки:

“*En traversant le bois, elle rencontra compère le Loup, qui eut bien envie de la manger; mais il n'osa pas, à cause de quelques bûcherons qui étaient dans la forêt. Il lui demanda juste où elle allait; la pauvre enfant ne savait pas qu'il était dangereux de s'arrêter pour écouter un Loup*” [5, p. 16],

а справа – страница посвящена рекламе страхования жизни от несчастных случаев:

“*VIVRE, C'EST DANGEUREUX! Avec les assurances Bûcheron et Cie vivez heureux et sans souci.*

Votre cotisation vous est intégralement remboursée la deuxième fois que vous vous faites assassiner” [5, p. 17].

Такие рекламные вставки являются продолжением традиционного сказочного текста, так как название страховой фирмы есть прямой аллюзией на контекст произведения Ш. Перро: *Bûcheron* это персонаж, который спасает бабушку из чрева волка, а *Cie* – омоним французского слова *scie*, что значит пила, орудие работы лесоруба на месте действия сказки. Комментарий в конце рекламы тоже подчеркивает влияние сказочной стилистики на этот жанр, поскольку в реальной жизни невозможно быть убитым дважды.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что французская авторская сказка в начале XXI века эволюционирует к гибридизированной жанровой форме. Трансформация сопровождается введением новой авторской стилистики, влияя на архитектурный, структурный, лексический уровни произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dydjack Jacky*. Contes de Faits. Les mille et un mondes/ Jacky Dydjack. – P.: Thélès, 2012. – 233 p.

2. *Perrault Charles*. Contes en prose et en vers/ Charles Perrault. – P.: Librairie de la Bibliothèque Nationale. – 1886. – 160 p.
3. *Perrin Raymond*. Littérature de jeunesse et presse des jeunes au début du XXIe siècle: [Esquisse d'un état des lieux. Enjeux et perspectives]/ Raymond Perrin. – P.: L'Harmattan, 2008. – 580 p.
4. *Saranovska Inna*. Un passeur d'écriture : Pierre Gripari et les traditions littéraires : thèse de doctorat: Langue et littérature françaises: [sous la direction de Claude Leroy]/ Inna Saranovska. – Paris, Université Paris Ouest Nanterre la Défense, 2011. – 406 p.
5. *Serres Alain*. Le petit chaPUBron rouge: [d'après Charles Perrault]/ Alain Serres; [conception des textes : Alain Serres, images du conte: Clothilde Perrin] – Saint-Armand-Montrond: Rue du monde, 2010. – 44 p.
6. *Voltaire*. Romans et contes [сборник/ сост. В. Я. Бахмутский]. – М.: Радуга, 1985. – 584 с.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Среди многочисленных окружающих нас вопросов особенно важным является вопрос - почему окружающие нас предметы называются так, а не иначе? В одних случаях ответить на этот вопрос можно без особого труда, в других - трудно или невозможно вообще. Например, ясно, что слово «летчик» - от слова «летать», «подоконник» от «под окном», а сочетания «луна, лопата, ложка» не могут быть объяснены так же легко [1, с. 96]. Ни одно из названных слов не имеет достаточно очевидных связей в языке, мы не знаем мотивировку лексических значений этих слов - тот признак предмета, на основе которого произошло их наименование.

Значение, отражающее тот признак, по которому называется предмет, называется мотивирующим или внутренней формой слова. Поэтому все слова делятся на две группы: 1) слова с ясной, понятной мотивировкой значений, внутренней формой: целинник (от «целина»), белить (от «белый»). 2) слова с неясным или непонятно мотивированным значением - «стена», «вода», «сорок», «тысяча» и т.д. [2, с. 11] Внутренняя форма слова присутствует в момент его создания. В ходе исторического развития они могут затемняться и забываться совсем, в результате появляются слова с утраченной внутренней формой, или немотивированные слова.

Утрата внутренней формы связана со следующими изменениями: 1) с изменением морфемного строения слова: «понедельник», «сутки», «дар». 2) с изменением фонетического облика слова: «завтра» - «за утром», «облако» - «заволакивать», «дотошный» - «кто доходит до точки», но сейчас мы не связываем эти слова с данными значениями. 3) семантическое изменение слова: «неделя» - мы не возводим к «делать», «стрелять» - к «стрела» [3, с. 264]. Внутренняя форма таких слов теперь утрачена, но она может быть найдена при помощи изучения их истории. Наука, изучающая первоначальную внутреннюю форму слова и его выражавшие называется этимологией.

Этимология - раздел языкознания, который устанавливает происхождение слова, то есть его истинное первоначальное значение. Предмет изучения этимологии - лексика, все слова, встречающиеся в древних и новых текстах, все нарицательные и собственные. Её задача - найти и объяснить древнейшие значения и формы слов [4, с. 91]. Для решения этой задачи ученые широко используют знания о родстве языков и о звуковых законах, действовавших в языках в далеком прошлом, поэтому этимологу постоянно приходится иметь дело с историей языка и общества.

Этимологизирование - дело исключительно сложное. Поиск первоначального значения слова необходимо вести с учетом: а) истории данного слова. б) его связи с другими словами родного языка. в) его связи с родственными языками. г) истории данного народа. Берем слово «базар», которое начало употребляться в русском языке с XIV-XV веках, заимствовано из тюркских языков, видимо, из татарского. Признак заимствования - сингармонизм. В татарском языке обозначает «крытый рынок».

До XIV века в русском языке не встречалось, появилось как результат татарского влияния, первоначально в южных говорах [5, с. 231].

В процессе употребления слово обростало новыми значениями, содержание его становится шире его внутренней формы. Первоначальное, исходное значение начинает забываться. Вследствие исторического смещения в семантике, изменения звукового облика и морфологической структуры, слово нередко выпадало из цепи однокоренных. Такой разрыв смысловых связей между родственными по происхождению словами называется деэтимологизацией.

В результате забвения исходных этимологических значений слов и утраты внутренней формы в языке становятся возможны такие сочетания слов, которые на взгляд лингвистов бессмысленны - «белое белье, черные чернила», первоначальные значения слов в словосочетании логически несовместимы.

Литература

1. Снитко Е. С. Внутренняя форма номинативных единиц / Е. С. Снитко. – Львов : Свит, 1990. – 188 с.
2. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К. : Синто, 1993. – 190 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 398 с.
4. Плотников Б. О. Внутренняя форма языковых единиц и их содержание / Б. О. Плотникова // Языкознание. – № 5. – 1988. – С. 85-93.
5. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Знания, 1994. – 465 с.

Маруневич О.В.

кандидат филологических наук, старший преподаватель Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова

CONCEPT "FOREIGNER" IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

Each nation has its own vision of the world. This idea formed the basis of the concept of the ethnic structure of the world, formulated by R. Redfield. Each nation also has an ethnic identity, which is a sense of belonging to a particular ethnic group, the knowledge of its differences and similarities comparing with other ethnic groups, an important feature of an ethnic community, which is reflected in people's minds in form of really existing ethnic ties and outwardly manifested by self-definition or ethnonym [2, p. 188].

Linguistic expression of the ethnic identity is proverbs, sayings, literary texts, idioms. Ethnonymic vocabulary is present in many languages, and often participates in the marking of the real world. This fact may be explained as the names of nationalities have a great connotative variety. In this case, the features of connotations associated with their significance for the entire linguistic community, makes them to be one of the carriers of conceptual information in the language. According to E.L. Berezovich and D.P. Gulick, "the reasons for the formation of the ethnonimic certain connotations have extra linguistic nature. They are related to the historical, political, religious and psychological context of this lexis and its referents existence. All these extra linguistic reasons give impetus to the formation of ethnonimic connotations, which can then be usually secured in them, becoming the semantic core of derivatives and phraseology related meanings"[1].

Connotations of certain ethnonyms are called ethno connotations. Ethnonyms, xenonyms and ethnonimic derivatives recorded in dictionaries are linguistic manifestations of ethno connotative cases, which are also evident in phraseological units and syntactic constructions.

It is reasonable to consider and analyze idioms, included those units, in accordance with the following classification:

- according the denotative meaning;
- according to the significative value;
- according to the connotative meanings.

Classification by denotation singled out the following groups:

1. proper ethnonyms: *пьян как сто китайцев* (*drunk as a hundred Chinese people*) – a man in a state of extreme intoxication;
2. linguistic ethnonyms: *это китайская грамота для меня* (*it's Chinese signs for me*) – something completely incomprehensible; *говорить русским языком* (*to speak Russian language*) – to speak clearly and understandably;
3. toponyms: *открыть Америку* (*to open America*) – to announce that everybody has already known; *нести Голландию* (*to bear the Netherlands*) – to lie.

Classification by signification identified the following groups of phraseological units:

1. Idioms, expressing different human actions: *литва пошла* (*Lithuanians have*

gone) – the start of battle, intrigue.

3. Idioms, expressing various human conditions (emotional and physiological): *матара (молотят) в голове (Tatars (hammer) in the head)* – the state of dizziness from fatigue; *немцы молотят / играют в брюхе (the Germans thresh / play in the belly)* – about the feeling of hunger; *цыганский пот (пробирает, прошибает, проникает) (gypsy sweat (slips, break through, penetrate))* – chills, shivering, feeling cold; *калмык на шею сел (Kalmyk is on the neck)* – asleep, feeling sleepy.

4. Speech clichés, expressions and proverbs: *на фига французу чум?(For what on the earth has a Frenchman got a chum?)* (the house of Eskimo) – a clear inconsistency, absurdity; *Кино и немцы! (Cinema and the Germans!)* – an expression of admiration.

The interpretation of phraseological units traditionally allocates the negative, positive and neutral assessment of phraseological meaning, which is based on conviction, endorsement or lack of vivid conviction / approval. From valuation connotations' point of view the functioning of ethnonyms in Russian idioms system has many specific features and peculiarities caused by cultural and historical factors.

The largest percentage among British ethnic idioms falls on the image of a Jew / Yid. In the majority of different nations this ethnic group is associated with a love for money-grubbing and the ability to conduct monetary transactions. In this behalf Russian language respect isn't an exception: *убить жида (to kill a Yid)* – to get rich, *торгуется, как жид (trades as a Yid)* – tries to make benefit. The theme of "Jew" is also closely linked with the concepts of tricks, lies, deceit: *Он и жида обманет (He can deceit even a Yid)*, *еврейский ответ (the Jewish response)* – a response in the form of a question, *жид (Yid)* – a clever prisoner, *еврейское золото (Jewish gold)* – alloy imitating gold. In this regard, in Russia the Jew can be called a representative of any nation, whose character manifests these traits quite clearly – *жидовская душа (Yid soul)*.

In the youth subculture there are some syntactic structures with this ethnonym: (БСЖ, 177), *на фига жиду гармошка (for what devil the Yid needs harmonica)*, *на фига еврею лапти (for what on the earth the Yid need bast shoes)*, meaning the discrepancy, the absurdity, uselessness of anything and is used in a wide range of contexts. The unit *за компанию и жид удавился (for the company even Yid hang himself)* is also used very often, while some "Jewish" idioms are either outdated *страха ради иудейска (fear of the Jews)* – because of fear, obsequiousness and toadying, or dialect – *ну тебя к жиду! (well, you to the Jew!)* – go to hell.

In addition Russian dialects are characterized by using of this ethnonym as component of names of plants, animals and fish: *жидовская вишня (Jew cherry)* – the plant *Physalis* (Annenkov, 250-251), *жидовские яблоки (Yid apples)* – plant *Solanaceae*, *жидовская коза (Yid goat)* – water spider, *жидолка (Yiddish fish)* – fish loach, bullhead, *жидовник (Yiddisher)* – dwarf acacia (SRNG, IX, 170).

Thus, phraseological units with the ethnonym component are widely represented in Russian phraseology. Ethnonyms Jew, German, Tatar, Gypsy and others are the components of ethnic idioms in Russian language. The presence or absence of a particular ethnic group in Russian phraseology points to their significance in the linguistic and ethnic patterns of the worldview in both linguistic cultures. In addition, a special interest to ethnic idioms of Russian language is explained by their reflection of stereotypical judgments about other ethnic groups, established in the political, economic and cultural cooperation between

Russia with other nations.

Having analyzed the lexical consistency of these idioms, we found that they serve as a source of identifying the characteristics of an ethnic group from the perspective of Russian speaking people. However, it should be noted, that ethnic idioms fix positive qualities of other nationalities to a lesser extent. Much more in the submitted languages they reflect disrespectful, derogatory and even aggressive attitude toward other ethnic groups.

Literature

1. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / Отв. ред. Г.П. Нецименко. М: Наука, 2002.
2. Садохин А.П. Этнология. Учебный словарь. М.: Академия, 2002.

БОГ ТА ЧОРТ ЯК МАРКЕРИ ЕТНОСВІТОГЛЯДУ У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ ФРАНЦУЗЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ

Зроблено спробу виявити етнокультурні особливості лексем-компонентів бог та чорт як репрезентантів національного українського та французького світобачення. Знайдено смислово-стилістичні відповідники та антонімічні зв'язки проаналізованих лексем. До аналізу залучено діалектологічні джерела для ілюстрації етносмислів.

Ключові слова: етнолінгвістика, етнофразеологія, фразеологічна одиниця, етнодіома, культурно-релігійний компонент, етнокультурна семантика.

An attempt has been made to reveal ethnocultural peculiarities of the lexemes-components *god* and *devil* representing the national Ukrainian and French mentalities. The semantic and stylistic correlates and antonymic connections of the analysed lexemes have been found in both languages. The dialectological sources have been involved in the analysis to illustrate ethno-meanings.

Key words: ethnolinguistics, ethnophraseology, phraseological unit, ethno-idiom, cultural and religious component, ethnocultural semantic.

Мова та мовлення досліджуються у нерозривному зв'язку з її продуцентом – етносом. Вона є трансмітером етноповедінки, і як вважає Ф. Боас, «диктує» уніфікований погляд на оточуючий світ кожному індивідові окремої мовної спільноти [7, с. 153]. Е. Сепір зазначає, що мова містить у собі поведінкові стереотипи, які передаються наступним поколінням мовців [9, с. 358]. Нейл Тейлор доводить існування «релігійної мови», як ідентифікатора певної релігійної і водночас етнічної спільноти [17, с. 7]. Тому, сучасна фразеологія використовує позамовні явища для коментування багатьох мовних фактів і слугує підґрунтям для використання у дослідженнях низки загальнометодологічних принципів [5, с. 379]. Етнос протягом тривалого часу впливає на розвиток мови, і, як стверджує А. де Сент-Боне, саме через неї ми можемо пізнати його генези та становлення [6, с. 669].

Загальновідомо, що якою б не була політична організація, кожен народ у певній мірі є носієм однієї чи декількох релігій. Релігійність (як сукупність вірувань, що тягнуть за собою певну обрядовість та відповідність до неї поведінки спільноти) завжди впливала на умови та спосіб життя етноспільноти, структурувала соціальні відносини. Вона віддзеркалює структуровану множинність ментальних та практичних схем, які дозволяють конкретному народові вбачати сенс у тому, що з ним відбувається. Народна фраземіка, на думку В. Жайворонка, знаходиться у нерозривному зв'язку з побутом та релігійністю, оскільки вона демонструє, як міфічний предмет, перетворений народною фантазією, набуває духовного значення, яке постає через його застосування до форм людського життя [4, с. 23].

Взаємозв'язок української та французької культур з релігією досить тісний. Про це свідчить дохристиянський, ранньохристиянський та сучасний стан релігійних тенденцій. Кількість фразеологічних одиниць з культурно-релігійним компонентом (далі – ФОКРК) в українській та французькій мовах свідчить про суттєвий вплив релігійного світогляду на культуру, а отже й мову (фразеотворення) обох народів. Дослідження фразеологічних одиниць з культурно-релігійним компонентом у французькій та українській мовах розкриває кореляції та відмінності у етносимволіці. Їх внутрішня форма відображає стереотипи сакраментальної поведінки та особливості правдивого світобачення.

Розглядаючи ФО як мікротекст, варто пам'ятати, що вони є представниками макротексту, у якому вони зародилися. Саме у ньому шукаємо етносмили та образи, що стали концептуальною основою фразеологічної одиниці. Об'єктом нашого дослідження виступають ФО з компонентами бог (фр. *dieu*) та чорт (фр. *diable*), як найбільш репрезентативні у народній фразеології. З'ясування етнокультурної семантики в синхронії та діахронії народною фразеологією дало можливість виявити, що в українській фразеології у тотожному значенні поряд зі словом бог використовуються Господь та Святий, у французькій мові поряд зі словом *dieu* використовуються *Messie* (Месія), *Seigneur* (Господь) та *Saint Esprit* (Святий Дух). Кількість ФО з цими синонімами є значно меншою. Лексема диявол в українських ФО представлена широкою палітрою синонімів – дідько, біс, сатана, чорт, нечиста сила, лукавий, гаспид. У французькій фраземіці представлено лише два іменники – *diable* та *démon*. Варто зазначити, що у народній фразеології вони використовуються у тотожному значенні, номінуючи злу потойбічну силу. Хоча дві лексеми мають грецьке походження, їх значення різняться: *démon* – злий дух, *diable* – наклепник. Це спостерігаємо у похідних прикметниках, наприклад, *démoniaque* (одержимий злим духом) та *diabolique* (буков. диявольський, страхітливий, дуже поганій). Слово *Satan* (з давньоєврейської противник) у ієрархічній драбині займає найвище місце. Ряд біблійних книг (напр.: Книга Йова, Одкровення Івана Богослова) доводять, що Сатана – це один з ангелів, який спротивився Богові. Деякі висловлювання ілюструють цей смисл (*Satan – prince/ chef des démons, prince des ténèbres, Maître de l'enfer*), однак це слово у складі ФОКРК не помічене.

Лексеми бог та *dieu* в обох мовах номінують надприродну субстанцію, але також є уособленням церковного життя, культу, справ милосердя. Це значення простежується у виразах *donner le denier à Dieu* – букв. дати динар Богові та дати на Боже. Цей французький вираз виник в епоху раннього Середньовіччя у вигляді *denier dieu* – динар божий, де слово *denier* є похідним від латинського *denarius* – римської срібної монети. Згодом це була назва стародавньої французької срібної монети, що дорівнювала двісті сороковій частині лівра або дванадцятій частині одного соль (су). Сьогодні це монета двох країн з Магрибу (Алжир, Туніс) та деяких країн Близького Сходу. *Denier à Dieu*, як цілісний вираз, зародився у XV столітті і почав використовуватись виключно у релігійному середовищі. Оскільки ця сума грошей була зовсім мізерною, то саме компонент динар у цьому фразеологізмі породжує традицію – давати пожертви на потреби церковної общини.

Згодом, іменник *denier* розширив свій зміст і отримав смисл дрібних грошей. Етимон *denier* використовується й у наш час у таких словосполучках як *denier du culte*

(щорічна сума, яку католики жертвують для потреб церкви), *deniers publics* – прибутки держави тощо. Найбільш вдалим за змістовим корелятом є український вираз дати на Боже. Його походження є дохристиянським. В українській міфології Дажбог (або старост. Даждъбог) – бог Сонця, світла, добра, син Сварога, син Неба. Етимологія пояснює його як вивідне від дай бог (бог давньоіндійське – податель), тобто дарівник добра, багатства, бог-подавець, отже бог достатку. У народі його називали ще *Дайбог*. *Дати на Боже* – пожертвувати, проявивши одну з рис *Всевишнього* – щедрості.

В українській мові компонент (на) боже асоціюється з церковною общиною. Варто зауважити, що у гуцульському діалекті частка *бодай* (похідне від бог дай) втратила своє первинне значення і використовується у його сучасному значенні в якості підрядних сполучників *щоб, аби* [ГГ; с. 27].

Зміст французького словосполучення *à Dieu ne plaise!* з'явився ще в XI столітті і використовується у «Пісні про Роланда» у формі *ne placet Deu*. Сучасною французькою мовою цей вигук можна передати приблизно так *que [cela] ne plaise pas à Dieu* – букв. нехай це не сподобається Богові і його слід розуміти як *que cela lui déplaît tellement qu'il ne le permette surtout pas* – букв. щоб це йому не сподобалося настільки, аби він цього не дозволив.

Це значення добре простежується у наведених нижче прикладах з французької літератури XIX століття: «*À Dieu ne plaise que je vous déplaise, monsieur le baron.*» [14, с. 23]. В уривку F.-A. Boissy цей вираз використовується у якості оправдання самого мовця, та є скоріше не змістовим елементом, а використаний для надання мовленню більш вишуканої форми чи звучання: «*Ce n'est pas à moi sans doute à rechercher si André Chénier et son frère, ont toujours vécu en bonne intelligence; à Dieu ne plaise que je porte un œil inquisiteur sur les affections d'une famille, et que je suppose que deux frères ont pu être ennemis malgré la nature qui les avait créés pour s'aimer ...*» [8, с. 101].

Палітра схожих українських народних вигуків має більш нюансоване значення. Крий Боже (Господи), не дай Боже (Бог, Господи, мати Божа), **не доведи (не приведи) Господи (Боже, Бог, Господь)**, є точними відповідниками, уживаються для вираження застереження від чого-небудь лихого, небажаного [СФУМ; 313, 186, 211]. У Г. Тютюнника та Г. Хоткевича ці вирази означають занепокоєння та страх: «Мати бачила, що з сином щось коїться незвичайне, і допитувалася, чи не вкрав він чого, крий Боже.» (Григорій Тютюнник) «Що за історія? — думаю. — Невже вбив? Та стріляв же, здається, по дровах ... А як, **не доведи Господи, вбив?**» — аж у серці похолонуло» (Г. Хоткевич). М. Коцюбинський вживає цей вираз для вираження жалю: «Замфір сидів і думав... про жінку слабу, про діток дрібних, що крий Боже, посиротіють ще...». Проте фразеологізми *Боже збав* (Боже борони (гуц. би біг боронив), нехай Мати Божа боронить) використовуються також для вираження позитивних (радості, здивування, захоплення) або й негативних емоцій (переляку): «Вона була здалека взята, і така-то вже хороша, чорноброва, а горда та пишна – Мати Божа!» (Марко Вовчок); «Ой, Мати Божа! І розказувати боязно!» (Марко Вовчок); «Рано, на сході сонця вийдуть хазяйки з сіней умиватись, глянуть на розквітлі соняшники й маки, яких не торкнула ще перша бджола, і вигукнуть протяжно в зачудованні: – Мати Божа, що сталося в городі за ніч!» (О. Довженко) [СФУМ; 211, 370]. На позначення везіння (у минулому) використовується вираз **бог (Господь) милував (помилував)**. Антонімічним фразеологізмом з архаїчним елементом є *plût à Dieu* – якби тільки,

або більш сучасний його відповідник *s'il plaît à Dieu (si Dieu le veut)* – якщо Богові буде угодно. У бойківському діалекті існує відповідник буду богойка просити [СБГ; т. I – с. 62], [СФУМ; 34]. З огляду на процитовані ФО під призмою тріади «мова – народ – культура», добре видно, що українці та французи вбачали у Богові захисника та сподівалися на його втручання та захист. Отже, ФОКРК обох мов виявляють високу ступінь ментальної залежності мовця від Вищих сил.

Насмішкуватість, як негативну рису характеру, зображує фразеологічний ідіоматичний вислів *Il ne faut pas prendre les enfants du bon dieu pour des canards sauvages!* – букв. Не слід приймати дітей божих за диких качок! Цей вираз не входить до народної фразеології, його вживання було помічено в «освітеному» середовищі (Antoine Blondin, Michel Audiard, le Général de Gaulle.) Під словосполученням *les enfants du bon dieu* розуміли людей, гідних цього імені, а отже розумних, чесних, чуйних до ближнього. Генези його невідомі, так само як і добір *canards sauvages* у його складі, проте значення не слід приймати людей за дурнів чи не треба кепкувати з ближніх закріпився за ним [10, с. 77].

У значенні кепкувати, глузувати з когось існує у вжитку вираз брати (взяти) на Бога. Це засвідчує українська література XIX століття, проте чітке походження виразу є невідоме. Вираз взяти на Бога використовується також у значеннях домагатися чогось, обманюючи, діючи нечесно та залякувати, впливаючи на почуття. У значенні кепкувати, глузувати: «Христя ніяк не могла второпати — жартують із нею, беруть на Бога чи правду кажуть?» (Є. Гуцало). У значенні обманювати: «Ти мене одурити хочеш, на Бога взяти?» (В. Собко). Зі значенням лякати: «Зрозуміло... Зараз я заїду до Рудого і візьму його трохи на Бога. Єсть підстава? Єсть... Народне добро... Злочинне недбальство...» (С. Добровольський) [СФУМ; 41].

Про людську чесність, радше про її порядність, судячи з її зовнішності, говорить французький вислів *on lui donnerait le bon Dieu sans confession* – букв. йому б дали Бога без сповіді (його б назвали Богом /божим чоловіком/ без сповіді). Згідно з католицькими віруваннями сповідь очищує людину від її гріхів. Цей вираз стосується особи, про невинність котрої «свідчить» її вираз обличчя. Тобто, її невинність та «безгрішність» є очевидною ще до сповіді. Хоча у французькій літературі використовується той самий вираз у *Conditionnel passé* — *on lui aurait donné le bon Dieu sans confession*, натякаючи на те, що ця людина вже зробила якийсь гріх: «*J'entendis deux ou trois fois mon nom suivi d'éclats de rire et d'expressions de lèvres méprisantes : (...) «Est-elle hypocrite !» disait une vieille femme ; «qu'est-ce qui ne lui aurait pas donné le bon Dieu sans confession ?» Et puis on riait (...)»* [12, с. 184].

Найточнішим відповідником в українській фраземіці є вислів з комунікативного акту божа квітка (часто квіточка), який зазвичай використовується стосовно жінки похилого віку (рос. божий одуванчик). Існують також вислови Божий чоловік, який у біблійному контексті розуміється як паломник, прочанин, юродивий, та Божа людина, як угодний Богу, ким в Україні називали кобзарів та народних співців. Наприклад: Біля воріт спинився старий кобзар... Ні, лірник... та все ж людина Божа, бродячий бард! (Василь Шевчук) [СФУМ; 766, 358]. Ставлення до кобзаря у народі дійсно було особливим. Їх непримиренність у ставленні до зла та неправди, яку вони оспівували, викликала у спільноти повагу та благоговіння.

Таким чином, автотеїстичні фразеологічні звороти, особливо детермінатив

божий у стосунку до людини, вказують на похвальні якості людини. У смислове ядро цих ФО закладено концепти «добра», «святості» (безгрішності/невинності) та інших позитивних характеристик (чесність, порядність тощо) .

Вираз *Dieu reconnaîtra les siens!*, повна форма якого «*Tuez les tous, Dieu reconnaîtra les siens!*», своїм походженням зобов'язаний Арно Амальріку, настоятелю католицького монастиря Сіто і папському (Інокентій III) послу (1209). Хоча у писемних згадках його зафіксовано у XVII столітті. У цей час папа вирішив вилучити «еретиків» катарів, котрі вже встигли вкоренитися на півдні Франції. Протягом операції «очищення» католиків від катарського впливу та протягом багатьох судових тяжб, у безвиході, була висловлена фраза «*Tuez les tous, Dieu reconnaîtra les siens !*». Це добре ілюструє *La Revue des deux mondes*: «*L'état n'a besoin ni de mauvais peintres, ni de mauvais musiciens, ni de faux poètes, et en voyant cette foule besogneuse de médiocrités se précipiter dans une carrière qui ne peut être parcourue avec succès que par un petit nombre d'élus, il faut dire aux critiques : Frappez, soyez impitoyables, Dieu reconnaîtra les siens !*» [16, с. 765]. Українські кореляти з ком. акту Бог на небі є або Бог віддасть (відплатить), лем. Боже запласть! є скоріше вигуками, хоча й можуть бути висловленими у подібному контексті, проте скоріше вказують не на милість Божу «своїм», а на помсту каральників. Частково на це значення натякає вираз Бог все знає, який також у комунікативних актах уживається у подібному сенсі [ГГЛ; с. 50].

Лексема бог з деякими речовинними атрибутами може набувати негативного значення, як наприклад вираз скляний бог, де прикметник скляний асоціативно уособлює скляний посуд (особливо склянка, пляшка), а бог залишається з конотацією поклоніння. Цей іронічний смисл спостерігаємо в художній літературі. Наприклад: « Ми з ним добре пообідали, не забувши за чарку, кооператив був близько, а скляного бога там стояло повно на полицях » (Ю. Яновський) [СФУМ; 34]. Це не поодинокий приклад, де спостерігається втрата значення слова бог як вищої сили. Лексема може набувати значення людини з особливими здібностями чи можливостями (напр.: знахар). Слово бог у значенні ікона, як видно у наведеному прикладі з комунікативного акту Бойківщини, може бути предметом іронії і використовується в одному контексті з його антиподом: « – Агій, а шчо-с купила? – Та, бога. – Та бо йакис кривоносий. – Е, най го чорт бере, аби на стіні висів.» [СБГ; т. I – с. 62].

Варто згадати, що у французькій фраземіці використовуються імена грецьких та римських богів, таких як Юпітер, Зевс, Адоніс, Янус тощо. Наприклад: *se croire sorti de la cuisse de Jupiter* – вважати себе виняткових чи особливим, *tonnerre de Zeus* (використовується для вираження злості або сильного розчарування у стриманій формі), *fermer les portes du temple de Janus* – творити мир. В українській фразеології, майже не присутні назви грецьких чи римським богів, їх вживання у ФО є швидше авторським, і не закоріненим у народній пам'яті (наприклад: геркулесові стовпи у значенні кінцевої межі, крайності) [СФУМ; 694]. Проте, в деяких українських ФО використовувалися імена язичницьких богів. В. Жайворонок доводить, що «в українців окремі дні тижня були відмічені стародавніми віруваннями. (...) Наприклад, четвер – четвертий день по неділі – ще в дохристиянські часи – це Перунів день (звідси «після дощику в четвер» – від первісного значення «після грому і блискавки, які послає Перун»). Язичники сповідували культ четверга, як день бога-громовика, який освячував воду і надавав їй цілющих властивостей. Пізніше християни у цей

день запалювали громницю – страсну свічу, що свідчить про зв'язок свічі з громом. З прийняттям християнства могутністю Перуна були наділені святі Ілля-пророк та архістратиг Михайло і ім'я Перуна стало об'єктом огиди, навіть лайки. Ймення володаря стихії у таких висловах замінювали на інші слова: «Жене, як дідько хмари», «Чорт і горами перевертає», «Іди до грому!» (М. Стельмах) [4, с. 77]

Французька фразеологія також знає випадки заміни імен нехристиянських богів на слово бог, оскільки в епоху Середньовіччя вимовляння вголос біблійних імен бога (більш того чужоземних богів) суворо каралося, наприклад *tonnerre de Zeus* на *tonnerre de Dieu*, значення яких тотожне. Це залишки так званого двовір'я – поєднання старих вірувань з новими християнськими, що притаманне і українській культурі в період поширення Християнства на Русі.

У вищепроаналізованому корпусі ФОКРК чітко простежується те, що українці, незважаючи на язичницьке минуле, є прибічниками монотеїзму. У богові вони вбачали вищу духовну силу за необмеженими можливостями, наділену виключно позитивними якостями (справедливість – бог відплатить), який прогнозує життя людини (якщо богові угодно), керує ним (бог милував), впливає на повсякденне життя (гуц. чоловік мислить, а Бог крислить – фр. *l'homme propose, Dieu dispose*), захищаючи людей (не дай боже). Використання ФО нехай мати божа боронить як синонімічної до боже борони пояснюється тим, що українці концептуально приєднували усіх святих до Бога, зберігаючи при цьому монотеїстичні традиції та сповідуючи його верховенство. Того ж висновку можна дійти й про французькі фраземи, адже більшість з них зароджуються в епоху Середньовіччя. Використання таких фразем як *le dieu de Platon* та *les dieux Wotan* (старо-верхньонімецькою від норвезького Odin – головний бог скандинавської міфології, бог знання, війни та смерті.) пояснюється здебільшого бажанням протиставити релігійні традиції тогочасної Франції (Європи) іншим нехристиянським народам.

Незаперечним є факт впливу культу римських богів на культуру Романського світу. Римська античність, як спадкоємиця багатьох елементів давньогрецької культури (наприклад, римська міфологія значною мірою повторює грецьку), творить власний культурний простір: зародження елементів театру відбувається у найдавніших обрядах, бурхливий розвиток літератури, архітектури тощо. Французькі назви днів тижня та планет походять від назв римських Богів. Язичницька релігійна система, трансформована у християнство, принесла в спадок колоритну народну обрядовість, домінування аграрних культів зумовило особливості господарювання, однак такого суттєвого відбитку на інші сторони культурного життя українців не залишила.

ФО з компонентом чорт (фр. *diable*) дають більш контрастивну картину культурного життя обох народів. Французький вислів *la beauté du diable* – букв. краса диявола не має жодної негативної конотації. Цей позитивний зміст пояснюється біблійною історією з П'ятикнижжя Мойсея (книга Буття) про перевтілення демонів у людські тіла з ціллю звабити земних жінок. Це значення неймовірних привабливості та краси ілюструє цитата з французької літератури (XIX ст.): «*Une loi mystérieuse de la nature veut que la femme, même la moins belle, un jour, à une heure de jeunesse, illumine tout son visage d'un charme qui la fait aimer ; cette transfiguration fugitive, cette beauté d'un moment s'appelle la beauté du diable*» [15, с. 2]. Українська народна фраземіка не знає

подібних порівнянь позитивного змісту (напр.: бойк. чортис'кий хлопец – нечемний хлопец), проте російська мова дає ряд корелятивів у висловах чертовски красив, чертовская красота, чертовски повезло з позитивною конотацією, поширюючи це значення на людей та предмети [2, с. 287; 1, с. 6]. У романі «На брата брат» сучасного письменника Ю. Мушкетика знаходимо один з декількох поодиноких випадків вживання такого слововислову в українській мові: «Полковник Григорій Гуляницький – ставний, підтягнутий, чорновусий, чорнобровий, чорнобородий, гарний, як чорт, що перекинувся в чоловіка, – підняв над головою пернач.» В комунікативних актах нечасто, проте можна помітити вживання варіанту чортяка з прикметниками гарний та красивий, часто у минулому часі, напр.: «Гарний був, чортяка!» Лексема чортяка – це розмовна похідна від чорт зі суфіксом згрубілості, яка зазнала десемантизації і входить до розряду оцінної лексики. Корпус ФО французької мови репрезентує чимало прикладів позитивного вживання слова *diable*, наприклад: *un bon diable* – букв. хороший диявол у значенні хороброї людини, *avoir le diable au corps* – букв. мати диявола в тілі зі значенням бути енергійним. Цей вираз зародився у XIV столітті, відповідає народним віруванням тогочасної Франції: диявола з давніх-давен наділяли надможливостями, він мав здатність вселятися у людське тіло, від чого останнє сповнювалося неймовірної сили. З початку XX століття, зі зменшенням релігійності у суспільстві, частина концептуального ядра була «стертою», зберігши символ енергійності та рухливості. Український формотворчий синонім біс вселився протягом століть не змінював смислового ядра значення, тобто незрозумілості вчинків, сварливості, нечемності, хоча й містить конотацію збудженості, виняткової енергійності.

Французький сучасний вислів *va t'en !* – йди геть виступає діахронним вихідним від вислову-прокляття *que le diable t'emporte*. Поява цього вигуку у класичній мові завдячує християнській релігії у змісті страшного прокляття – спочатку віддання об'єкта дияволу або хворобі, і потім віддалення його. Синонімічним є також більш сучасний французький вигук *allez au diable !* – йдіть до чорта або вираз *envoyer qqn au diable* – букв. відіслати когось до диявола. Українська фразеологія подає декілька синонімів з різними елементами на позначення французького *diable*: чорт тебе забирай, іди (собі) до чорта (біса, лиха), дідько б тебе забрав, нехай їй гаспид, гуц. мара би ті взіла, лем. ид до дябла тощо [СФУМ; 768, 275], [ГГ; с. 120]. Для підсилення значення використовуються наступні фразеоформи: піти під три чорти, хай їм сім чортів (число сім у древніх слов'ян вважалося виразником найбільшої повноти міри), послати до всіх чортів – фр. *envoyer à tous les diables*, у яких зростання числівника та слово всіх вказують на ступінь роздратування та гніву. У французькій мові існує вираз *envoyer aux cinq cents diables*, який виказує найвищу міру гніву. Хоча ФО чорт побери може виражати позитивний зміст, як от захоплення, задоволення як це видно з уривку Ю. Яновського: «Сев, а хороше море, чорт його забери? - Коли б тільки його не змальовували синьою фарбою і красивими епітетами». Цей стійкий зворот, часто вживаний без займенника, використовується у якості вигуку і має емоційне (позитивне/негативне) забарвлення у процесі комунікації.

Українська етнолексема дідько сягає своєю етимологією у дохристиянські вірування слов'ян, про що свідчать відповідні факти з інших слов'янських мов: обожнювання духів предків, у яких вбачали покровителів домашнього вогнища

(словацьке *dedkovia* (мн.) – домовики, духи предків, що охороняють дім) [ЕСУМ; т. II – с. 88]. З цим компонентом представлено чимало ФО: дідько вхопив на позначення раптової смерті (синонім віддати богові душу без позначення раптовості – фр. релігійно-урочисте *rendre son âme à Dieu*), віддати дідькові душу (померти), дідько попутав вказує на вплив злих духовних сил на повсякденне життя і містить значення поганого вчинку, допущення помилки через спокусу, не передбачивши небажаного результату. Наприклад: «А вже найбільша моя провина – що дідько попутав мене, нараяв чи напоумив мене одружитися» (Т. Масенко).

Цікавим з точки зору етносимволіки є ФО *au diable vauvert* (нар. *au diable vert* – букв. до зеленого диявола), точна етимологія якої невідома, проте існує декілька можливих пояснень значення. Існують вирази з тим самим компонентом, які допомагають розкрити значення вищезгаданого: *aller à vau-leau* – йти собі на втрату, наближається до погібелі та *par monts et par vaux* – з усіх боків, звідусюди. Спільний елемент *vau* є похідним від *val* (долина) чи *vallon* (лощина, виярок). Ще у XV столітті вираз *faire le diable de Vauvert* не мав жодного натяку на відстань. Він вказував на енергійність та рухливість людини. Назва *Vauvert* належала також абатству Шартре, розташованого на півдні Парижу. Існував також замок Вовера у Жантії, який за легендами, служив притоном для небезпечних бандитів. Був також ще один «Вовер» біля міста Нім, де протестанти зруйнували вівтар присвячений Діві Марії. Отже, ймовірно, що один з цих «Воверів», який вважався надто віддаленим від Парижу і у якому відбувалися «некатолицькі» вчинки, дав народження цьому виразу, асоціюючи його з дияволом, якого у XV вважали досить віддаленим від людей, і публічні промови про його прихід слугували залякуванням народу священнослужителями.

У XII столітті *aller à val* чи *vau* (AF) означало *en descendant le long, en suivant la pente de* – спускатися вздовж, сходити по схилі, де лексема *vau* (*par monts et par vaux* – пагорбами та долинами) означає долину. Тому не дивно, що у народі ця ФО вживається з прикметником кольору *vert*, адже французькі незаймані долини були відомі своєю буйною рослинністю. Принаймні до середини XVI століття ця етнодіома, яку використав Ф. Рабле, мав значення *suivre le fil de l'eau* – йти за течією річки. Саме починаючи з цього часу з'являється абстрактний зміст цього виразу у *à val de route* (бездоріжжя, безпорядок) та *être à vau l'eau* (для опису підприємства, яке погано функціонує, тобто бути у занепаді). Варто відмітити, що існували синонімічні сталі вирази *à vau-le-vent*, *à vau-le-pays*, *à vau-le-feu* та *à vau-l'ombre*. Віктор Гюго у своєму романі *Homme qui rit* використовує один з цих виразів без дефісу: «*Lourque se retrouva à vau l'ombre dans l'obscurité incommensurable.*» [11, с. 110] Етимологи вбачають спільність зі словом *aval*, яке також датується 1080 роком [13, с. 124]. Це ілюструють деякі словосполучення того часу та їх значення (*pays d'aval* – край у нижній частині ріки; *à val* – донизу, вниз; дієслово *avalier* – йти вниз за течією). Разом з дієсловами пересування (*aller, se promener, voyager*) цей вираз вказував на рух в усі можливі напрямки або до усіх знаних місць, долаючи перешкоди та йдучи «горами та долинами» (укр. з комунік. акту – два дні лісом, три дні полем). Український доволі вживаний фразеологізм там, де дідько добраніч каже семантично найбільш відповідає вищезгаданому французькому. Концептуальне ядро ввібрало в себе символ незвіданого місця, часто у поєднанні з темрявою, адже вірили, що чорт водиться у безлюдних місцях (у безоднях, в очереті, у пустках, руїнах тощо). Також

існувало повір'я, що небезпечно згадувати його по імені, тому, замість слова чорт, вживали різні назви: дідько, той, що греблі рве, той, що не при хаті згадуючи.

ФОКРК, як частина художнього фразеологічного корпусу, є репрезентантами світогляду, оскільки мають глибинні етнокультурні нашарування. Ввібравши в себе множинність елементів (епоху, територію, світогляд, ситуативність тощо) ФО виступають відображувачами мегатексту, у якому вони зародилися. Окрема спільнота, володіючи генетичним етнокодом, наділяє специфічною символікою оточуючі реалії. Таким чином, етнолексеми, сполучуючись у етнофраземи, утворюють особливі концептуальні мовні продукти – знаки етнокультури [3, с. 3].

Етнокультурна знаковість ФО з компонентами бог та чорт доводить їх суб'єктивно-модальну експресивність. Фразеологізми з компонентом бог покликані, зазвичай, виражати позитивні емоції; фразеологізми з компонентом чорт – негативні, що пояснюються семантикою цих компонентів: бог як втілення добра, праведності, милості тощо, чорт як втілення вселенського зла. Проте ситуативне вживання свідчить про деякі особливості фразеовживання, наприклад: смислову деактивацію (гуц. бодай) унаслідок семантичних та граматичних трансформацій слів-компонентів, про субстантивоване вживання прикметника божий у середньому роді (дати на боже – *donner le denier à Dieu*) уособлюючи його з релігійною общиною та ін.

Підсумовуючи, зазначимо, що:

– Слово бог використовується у його наступних основних значеннях: 1. В релігіях (політеїстичних та монотеїстичних) одне з вищих неземних створінь, вищий розум, що створив світ та керує ним. 2. Втілення доброти, всемогутності, істини, справедливості тощо. 3. Релігійну общину (церкву). 4. Образ, ікона, скульптурне та інше зображення бога. 5. Людина, наділена особливими якостями чи винятковими можливостями. 6. Предмет поклоніння, пристрасті та захоплення. 7. Клична форма **боже використовується як вигук для вираження** захоплення, подиву, засмучення, роздратування тощо.

– Лексема чорт має наступні значення: 1. Нечиста сила взагалі, ворог людини, спокусник. 2. Втілення зла, темної надприродної сили. 3. Негативна оцінка людини та її якостей. 4. Позитивна характеристика спритної, успішної, вродливої людини. 5. Позначення чогось невідомого, незвіданого. 6. Як вигук **чорт вживається** для вираження сильного розчарування, незадоволеності, захоплення та подиву.

Всебічне вивчення фразеологічного фонду різносистемних мов у антропоцентричному аспекті потребує у перспективі залучення більшої кількості екстралінгвальних джерел з ціллю встановлення додаткових етносміслів, що містяться у етнофраземіці.

Література

1. Вересов Д. Завещание ворона: Роман / Д. Вересов. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. – 384 с.
2. Гольнец С. В. Иван Яковлевич Билибин / С. В. Гольнец. – Л.: Художник РСФСР, 1970. – 370 с.
3. Жайворонок В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. / В. Жайворонок. – К.: Вид-во «Довіра», 2006. – 703 с.
4. Жайворонок В. Українська етнолінгвістика: Нариси. / В. Жайворонок. – К.: Вид-

во «Довіра», 2007. – 261 с.

5. Копаниця Л. Метапонятійна модель української ліричної пісні / Л. Копаниця. – К.: Укр. фітосоціологічний центр, 2000. – 504 с.
6. Blanc de Saint-Bonnet A. De l'unité spirituelle, ou De la société et de son but au dela temps. Vol. 3. – Paris: Ch. Pitois, Editeur, 1841. – 1192 p.
7. Boas F. Anthropology and modern life. – NY: Courier Dover Publications, 1932. – 333 p.
8. Boissy F.-A. Les études littéraires et poétiques d'un vieillard ou Recueil de divers écrits en vers et en prose par le compte de Boissy d'Anglas. Vol. 2. – Paris: Chez Erasme Kleffer, 1825. – 392 p.
9. Darnell R. The collected works of Edward Sapir. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 1057 p.
10. Diatkine D. Il va faire un temps superbe : Nouvelles. – Paris: Publibook, 2008. – 153 p.
11. Hugo V. L'Homme qui rit. – Paris : Editions Gallimard, 1978. – 425 p.
12. Lamartine A. Geneviève, histoire d'une servante. – Paris: Simon Raçon et Comp., Librairie Nouvelle, 1856. – 312 p.
13. Le Petit Robert Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. – Paris : Société du nouveau lettré, 1969. – 1970 p.
14. Musset A. On ne badine pas avec l'amour. – Paris: Librairie Stock, Delamain et Boutelleau, 1834. – 72 p.
15. Roqueplan N. Regain : La vie parisienne. – Paris: Librairie nouvelle, 1854. – 272 p.
16. Soc. de la Revue des Deux Mondes : R2M. Tome XXV. – Paris: Bureau de la Revue des deux mondes, 1860. – 1024 p.
17. The nature of religious language: A Colloquium. / Edited by Stanley E. Porter. Vol. 1. – London: Continuum International Publishing Group, 1996. – 312 p.

Список скорочень:

СФУМ – Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К., 2008.

СБГ - Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок: В 2 т. – К., 1984.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. – К., 1985.

ГГ – Гуцульські говірки: Короткий словник / За заг. ред. Я. Закревської. – Львів, 1997.

ГГЛ – Верхратський І. Про говор галицьких лемків. – Львів, 1902.

Ахмедова З.Г.

Доцент кафедры английского языка

Кандидат филологических наук

Дагестанский государственный университет

СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДАРГИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Субстантивные фразеологические единицы обладают широким семантическим объемом – они обозначают предметы, явления, состояния. По нашим данным значительное число субстантивных фразеологических единиц обозначает понятия, связанные с человеком, что обусловлено влиянием семантики компонента – названия лица. Ряд фразеологических единиц обозначает трудовую деятельность человека. Семантика таких фразеологических единиц определяется значением компонентов. «Эти признаки должны отражать не только реалию, но и отношение к ней, т.е. эти признаки носят оценочный характер. Возможности переносного, в широком смысле, применения слова зависят от его неязыковой характеристики – социально закрепленной оценки соответствующего явления» [Антрушина, 2000: 9].

Мы выделили семантические группы субстантивных фразеологических единиц, связанных со сферой физического труда, которые обозначают следующие понятия:

1) Человек:

а) характеристика человеческой природы:

английские ФЕ:

clay in the hands of the potter – человек, поддающийся влиянию;

mad as a hatter – сумасшедший;

даргинские ФЕ:

кIибхIян, кIел шагълис узан букв.«слуга двух господ» – двурушник;

кIел шинкъала декъ чедуршан букв.«на две мельницы муку распределивший»
- двуличный.

б) трудовая деятельность человека:

английские ФЕ:

dry nurse – «нянька», человек, которому поручено присматривать за другим;

wet nurse – кормилица;

white collar worker – (амер.) служащий;

cold cook – (жарг.) гробовщик;

даргинские ФЕ:

хъябла ирхъян – палач;

мургъила някъбар – мастер на все руки «золотых дел мастер».

в) собирательное значение группы людей:

sheep that have no shepherd – беспорядочная, беспомощная толпа «овцы, не имеющие пастыря» ;

the devil among the tailors – драка, общая свалка «дьявол среди портных»;

г) поведение человека:

английские ФЕ:

back-seat driver – пассажир, отвлекающий водителя своими советами;

даргинские ФЕ:

эмхлеван вявиклес «кричать словно осел»;

2) Предметы одежды:

английские:

shoemaker's stocks – ботинки, которые жмут;

shepherd's plaid – ткань в мелкую черную и белую клетку;

даргинские:

ц1уб арх1я х1евала рег1 букв.«владелица платья из белого шелка» - знатная;

3) Пища:

английские:

shepherd's pie – картофельная запеканка с мясом;

Чувство голода:

hungry as a hunter – голоден, как волк;

даргинские:

бец1ван гушли «голоден словно волк»;

синкачил хъярба укус «с медведем есть груши»;

4) Разнообразные понятия:

английские ФЕ:

the great fisher of souls – дьявол;

baker's dozen – чертова дюжина;

даргинские ФЕ:

ца кьяш х1яблав - состариться;

Проведенный анализ семантических групп субстантивных ФЕ в сфере физического труда в английском и даргинском языках показывает, что большинство из исследованных субстантивных ФЕ связано с семантическим полем «человек»: характеристика человеческой природы, оценка трудовой деятельности человека. Следует отметить, что субстантивных ФЕ с отрицательной оценкой каких-либо человеческих черт больше, чем с положительной, например, англ. tailor's dummy «франт, пижон»; mad as a hatter «сумасшедший»; дарг. къунбала кьяч1а «интриган»; ита-иша дихан, уди-чеди диран «отъявленный сплетник» и т.д.

Литература:

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.И. Лексикология английского языка. – М., 2000 – 288 с.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1967.
3. Магомедов Н.Г. Русско-даргинский фразеологический словарь. Махачкала, 1993.

Киреева Л.В.

ст. преподаватель

Сибирский государственный аэрокосмический университет

имени академика М.Ф. Решетнева

г. Красноярск, Россия

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Возрастающие требования к уровню преподавания иностранного языка создают необходимость поиска новых методов, приемов и средств эффективного обучения. В наши дни обучение иностранному языку основывается на личностно-ориентированной парадигме, которая в свою очередь базируется на деятельностном и личностно-деятельностном подходах, так как процесс обучения направлен на личность, ее интересы, потребности и возрастные особенности. «Основными категориями этих подходов являются категории «деятельность» и «личность»: личность развивается в процессе выполнения продуктивной иноязычной речевой деятельности, и основная цель обучения ИЯ формируется как формирование иноязычной деятельности как нового способа общения» [2, с.19].

Метод проектов помогает осуществить все эти важные задачи. Этот метод, основы которого были заложены американским философом и педагогом Дж. Дьюи во второй половине XIX века, приобрел большую популярность в наши дни. Суть этого метода заключается в том, чтобы научить обучающегося применять полученные знания на практике для решения важных для него проблем через проектную деятельность. Учащийся должен понимать, где и как он может применить приобретенные знания.

Для продуктивной коммуникации необходимо создавать мотивы речевой деятельности, студент должен четко представлять цель своего речевого и неречевого действия, его конечный результат. «Говорение всегда мотивированно. Человек, как правило, говорит потому, что у него есть для этого определенная внутренняя причина, есть мотив, выступающий, по выражению А.Н. Леонтьева, в роли мотора деятельности» [1, с. 9].

Для стимулирования речевой деятельности необходимо создавать творческую атмосферу на занятиях, так как в процессе выполнения творческих заданий студенты решают определенные проблемы, которые порождают мысли, побуждают их к высказыванию. «Чтобы сформировать у учащихся коммуникативную компетенцию, недостаточно насытить урок коммуникативными упражнениями. Важно предоставить им возможность мыслить и рассуждать с тем, чтобы учащиеся акцентировали внимание на содержании своего высказывания, чтобы в центре внимания была мысль, а язык выступал в своей прямой функции – формирования и формулирования этих мыслей» [4, с. 18].

В основе проекта лежит проблема, которую студенты должны решить в процессе поисковой творческой деятельности, результатом которой является исследовательская работа. «Если говорить о методе проектов как о педагогической

технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути» [3]. Результат проектной деятельности может быть представлен в разнообразной форме: в форме деловой игры, журнала, выставки, Web-сайта, музыкального или художественного произведения, ролевой игры, рекламы, плаката, научной конференции, телекоммуникационного проекта и т.д.

Остановимся на презентации как одной из форм проектной деятельности и неотъемлемой части устного доклада. Презентации являются эффективным способом представления информации на основе мультимедийных технологий и позволяют создать информационную поддержку при подготовке и проведении занятий иностранного языка. Преподаватели могут использовать презентации для объяснения нового материала студентам, а они, в свою очередь, выступать с презентациями на разговорные или профессиональные темы, изучаемые в текущем семестре. Так, на первом курсе студенты нашего вуза готовят презентации по следующим темам: “My personality”, “The university of the world I’d like to study for M.Sc. at”, “English speaking countries”, на втором курсе “Inventors and inventions”, “Information Technology”. Презентации могут являться итоговой семестровой работой и проводиться в форме микро-конференций, лучшие работы размещают на сервере ДО университета в качестве образцов, студенты с наиболее актуальными и интересными работами принимают участие в региональных конференциях. Презентации по теме «My personality» являются наиболее разнообразными, интересными, яркими и полны юмора. В этом проекте студенты демонстрируют знания лексики по таким темам, как “Traits of character”, “Hobbies” с использованием глаголов to be, to have. На занятии устанавливается положительный психологический климат, создаются положительные мотивы к учебной деятельности.

Работа над проектом “The university of the world I’d like to study for M.Sc. at” основывается на разговорной теме “Higher education”. При выборе университета студентам предлагается учитывать такие вопросы как: What are the entry requirements? - Какие требования при поступлении?, Can you cover the course fees? – Можете ли вы оплатить обучение?, Is there any accommodation on offer? Is it on campus? – Предоставляется ли жилье? Находиться ли оно на территории университета?, Can you cover the cost of living? – В состоянии ли вы платить за проживание?, Does the university have facilities you need? - Располагает ли университет необходимыми для вас возможностями?, Is it a recognized qualification in home country? - Является ли данная квалификация признанной в вашей стране?, Does it follow your chosen career plan? – Соответствует ли она вашему карьерному плану? и другие. На защите проекта студенты обосновывают свой выбор, учитывая данные вопросы.

Материалы презентаций по теме “Inventors and inventions” дополняют информацию к текстам “Marie Curie and the discovery of radium”, “Alfred Nobel – a man of contrasts” в учебнике «Английский для инженеров» авторов Т.Ю. Поляковой, Е.В. Синявской. Материалы представляются дополнительными фактами из жизни этих ученых и других изобретателей и их изобретениях, о Нобелевском фонде и их лауреатах. Темы студенты выбирают по желанию и самостоятельно подбирают информационный и иллюстративный материал к презентации. Работая с источниками по данной тематике, студенты закрепляют и используют в речи лексику

по теме: “Scientific research”, что подготавливает их к дальнейшей работе над более сложной профессионально-ориентированной темой “Information Technology”. Для презентации студенты выбирают любую тему из этой области, например: “Computer Architecture”, “Operation Systems”, “Programming Languages”, “Viruses”, “Internet” и т.д., а также делятся информацией об электронных новинках. Работа над этой темой подготавливает студентов к научной и профессиональной деятельности и решает основную задачу, на которую ориентировано обучение иностранному языку в неязыковом вузе - это научить студентов пользоваться иноязычной литературой по специальности в профессиональных целях и уметь высказываться на иностранном языке по вопросам, связанным с будущей профессией.

На сайте нашего университета студенты могут ознакомиться с общими правилами работы над презентацией; приблизительным планом презентации, этапами работы над презентацией с описанием заданий и навыков, формируемых при их выполнении; требованиями по оформлению слайдов; требованиями к устной презентации и полезной лексикой для устных выступлений; критериями оценки презентации. Также студенты могут ознакомиться с образцами презентаций.

Существуют различные классификации проектов. По виду деятельности Е.С.Полат подразделяет проекты на исследовательские, ролево-игровые, творческие, информационные и практико-ориентированные. Наши проекты скорее можно отнести к информационным, так как они направлены на сбор информации по определенной теме, ее анализ и обобщение фактов, хотя информационные проекты, как и исследовательские, имеют четкую структуру. При работе над проектом определяется: цель, предмет информационного поиска, источники информации, способы обработки информации (анализ, обобщение, сравнение и сопоставление, выводы), результат проектной деятельности (доклад, реферат, статья и т.д.). Проекты могут быть смешанного типа, часто информационные проекты интегрируются в исследовательские и становятся их частью и любой проект является творческим, по сути, так как требует творческого подхода.

Использование презентаций на занятиях позволяет создать языковую среду, что является необходимым условием для развития коммуникативных навыков: умения вести дискуссию, отстаивать свою точку зрения, умения слушать и слышать собеседника, аргументировано излагать свои мысли. В работе над презентацией так же развиваются и совершенствуются навыки чтения, аудирования, письма, т.е. создаются необходимые условия для формирования и совершенствования коммуникативной компетентности студентов.

Литература

1. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1985. – 208с.
2. Педагогический университет / Лекция 2 Подходы к обучению иностранным языкам сегодня // Первое сентября. 2009. №19. 18-24с.
3. Полат Е.С. Теоретические основы составления и использования системы средств обучения иностранному языку: автореф. докт. диссертация, М. 1989
4. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка. // Иностранные языки в школе.- 2000. №2 17-19 с.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ДАРГИНСКОГО ЭТНОСА

Язык фольклора выступает надежным источником информации об этнических и культурных особенностях любого народа. Опыты моделирования языковой картины мира даргинца, т. е. поиски особенностей национально-культурной специфики языка, возникшей под влиянием этнографических, географических, социальных, исторических и других условий, неизбежно приводят нас к языку фольклора. Язык фольклора, крупницы лингвистических данных на страницах этнической поэзии, прозы предоставляют возможность говорить о единой системе языковой картины мира даргинцев, о соотношении семантики языковых единиц с «миром вещей» [Верещагин, Костомаров 1976: 17].

Для анализа привлечены такие фольклорные произведения, которые нами отнесены к собственно даргинским и даргинское их происхождение не вызывает каких-либо сомнений. Сюжеты их бытуют только в Дагестане, они уникальны, возникли на этнической почве конкретной народности, и отражает такой фольклор реалий, характерные только этому этносу. К примеру, происхождение названий некоторых даргинских сел в точности передают их историю и возникновение. Название села Цухта (расположенного в Левашинском районе) произошло следующим образом: в местности, где ныне расположено это село, раньше был маленький хутор. Там произошёл сильный пожар и все дома сгорели. Вновь отстроенное село получило название «Цухта». В даргинском языке слово «цУх» является частью сложного слова «цУхбиэс» обгореть. Таким образом, название Цухта означает «обугленное, обгоревшее».

Среди объектов фразеологической номинации даргинского языка значительное место занимают моральные качества личности: отношение к себе и другим людям (жалость, эгоизм, уважение, человеколюбие, сочувствие, сострадание, гостеприимство, благодарность, неблагодарность, гордость, зависть, злословие и т.д.); отношение к труду (трудолюбие, лень, щедрость, бережливость, скупость); характеристики честности человека (честность, правдивость, искренность, обман, лицемерие, лесть, предательство); морально-волевые качества (мужество, выдержка, смелость, трусость); ценностно-нормативные понятия (добро, зло, благо).

«Некоторые крупные даргинские аулы или диалектные объединения, такие, например, как Акуша, Цудахар, Усиша, Сираги, Мекеги, Хайдак, Урахи, Губден, Кубачи, Муги, Харбук и другие, отличаются тем, что имеют собственные концептуальные модели мира, обусловленные их бытом и другими этническими особенностями. Модель мира акушинца существенно отличается от модели мира кубачинца, но вместе они создают общедаргинскую картину мира, т.к. культура любого даргинского аула, какая бы оригинальная она ни была, является частью общедаргинской культуры. По такой же модели строятся культуры и модели мира и

других родственных народностей Дагестана, в совокупности образуя общую картину мира горца, обусловленную этнокультурным своеобразием Дагестана» [Исаев 1995: 117].

Важно располагать такими реалиями, как национально-культурная специфика слова, и оценками, принятыми в определенном этническом кругу. У каждой этнической общности своя система оценок того или события. К примеру, мугинцы легко произносят, глядя и тиская грудного младенца, такие страшные проклятия как: x1у улаван г1ямрат вик «чтоб ты был разделен на кусочки, подобные дырочкам сита», x1у пьякввик «чтоб ты лопнул», x1у урх1ли кавш «чтобы тебя убили чужаки», x1у к1ибк1урат вик «чтоб ты распался на орехоподобные кусочки». А в соседнем селении Цухта, да и в других даргинских селах эти проклятия произносят исключительно в адрес кровного врага. В с. Цухта сохранились древние проклятия: x1ела мих1бирличир кец1ни думх1яб «чтобы дети и внуки остались сиротами» (букв. пусть на твоей груди рвутся щенки), x1ер1ибсила x1улби сук1урдирули, касибсила няк1би дур1ули, лех1ах1ибсила лих1би г1янци1дирули, кац1ибсила к1яшми дялчули, чархла лерилра бирк1анти чулах1диаб «у смотревших чтобы глаза ослепли, у взявших руки отсохли, у слушавших уши оглохли, ступивших ноги переломались и, таким образом, чтобы все члены тела искалечились» (в адрес вора).

Важно также выбрать такие произведения фольклора, где субъектами действия являются даргинцы и мир вещей, который их окружает. Мы собирали материал в даргинских селениях, что с полным правом можно отнести к фольклору даргинского этноса. Даргинцы уже много лет обрабатывают землю, сажают капусту, картошку, морковь. Это является их средством существования. Богатый урожай овощей важен для каждой семьи. А проклятие мяк1и лагли дак1 буквально «чтоб рос корнем вперед» означает чтоб ничего не проросло, чтоб семья осталась без средств к существованию.

У каждого даргинского аула имеются слова и выражения, подчеркивающие их реалии: губдалан дабри «губденские чувяки (обувь, украшенная орнаментом)», губдалан гулменди «губденский шелковый платок», х1ярбукан дис «харбукский нож», г1ямузган ханжал «амузгинский кинжал», г1ярбук1ан кулеха «кубачинский браслет», ах1ушала картошка «акушинский картофель», лавашала к1апуста «левашинская капуста» и т. д.

Таким образом, каждый народ видит мир через свою призму. Такие слова и словосочетания создают статическую модель мира каждого даргинского села. У каждого даргинца своя языковая картина мира.

Литература:

1. Верещагин Е. М; Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976.
2. Исаев М-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. – Махачкала, 1995.

Сулаева Ж.А.

Доцент кафедры психологии

Кандидат филологических наук

Дагестанский государственный технический университет

УМ И ЗНАНИЕ В КУМЫКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Для описания различных сторон познавательной деятельности человека категория знание рассматривается философами в оппозиции с динамической категорией незнание, т.е. билимли «знающий – билимсиз «незнающий». Билимсиз — бирни йыгъар, билимли — мингни. «Не знающий свалит одного, а знающий – тысячи; Билимли билип ишлер, билимсиз бармагъын тишлер. «Знающий будет умеючи работать, а не знающий будет ногти грызть».

Все красивое в жизни ничто по сравнению с умом и знаниями: Къонакъны опурагъына къарап къаршылай, гъакъылына къарап узата «По одежде встречают, провожают по уму»; карач.-балкар. Кесинги кийим бла омакълагъандан билим бла омакъласанг игиди «Чем наряжать себя одеждой, лучше украшать себя знаниями»; казах. Кісінің көркі киім емес – білім «Человека украшает не одежда, а знания».

Культурный концепт билим «знание» представляет собой сложную ментальную сущность, в которой могут быть выделены такие концептуальные признаки, как структурные, аксиологические. Они во многом совпадают в наивно-языковом и педагогическом сознании кумыка. Пословицы об образовании и умении в кумыкском языке отличаются достаточной наполненностью. В кумыкской картине мира ум, знание и умение ценились всегда. Знание это нескончаемое богатство и сила: Илмуну береги тер булан сугъарыла. «Древо науки поливается потом»; Илму битмейген хазна «Знание – нескончаемое богатство»; Кумыкские пословицы о знаниях подчеркивают особенности национального характера кумыков: стремление к знаниям, связь жизненного успеха от полученных знаний: Адамгъа гъакъыл пачагъа тах йимикдир «Для человека ум, как для царя трон»; Гъакъыл сатып алынмас «Ум не купить»;

Ум представляет собой один из базовых концептов ментальной сферы внутреннего мира человека, а «способности человека мыслить, понимать, знать всегда по достоинству оценивались социумом на протяжении многих веков» [Кетенчиев 2001: 79]. Это подтверждается следующими примерами: Билими бар башгъа балагъ гелмес «Умной голове беда не придет»; Билимсизлик гёзлери байлангъандан да яман «отсутствие ума хуже, чем завязанные глаза».

Тематический разряд пословиц об образовании в кумыкском языке отличается достаточной наполненностью: Билимсиз иш болмас, ишсиз билим болмас «Без знаний нет работы, без работы нет знаний»; Авамлыкъда авланма «Не склоняйся к глупости»; Билеген оъзю эте, билмейгенге уйрете «Знающий делает сам, а незнающий поручает другому»;

В репрезентации концепта «знание» из лексических средств участвует и лексема англав «понимание»: Авлия дюнъяны байлыгъына, гъакъыллы буса

англавуна умут этер «Глупый надеется на богатство, умный на ум, знания»; Дюньяны четим иши англавсузгъа сѣз англатмакъдыр «Несообразительному объяснить что-то – самое трудное в мире»; Англавсузну йибери, тынглай баргъын артындан «Поручив незнакомке, чтобы сам пошел за ним».

В кумыкской картине мира ум и знание ценились всегда. Кумыкские пословицы и поговорки о знаниях подчеркивают особенности национального характера кумыков: стремление к знаниям, связь жизненного успеха от полученных знаний: Авлия дюньяны байлыгъына, гъакъыллы буса англавуна умут этер «Глупый надеется на богатство, умный на ум, знания»; Адамгъа гъакъыл пачагъа тах йимикдир «Для человека ум как для царя трон»; Гъакъыл сатып алынмас «Ум не купить»; Гъайгевге гъар гюн байрам «Дураку каждый день праздник»; Гъакъыллы иши булан, авлия – авзу булан «Умный – делами, глупец – ртом»; Озьюнгден гъакъыллы булан ёлдаш бол «Дружи с людьми умнее себя».

Умственные способности также соотносятся с самостоятельностью мышления, самостоятельностью получения знаний. Пословицы учат, чтобы человек имел свои собственные знания и не надеялся на знания родственников, родителей. Ср. Атангны билими булан алим болмассан // карач.-балкар. Атангы билими бла алим болмазса «Знаниями отца ученым не станешь»; карач.-балкар. Атангы билими бла алим болмазса «Знаниями отца ученым не станешь»; казах. Білегіңе сенбе, біліміңе сен «Рассчитывай не на силу, а на свои знания».

С помощью ума выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов. [Маслова: 171]. Например: *Авлигъа озъ ую де гъаман ят «Дураку даже свой дом чужой»;*

Дорога к знаниям начинается с колыбели, с детства: Эртен тез турмадынг — Сав гюнню тас этдинг. Яшлыгъында охумадынг — Яшавунгну тас этдинг «Не встал рано утром - весь день потерял; не учился в молодости - всю жизнь потерял».

Знание всегда пригодится, от него нет вреда человеку, от знаний будешь сильным, физическую силу победит знание, образованный человек видит и дальше, и глубже, знания как бы освещают человека - вот основные идеи пословиц когнитивной группы.

Литература:

1. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 2001
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Головина Л.А.

старший преподаватель НТУУ “КПИ”

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “CLIMATE-WEATHER” IN
F.S.FITZGERALD’S NOVEL “THE GREAT GATSBY”

Concept can be defined as a culture-oriented notion which is directly connected to moral values, ideas, perception of the world, what people think of the surrounding world and their own role in it. Concepts belong to the unique layer of the vocabulary of every nation and its culture.

Longman Dictionary of Contemporary English gives the following definition of the word **climate**:

1. the typical weather conditions in a particular area 2. an area with particular weather conditions 3. the general feeling or situation in a place at a particular time: political/economic/social climate [2,p.276].

The main action of the novel takes place in New-York and its suburbs in summer. The theme of summer, hot days and weather prevails in the book giving a vivid and bright picture of the time, place and atmosphere of what was happening in the novel.

The narrator–Nick Carraways lived in the Middle West before World War I. When he returned home he decided to move to New-York to learn bond business and make a career as he did not see any perspective in the native town.

Instead of being the warm centre of the world, the Middle West now seemed like the ragged edge of the universe – so I decided to go East to learn the bond business [1,p.9].

He rents a house in West Egg which he describes as *a weather-beaten cardboard bungalow*. The house contrasts greatly with neighboring mansions and palaces owned by the rich. Nick is full of hopes and expectations and wants to start a new life. His feelings are in full harmony with nature.

And so with the sunshine and the great bursts of leaves growing on the trees, just as things grow in fast movies, I had that familiar conviction that life was beginning over again with the summer [1, p.10].

The writer widely uses descriptive adjectives-epithets and metaphors to describe weather in different parts of the day: *cheerful sun, fervent sun, roaring noon, relentless beating heat, hot twilight, a loud, bright night, velvet dusk, dog days*.

The lights grow brighter as the earth lurches away from the sun. [1, p.46].

The late afternoon sky bloomed in the window for a moment like the blue honey of the Mediterranean [1, p.40].

The day when Gatsby and Daisy met for the first time after five years of separation was a rainy one. There was little hope for Gatsby to be with Daisy again. Rain is often associated with sorrow and depression. In the novel it is emphasized with the help of such descriptive words and phrases as: *it was pouring rain, foggy whitewashed alleys, damp mist, wet hands*.

Wptyw badań naukowych

The rain cooled about half-past three to a damp mist, through which occasional thin drops swam like dew [1, p.91].

Gatsby... was standing in a puddle of water glaring tragically into my eyes [1, p.92].

Later, after Gatsby had had a conversation with Daisy there appeared some hope for him to restore relations. There was a great change in Gatsby, and it stopped raining.

...there were twinkle-bells of sunshine in the room, he smiled like a weather man, like an ecstatic patron of recurrent light... [1, p.96]

Gatsby invited Daisy to his mansion. He wanted to show its luxury and impress Daisy. He wanted them to be together again: It was the time of great hopes and expectations for Gatsby.

Outside the wind was loud and there was a faint flow of thunder along the Sound. All the lights were going on in West Egg now; the electric trains, men-carrying, were plunging home through the rain from New-York. It was the hour of a profound human change, and excitement was generating on the air [1, p.102].

The author gives a very harsh portrayal of Gatsby's patron Dan Cody whom he met being quite young and who influenced immensely the formation of his character and moral values.

Dan Cody was a grey, florid man with a hard, empty face – the pioneer debauchee, who during one phase of American life brought back to the Eastern seaboard the savage violence of the frontier brothel and saloon [1, p.107].

He was a product of Nevada silver fields, of the Yukon, of every rush for metal since seventy-five [1, p.106].

It is an example of how many fortunes were made in America in the 20-ties. It was the time of organized crime, bootlegging and corruption.

Gatsby himself was extremely ambitious, he wanted to become rich by any means. He, as many other Americans, wanted to achieve the American Dream, a symbol of prosperity and success. But money does not always bring happiness. More important things can be lost. Those people who came to Gatsby's parties came only to eat, drink and entertain themselves. Most of them were simply strangers, even not acquainted with Gatsby. The narrator calls it "an amusement park" [1, p.42].

There was music from my neighbour's (Gatsby's) house through the summer nights. In his blue gardens men and girls came and went like moths among the whisperings and the champagne and the stars [1, p.45].

Rush for money and entertainment spoils people. Their life is shallow – no sincere feelings, devoted friends and true love. Gatsby has no friends except Nick, he is extremely lonely and haunted by the dream which will never come true – it is Daisy.

I (the narrator) have an idea that Gatsby himself didn't believe it would come, and perhaps he no longer cared. If that was true he must have felt that he had lost the old warm world, paid a high price for living too long with a single dream. He must have looked up at an unfamiliar sky through frightening leaves and shivered as he found what a grotesque thing a rose is and how raw the sunlight was upon the scarcely created grass. A new world, material without being real, where poor ghosts, breathing dreams like air, drifted fortuitously about... like that ashen, fantastic figure gliding toward him through the amorphous trees [1, p.168].

The theme of frustration and disillusionment runs through the entire book. The writer makes use of a wide range of techniques to achieve his goal. The concept *climate - weather*

plays an important role in this process.

References:

1. The Great Gatsby. F. Scott Fitzgerald.- Penguin books, 1994 – 188p.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. - Pearson Education Limited, 2008 – 1949 p

ДЕТЕРМІНОЛОГІЗАЦІЯ ХОРЕОГРАФІЧНОЇ ЛЕКСИКИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Лексичний склад української мови перебуває у постійному русі. Це виявляється у постійній взаємодії між загальнолітературною та термінологічною лексикою. За швидкого розвитку будь-якої галузі науки або техніки починається активний перехід окремих термінів із спеціального використання в загальне. Зауважимо, що при цьому терміни втрачають наукову точність і розширюють сферу свого вживання. «Детермінологізація (від лат. de... – префікс зі значенням віддалення, припинення, скасування, усунення, *термін* і грец. логос – слово, вчення) – перетворення терміна на загальноживане слово» [18, с. 139]. Термін залишає вузьконаукову сферу свого функціонування і стає відомим не тільки обмеженому колу фахівців, а й усім носіям мови [8, с. 206]. За умов детермінологізації термін втрачає свою концептуальність, однозначність, системність, відбувається спрощення поняття, яке він позначає. Такі слова потребують не дефініції, а, як і інші слова загальної лексики, тлумачення. «Детермінологізовані одиниці втрачають свою основну функцію – номінувати спеціальне поняття, а з виходом за межі вузькоспеціального тексту вони втрачають й статус терміна» [4, с. 3]. Це явище характерне також і для термінів, що перейшли до термінологічної системи танцю із загальнолітературної мови, так і для тих, що утворювалися як танцювальні терміни або були запозичені з інших мов.

Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк розрізняють статичне й динамічне входження термінів. Динамічне передбачає кількісне і якісне збагачення лексики загального вжитку на рівні мовлення; статичне – збагачення лексики на рівні системи, що фіксується тлумачним словником і є уже мовним фактом, а не тільки ознакою мовлення [8, с. 206]. Дослідник А. Д. Хаятін уводить навіть новий термін на позначення цього явища – «терміноїди», одиниці термінології, які або ще не стали термінами, або не відповідають вимогам до термінів, або детермінологізовані й за певних умов перестають бути термінами [20, с. 107]. Ф. О. Нікітіна зазначає, що «у разі виходу терміна за межі фахової літератури не завжди можна говорити про його детермінологізацію. Адже у сфері спеціальної літератури він залишається терміном, незважаючи на проникнення навіть у розмовну мову» [7, с. 6]. Автор називає цей процес (коли слово, залишаючись у складі певної терміносистеми, стає зрозумілим для більшості носіїв мови) різновидом полісемії: слово вживається і в термінології, і в загальнонаціональній мові [7, с. 7].

Процес детермінологізації відбувається активніше, коли поняття, які позначають терміни, стають доступнішими для носіїв мови. Останнім часом в Україні набули широкої популярності танці й танцювальне мистецтво. Чималу роль у цьому відіграли засоби масової інформації, зокрема телебачення. На екранах з'явилися різноманітні розважальні програми танцювального спрямування, де танцювальні терміни ставали доступнішими широкому колу глядачів. Професійна лексика, терміни збагачували лексику загального вжитку на рівні мовлення. До системи

загальноживаної лексики мігрували терміни на позначення різновидів танців, танцювальних стилів, форм, рухів. Так, відомими стали такі терміни танцювального мистецтва, як *па, пліє, пірует, позиція, фігура, пуанти, танго, полонез, румба* тощо [див. 12, т. 6, с. 7, с. 540, с. 815; т. 7, с. 94; т. 8, с. 382, с. 907; т. 9, с. 25; т. 10, с. 32].

Детермінологізація танцювальних термінів відбувається й тоді, коли вони переходять до сфери жаргону, а інколи і сленгу. Так, у «Короткому словнику жаргонної лексики української мови» Л. Ставицької та у «Словнику сучасного українського сленгу» зафіксовано лексеми *джаз* у значенні «добре, чудово» [15, с. 97], *балетки* – 1) туфлі, 2) ірон. тапочки [13, с. 52], вислів *піти у танго* – про життя, сповнене веселощів, розваг (Обурений загал, дізнавшись, що Ч. навіть дома не було, одногослоно вирішив, що Насті увралась пружина та що дівка «пішла у танго» з тим халамидником, який тут щодня «вишивав» із квіточками) [15, с. 254], танго навприсядки – танці п'яної пари [9, с. 68], хоровод – злочинна група, банда [21].

За умов детермінологізації розширюється значення терміна, він співвідноситься не тільки з певним поняттям танцювального мистецтва, а й із набагато загальнішим, розмитим уявленням про нього, характерним для загальнолітературної мови. Крім того, збільшується сфера його вживання, а також можливості сполучуваності.

У терміносистемі танцю існують одиниці, які мають давню історію в розвитку танцювального мистецтва, вони зафіксовані як у загальному, так і в спеціальному словниках. Як приклад можна навести тлумачення однакових лексем у словниках різного типу:

1) *антра'кт* – перерва між діями спектаклю, концерту, циркової вистави і т. ін. [2, с. 12]; *антракт* – 1) перерва між двома діями вистави, між відділами концерту і т. ін. // розм. перерва під час якої-небудь дії, в роботі і т. ін. 2) музичний твір, що виконується між двома діями вистави, опери [12, т. 1, с. 51];

2) *дебют* – перший виступ актора на сцені [2, с. 27]; *дебют* – 1) перший виступ артиста на сцені; 2) початок шахової або шашкової партії [12, т. 2, с. 228];

3) *екзерсис* – комплекс тренувальних вправ у балеті, які сприяють розвитку виворотності, силі м'яз, виробляють правильну постановку тіла, рук і голови, стійкість, координацію рухів [1, с. 370]; *екзерсис* – вправа для вдосконалення техніки виконання танцю, музики [12, т. 2, с. 456]. Такі лексеми поліфункціональні, оскільки ними оперують як у загальному вжитку, так і у вузькій професійній сфері;

4) *па-де-камп* – *одноактний балет, впровадив Ч. Пуньї* [3, с. 58]; *падекамп* – 1) бальний танець, чотиридольного розміру, який поєднує короткий крок з вальсовими рухами, а також музика до нього; 2) балетний танець для чотирьох виконавців, а також музика до нього [12, т. 6, с. 13].

Приклади вживання термінів танцю є й у зразках художньої літератури. У цьому випадку виявляється динамічний аспект, коли термін залишає свою мікросистему й починає вживатися в різних стилях літературної мови. У художньому тексті термін виконує такі основні функції: 1) фіксація понять на науковому рівні; 2) уживання терміна в побутовому значенні; 3) детермінологізація (переносне значення) [8, с. 212].

Наведемо декілька прикладів детермінологізації. Слово *канкан*, наприклад, означає французький танець, відомий при дворі Людовика XIV як бальний танець

плавного, спокійного характеру. У 30-ті роки XIX ст. у Парижі з'явився новий танець із характерним високим закидом ноги [1, с. 114]. Так, у вірші «Відповідь» Володимира Сосюри є такі рядки: «О, скільки спалено невинних ім'ям химерного Христа! Танцюйте швидше ваш канкан, Його скінчить удар багнета!» [14, с. 398], де слово «канкан» уже перейшло в інший парадигматичний ряд й означає не танець, а певні дії суперника, які є небажаними і які обов'язково потрібно зупинити. Інший термін – *аккомпанемент* – означає музичний супровід до сольної партії голосу або інструмента, музичний супровід до танцю, декламації і т. ін. [12, т. 1, с. 27]. Леся Українка вживає цей термін для опису побутової ситуації: «Знов лунає сміх, а з ним єднається прикрим аккомпанементом цинічний регіт підстаркуватої жінки з кокетливими жєстами» [17, с. 577]. Вживання хореографічної лєксики в художній літературі зумовлене й стилістично. Хореографічна лєксика, зокрема, вживається для створення іронії: «У парламенті скаженіють шовіністи, брунькуються фракції, сповзають у воведіль патріоти» [5, с. 25], сарказму: «Одні запевняють, що український народ найкращий, історія – найгероїчніша. Що у нас трипільці глєчики ліпили, коли в Єгипті ще пірамід не стояло, танцювали триколінний гопак, коли у москалів ще й гармошки не було! ... Градус національного пафосу вказує на гарячку» [5, с. 26], порівняння: «Вітер міцнішав і весь час змінював напрямок, наче танцював над сніговійним степом якийсь дикий танець» [16, с. 203], «Кружляють у повітряному танку невагомї сніговї балеринки» [Руденко, Остання шабля, 1959, с. 52], «Але ж, життя! Які кордебалети вигинає життя, привівши ще й до цієї, такої дошкульно щирої розмови» [6, с. 448].

Фіксуємо зразки детермінологізації й у сучасній пресі: «Хореография линий и золотые окантовки жестов, тающие цвета и живые вибрации оттенков – жизнерадостной симфонией звучит новый модный образ» [10, с. 59]. У цьому випадку слово *хореография* вжито не в прямому значенні (1) запис танцю, 2) танцювальне мистецтво в цілому, в усіх його різновидах (значення терміна з к. 19 ст.) [2, с. 564]), а в переносному – для опису нових модних тенденцій. Цей термін використовує й американський цитолог Алїса Фултон («хореография клітини») на позначення процесів впорядкованого, регульованого перерозподілу клітинних компонентів [19, с. 5].

Отже, детермінологізація – вид лєксичної і структурної взаємодії між лєксикою загального вживання літературної мови та термінологічною лєксикою різних сфер пізнання. Терміни танцювального мистецтва виходять зі своєї мікросистеми і стають зрозумілими для більшості носіїв мови, поповнюючи загальнонаціональну лєксикау. Цьому сприяє популяризація танцювального мистецтва засобами масової інформації, а також історичні джерела танцю та його роль у житті людей. Аналізований процес є позитивним, оскільки доводить певну наукову інформацію до широких кіл носіїв мови.

Список використаної літератури:

1. Балет. Танец. Хореография. Краткий словарь танцевальных терминов / составитель Н. А. Александрова. – Санкт-Петербург – Москва – Краснодар, Спб.: издательство “Лань”, издательство “Планета музыки”, 2008. – 416с.
2. Балет. Энциклопедия / Главный редактор Ю. Н. Григорович. – М.: “Советская энциклопедия”, 1981. – 623с.

3. Житар М. С. Український балет. Українське музично-сценічне мистецтво / Микола Житар. – Хмельницький: видавництво А. Цюпак, 2009. – 64 с.
4. Колесникова І. Проблема норми в термінології / Ірина Колесникова // Українська мова та література. – Число 19. – 2003. – С. 3–7.
5. Костенко Л. В. Записки українського самашедшого / Л. В. Костенко. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011. – 416 с.
6. Ле І. «Роман міжгір'я» / Іван Ле. – К.: Держлітвидав, 1953
7. Нікітіна Ф. О. Семантичні та словотворчі проблеми сучасної термінології / Ф. О. Нікітіна. – К.: Видавництво при Київському державному університеті видавничого об'єднання «Вища школа», 1978. – 31с.
8. Панько Т.І., Кочан І. М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство: підручник / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. – Львів: Світ, 1994. – 216с.
9. Перший словник українського молодіжного сленгу / укл. С. Пиркало. За ред. Ю. Мосенкіса. – К.: ВІПОЛ, 1998. – 84 с.
10. Романенко Е. Днем с огнем // Женский журнал. – апрель 2011. – С.59.
11. Руденко М. Д. Остання шабля: роман / М. Д. Руденко. – К.: Молодь, 1959. – 574 с.
12. Словник української мови. – К.: Наукова думка, 1980.
13. Словник сучасного українського сленгу / Упорядник Т. М. Кондратюк. – Харків: Фоліо, 2006. – 350с.
14. Сосюра В. М. Твори в 3-х томах / В. М. Сосюра. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1957. – Т.1. – 450с.
15. Ставицька Леся. Короткий словник жаргонної лексики української мови: Містить понад 3200 слів і 650 стійких словосполучень / Леся Ставицька. – К.: Критика, 2003. – 336с.
16. Тулуб З. П. В степу безкраім за Уралом / З. П. Тулуб. – К.: Держлітвидав, 1964. – 509 с.
17. Українка Леся. Твори в 5 томах / Леся Українка. – К.: Держлітвидав, 1952. – Т.3. – 802с.
18. Українська мова: енциклопедія. – К. : Видавництво Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – 833 с.
19. Фултон А. Цитоскелет: архітектура и хореографія клітки / А. Фултон. – М.: Мир, 1987. – 120 с.
20. Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура / А. Д. Хаютин. – Самарканд, 1971. – 130с.
21. <http://fenya.com.ua/index.php>

Ласица Л.А.

кандидат филологических наук,
Оренбургский государственный университет

Ачкасова Е.

МОБУ «Лицей №1», г. Оренбург

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ «БРИТАНИЯ» В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

В условиях глобализации английский язык, который для многих российских школьников является основным иностранным языком, изучаемым в рамках школьной программы, становится все более востребованным. Учащимся предоставляются широкие образовательные возможности: перспективы зарубежных стажировок, возможности личного общения с иностранцами. В этой связи актуально будет выяснить, какие представления о Британии, стране изучаемого иностранного языка, имеют российские учащиеся.

Наиболее подходящей исследовательской процедурой в лингвистике для решения подобной задачи, является ассоциативный эксперимент – «прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [3]. При его проведении испытуемому предлагают ответить словом-реакцией, первым пришедшим в голову при предъявлении слова-стимула, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова-реакции. Регистрируется тип возникающих ассоциаций, частота однотипных ассоциаций. Конечным продуктом эксперимента является совокупность ассоциаций, которые ранжируются по степени частотности. Наиболее частотные реакции образуют ассоциативное поле слова-стимула. В это поле могут входить разнородные феномены: реалии, дескриптивные прилагательные, прецедентные имена, прецедентные высказывания и т.д. [5] Ассоциативное поле включает ядро (наиболее частотные реакции) и периферию.

Нашей целью является моделирование ассоциативного поля понятия «Британия», существующего в сознании российских школьников на основании совокупности ассоциаций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Актуальность исследования с применением свободного ассоциативного эксперимента связана с тем, что анализ результатов дает доступ к языковому сознанию индивида и социума. Само ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт» [7, с. 152]. Следовательно, на основе анализа ассоциаций, возникающих у информантов, можно говорить не только об индивидуальных особенностях восприятия действительности, но и о социальном характере реакций. В нашем случае речь идет о совокупности типичных реакций, отражающих представления о Британии, имеющиеся в сознании школьников.

Материалом исследования служит корпус реакций на слово стимул «Британия» общим объемом 714 компонентов, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента с учениками Лицея №1 г. Оренбурга. Данное учебное заведение здесь выступает образцом среднестатистической современной российской школы, поэтому мы осмелимся предположить, что результаты, полученные в ходе исследования, являются типичными для большей части российских школьников.

Итак, на первом этапе нашего исследования был разработан стимульный материал – анкета для проведения эксперимента. В анкету были включены следующие пункты, обязательные для каждого испытуемого: возраст, класс, пребывание в Британии. Эти данные об информантах позволяют получить более полную модель ассоциативного поля. Предположим, что эти показатели окажут значимое влияние на особенности реакций и, следовательно, на структуру ассоциативного поля. Задача, которая ставилась перед участниками, – дать пять реакций на слово-стимул «Британия».

Итак, общее число испытуемых – 186 человек, 82 – мальчика, 104 – девочки. Возраст участников варьируется от 14 до 17 лет. В роли испытуемых выступили ученики 7 – 11 классов Лицея №1. Общее количество реакций – 714. При обработке полученного материала, было установлено, что не все учащиеся строго следовали инструкции: только 50% испытуемых дали требуемые 5 реакций на слово-стимул.

Считается, что на характер ассоциаций оказывают влияние множество факторов: возраст, пол, профессия человека и др. Мы полагаем, что личный опыт посещения страны-стимула, несомненно, должен влиять на реакции информанта, придавая им более субъективный характер. Однако, число учеников, побывавших в Британии всего лишь 11% от общего числа, тогда как подавляющие 89% испытуемых никогда не ездили в эту страну. Т.е. та информация, которой они владеют, получена не посредством личного опыта, а на уроке или же через СМИ, поэтому большая часть ассоциаций, скорее всего, будут типичными, а не индивидуальными.

Для обработки корпуса полученных реакций мы обратились к информационной системе графосемантического моделирования «Семограф». «Она предназначена для работы с информационными массивами: выборками текстов, смысловыми компонентами, смысловыми полями и др., – оформляемыми в виде баз данных» [4].

Мы внесли в созданный нами на сайте «Семограф» проект все полученные реакции и информацию о каждом информанте.

Каждое слово-реакция рассматривалось в качестве отдельного компонента. Затем, пользуясь методами компонентного анализа и полевого анализа [1], мы сгруппировали все 714 компонентов в 21 смысловое поле.

Отметим, что один и тот же компонент может входить в несколько смысловых полей. Например, реакция *Букингемский дворец* является компонентом полей *Лондон* и *Достопримечательности*, т.е. является одной из достопримечательностей Британской столицы. Кроме того этот компонент входит в поле *Монархия*, т.к. это – официальная резиденция королевской семьи. Реакция *красный автобус* – компонент полей *Транспорт*, *цвет*, *Лондон*, т.к. именно на улицах Лондона можно увидеть этот вид транспорта.

«Семограф» позволяет создавать на основании дополнительных данных (в

нашем случае это – возраст, пол) столько наборов компонентов, сколько необходимо для проведения исследования. Мы создали 3 активных набора компонентов на основании а) пола (м / ж), б) учета всех данных. В рамках каждого набора был осуществлен анализ частотности полей и компонентов, который позволил выделить поля наибольшего объема, которые преодолели порог значимости (объем поля – выше среднего). Во всех трех наборах такими оказались 12 полей: *Лондон, Достопримечательности, Люди, Британские топонимы, Культура, Монархия, Природа, Флаг, Транспорт, Цвет, Еда, Спорт*.

Рассмотрим эти поля подробнее. Самым большим полем по числу вошедших в него компонентов является поле *Лондон* – 114. Компоненты объединяются общим признаком – каждый из них имеет отношение к британской столице. Например, *Тауэрский мост, Тауэр, Лондон Айз* – расположенные в Лондоне достопримечательности; *Олимпиада 2012* проходила в этом городе; *Булочки с Бейкер-стрит* – одной из лондонских улиц; *ванильки* – молодёжная субкультура, самими известными элементами которой являются футболки с надписью «I love London» и «I love NY».

Поле *Достопримечательности* (98 компонентов) включает в себя такие компоненты, как *Биг-бен, Тауэрский мост, Тауэр, Лондон Айз, музей Мадам Тюссо* и др. Наиболее частотной реакцией в этой группе и вообще во всем исследовании является Биг-Бен (86 раз). Не зря его называют одним из символов Великобритании.

Смысловое поле *Люди* (82 компонента) состоит из имен собственных знаменитых британцев (*Джеймс Бонд, Шерлок Холмс, Елизавета II, Гарри Поттер, Джоан Роулинг, Артур Конан Дойл, Кейт Мидлтон*), обобщенных понятий (*королева, британки, стражи*). Некоторые реакции обозначают людей, которые на самом деле являются американцами – Тэйлор Мишель Момсен (американская актриса, рок-певица, гитаристка и фотомодель) и некоторые другие. Примеры американских реалий можно найти также в полях *Достопримечательности, Культура* и *Американские реалии*, что устанавливает между ними смысловую связь.

Интересно, что наиболее частотной реакцией в этой группе является *королева* (38 раз), тогда как личное имя *Елизавета II* встретилось только 2.

Название смыслового поля *Британские топонимы* (74 компонента) говорит само за себя. Его компонентами являются следующие ассоциации: *Темза, Лондон, Шотландия, Оксфорд, ирландские танцы, Бен-невис, Кембридж* и др.

В толковом словаре *Культура* трактуется как 1) «Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни»; 2) «Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью» [2]. В смысловое поле *Культура* (52 компонента) входят реакции, связанные с музыкой, кино, телевидением (*культура, кино, цивилизация, музей Мадам Тюссо, the Beatles, sex pistols* и др.).

Смысловое поле *Монархия* состоит из 50 компонентов, имеющих отношение к королевской семье (*королева, монархия, Елизавета II, Букингемский дворец, королевская гвардия, Кейт Мидлтон*).

Поле *Природа* включает в себя 48 реакций, которые семантически соответствуют определению, данному в толковом словаре «Природа – совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат), органический

и неорганический мир, все существующее на земле, не созданное деятельностью человека» [6] – *река, природа, остров, дождь, английский бульдог, английские парки, зеленая трава* и др.

Названия *Флаг* (44 компонента), *Транспорт* (36 компонентов), *Еда* (34 компонента), *Спорт* (24 компонента) объясняют сущность реакций, являющихся компонентами этих полей.

Смысловое поле *Цвет* (24 компонента) состоит из ассоциаций, содержащих в себе название какого-либо цвета. Примечательно, что Британия ассоциируется у лицеистов только с 2 цветами – *красным* (*красный цвет, автобус красный, красные двухэтажные автобусы, красная телефонная будка*) и *зеленым* (*зеленая трава, зелёные поляны*).

Согласно полевому подходу, структуру некоторых лингвистических объектов можно представить как поле, имеющее ядро и периферию разной степени удаленности. Воспользовавшись статистической методикой, мы по аналогии определили, что поле *Лондон* является ядром ассоциативного поля «Британия» (его объем превышает ср. + 2σ); смысловые поля *Достопримечательности, Люди, Британские Топонимы* составляют ближнюю периферию (их объем превышает ср. + σ); поля *Культура, Монархия, Природа, Флаг, Транспорт, Цвет, Еда, Спорт* располагаются на дальней периферии ассоциативного поля (их объем выше среднего показателя (ср.), но меньше ср. + среднеквадратичное (σ)). Остальные смысловые поля (их объем – меньше среднего) находятся на крайней периферии, являясь, по сути, случайными реакциями. Гипотеза о том, что такие личные данные информантов как пол, возраст, первый язык станут причиной существенного различия в реакциях не подтвердилась. Большинство ассоциаций были типичными, общими для многих учащих.

Работа носит практический характер, поскольку на основании полученных результатов можно внести коррективы в процесс обучения английскому языку в российских школах, сместив фокус на те аспекты, которые в структуре ассоциативного поля расположены на дальней и крайней периферии, чтобы учащиеся расширили свои знания в этих областях.

Литература

1. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. Ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://dic.academic.ru> – 14.01.2013
3. Горощко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горощко. – М. – Харьков: ИЯ РАН - Каравелла, 2001. - 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?ID=38> – 10.01.2013
4. Информационная система графосемантического моделирования «Семограф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://семограф.рф/> – 11.01.2013.

5. Мучкина, Е.С. Ассоциативный эксперимент в исследовании этнических стереотипов / Е.С Мучкина // материалы II Межвузовской научно-практической интернет-конференции с международным участием «Приенисейская Сибирь как лингворегион». – Красноярск, 2009.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://dic.academic.ru> – 14.01.2013
7. Паутова, Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения / Л.А. Паутова // Социология. – М., 2007. – № 24. – С. 149 – 168.

Велиева Б. Т.

Студентка 3 курса

Крымского инженерно-педагогического университета

РЕАЛИЯ КАК НЕПЕРЕВОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕКСТЕ

Как известно, в любом художественном произведении есть такие элементы текста, которые, условно говоря, перевести нельзя. Мы говорим «условно», так как речь идет о невозможности формального перевода, а для полноценного воссоздания целого нужно последовать совету Гоголя [1, с. 144].

Ярким примером непереводаемых элементов текста являются реалии. Этим термином мы воспользовались в первой нашей публикации² для обозначения слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам.

С тех пор минуло почти двадцать лет. За это время теория перевода ушла далеко вперед. Появилось немало работ, касающихся и нашей темы. Некоторые авторы соглашались с нашими установками, ссылаясь или не ссылаясь на них; другие оспаривали те или иные детали, предлагали те или иные изменения, в том числе и в классификации. Богатый фактический и теоретический материал накопился и в наших картотеках, было сделано немало наблюдений; более четким стало понимание реалий как единиц перевода, их значения в теории и практике перевода, а также в лексической системе языка и в лексикографии. Вообще реалии оказались категорией намного более интересной, а вместе с тем и не такой простой и однозначной, как казалось сначала. Раскрылись чрезвычайно разветвленные их связи со множеством других лексических, фразеологических и экстралингвистических элементов текста, их способность переходить в другие категории. Все это обязывало нас дать более серьезную трактовку вопросов, связанных с переводом реалий; эти разработки составили первую часть настоящей книги [3, с. 352].

Более четкие границы приобрели вопросы перевода фразеологии, имен собственных, тесно связанных с реалиями внеязыковых элементов, а также обращений, терминов, иноязычных вкраплений, звукоподражаний, таких мало разработанных в теории перевода явлений, как отход от литературной нормы, каламбур, сокращения. Этот материал оказался настолько обширным и разнообразным, что пришлось ограничиться изложением максимально необходимого, важнейшего и наименее освещенного в литературе. Все вышеперечисленное составило вторую часть книги [2, с. 168].

Реалии — наиболее яркие выразители колорита; поэтому наше внимание было сосредоточено прежде всего на них, поэтому и раздел о реалиях является как бы объединяющим для всех остальных, посвященных рассмотрению более или менее связанных с ними единиц перевода.

Так как особый колорит присущ прежде всего художественной литературе, мы старались не выходить за рамки проблем художественного перевода (не касаясь

перевода поэзии как совсем особой области). Однако в художественном произведении можно встретить и все то, что встречается в общественно-политической, научной и технической литературе (даже самой узкоспециальной). Отсюда закономерно, что мы включили в рассматриваемые нами вопросы художественного перевода и элементы, присущие другим жанрам [1, с. 144].

Таким образом, перевод реалий — часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, должно быть, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины. Не ставя себе целью дать исторический обзор, приведем только некоторые факты и имена, связанные с разработкой данной проблемы в переводоведении [4].

Этой области в той или иной степени, с той или иной точки зрения касались и касаются все теоретики перевода, из нее переняли свои доводы сторонники непереводимости, их опровергали теоретики-реалисты, указывая и доказывая возможности передачи колорита путем отхода от перевода «буквы». Немало о «передаче национального своеобразия» подлинника, «народного духа» и «национальной специфики», о «чертах времени и места», о «сохранении стилистического своеобразия подлинника», о передаче текста «в его национальной одежде» писал и Ив. Кашкин [2, с. 170].

В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению реалий в языке. Среди реалий всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы. Отсюда следует, что реалиям присущ и временный колорит [4].

Литература:

1. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров // М: Высшая школа, 1968, 144 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимото в перевода. Реалии. – Български език / С. Влахов, С. Флорин // 1960, кН. 2-3, с. 168 -170.
3. Федоров А. В. Указ соч. / А. В. Федоров. – соч., с. 352
4. Гудий К. А. Реалии и имя собственное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eprints.tversu.ru/1314/1/246-249_%D0%93%D1%83%D0%B4%

Сидорук Д.І.

магістрант Національного авіаційного університету, м.Київ

Басок В.А.

к. філол. н., доц. каф-ри англійської мови та перекладу НАУ, м.Київ

ВІДТВОРЕННЯ СЕМАНТИКИ ЮРИДИЧНИХ ТЕРМІНІВ В ПЕРЕКЛАДІ ПРОЕКТУ ЦИВІЛЬНОГО КОДЕКСУ ЄВРОПИ

Стаття присвячена дослідженню способів відтворення семантики англомовних термінів при перекладі Проекту Цивільного Кодексу Європи. Основне завдання статті полягає в систематизації шляхів і способів перекладу юридичних термінів та визначенні їх структурно-семантичних особливостей. Актуальність дослідження зумовлена зростанням дослідницького інтересу до вивчення лексикології та перекладознавства й відсутністю у вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці комплексного аналізу прийомів перекладу юридичної термінології з англійської мови на українську.

Термін (від лат. *terminus* — межа, кордон) — слово або словосполучення, яке точно й однозначно визначає чітко окреслене певне поняття будь-якої галузі науки, техніки, мистецтва, суспільного життя тощо і його співвідношення з іншими поняттями в межах певної сфери [7, с. 968].

В даний час налічується більше 3000 визначень поняття термін, але тим не менше його зміст не з'ясовано до кінця. Дослідники зробили спробу відповісти на запитання, чому немає загальноприйнятого визначення терміна. Це пояснюється, на думку В.Д. Табанакової, тим, що ще недостатньо розроблені теоретичні основи термінознавства, не диференційовані його основні поняття і немає єдиної думки про те, що таке науково-технічний термін [5, с. 24].

Зазвичай фахівці користуються робочими визначеннями терміна, які, як правило, неповні, однак відображають його істотні властивості, наприклад, визначення Г.О. Винокура: «У ролі терміна може виступати будь-яке слово... термін – це не особливе слово, а тільки слово, що має особливу функцію, функцію найменування спеціального поняття, назви спеціального предмета або явища» (Див., наприклад, [2, с. 77]).

Юридичним перекладом називають переклад текстів, які відносяться до області права і використовуються для обміну юридичною інформацією між людьми, які розмовляють різними мовами. Оскільки право є предметною областю, пов'язаною із соціально-політичними та культурними особливостями країни, юридичний переклад є не простим завданням. Для адекватної передачі юридичної інформації мова юридичного перекладу повинна бути особливо точною, зрозумілою і достовірною.

Залежно від типу юридичних документів юридичний переклад поділяється на [там само, с. 131]: переклад законів та нормативно-правових актів та їх проектів; переклад договорів; переклад юридичних меморандумів; переклад нотаріальних посвідчень; переклад установчих документів юридичних осіб; переклад довіреностей.

У процесі перекладу терміна визначають два етапи [1, с. 125]: 1.З'ясування значення терміну в контексті; 2.Переклад значення рідною мовою.

Одним із головних прийомів перекладу термінів є переклад за допомогою лексичного еквіваленту. Еквівалентом називають постійну лексичну відповідність, яка точно збігається зі значенням слова [7, с. 243]. Терміни, які мають еквіваленти у рідній мові, відіграють важливу роль при перекладі. Вони слугують опорними пунктами у тексті, від них залежить розкриття значення інших слів, вони дають можливість з'ясувати характер тексту. Тому потрібно вміти знаходити відповідний еквівалент у рідній мові і розширювати знання термінів-еквівалентів.

Але оскільки юридичні терміни є переважно складні терміни або терміни-словосполучення, то вони і є основною проблемою перекладу юридичного тексту.

Переклад терміносполук складається з двох основних процедур – аналітичної та синтетичної. Велику роль при перекладі словосполучень відіграє саме аналітичний етап, що означає переклад окремих компонентів словосполучення. Для цього необхідно правильно визначити компоненти складного терміна, оскільки ними можуть бути не тільки слова, а й словосполучення, що входять до складу терміносполук. Важливо також встановити, в яких семантичних відносинах перебувають компоненти між собою та з головним компонентом терміна-словосполучення. Характер цих відносин й визначає порядок та сам зміст перекладу складного терміну. Синтетичний етап перекладу передбачає побудову компонентів залежно від зазначених семантичних відносин і отримання остаточного варіанту перекладу складного терміну. Значні труднощі викликають терміни, до складу яких входять групи слів, так звані багатокомпонентні терміни [4, с. 56].

До основних прийомів перекладу термінів-словосполучень відносять [6, с. 95]: 1.описовий спосіб; 2.прийом транскрибування; 3.прийом калькування; 4.переклад за допомогою використання різних прийменників.

Описовим перекладом називають спосіб перекладу, що використовується в тих випадках, коли не існує жодної іншої можливості передачі мовної одиниці внаслідок відсутності еквівалентів та аналогів в мові перекладу. Описовий переклад полягає в передачі значення іноземного слова за допомогою поширеного пояснення. Сутність процесу трансформації полягає в перетворенні внутрішньої форми слова чи словосполучення або повній її заміні для адекватної передачі змісту висловлювання [там само, с. 101]. Наприклад, *account* – несплачена боргова вимога; *acknowledgment of will* – неофіційне признание заповідачем перед свідком, що може це підтвердити, що підпис під заповітом належить заповідачеві; *accrual right* – право на витягнення доходу.

Прийом транскрибування полягає в передачі не орфографічної форми слова, а фонетичної. У силу значної відмінності фонетичних систем української та англійської мов, така передача завжди трохи умовна і відтворює лише подобу англійського звучання. Наприклад, *Special Systems Industry* – Спеціал Систем Індастрі [3, с. 21].

Калькуванням називають відтворення комбінаторного складу слова або словосполучення, при якому складові частини слова (морфеми) чи фрази (лексеми) перекладаються відповідними елементами мови перекладу з наступним складанням перекладених частин без будь-яких змін [3, с. 23]. Наприклад, *according to law* – згідно

з законом; *accomplice of attempt* – співучасник у замаху.

Важливим є також спосіб перекладу юридичних термінів за допомогою використання прийменників [3, с. 24]. Наприклад, *to acknowledge the compliment* – відповісти на почесі; *accreditee person* [7, с. 88] – особа, в присутності якої виконується акредитування .

Для терміна, що відноситься до групи однозначних лексичних відповідностей, властива однозначність і незалежність від контексту. Однак перекладачі постійно стикаються з багатозначністю термінів, значення яких виявляється тільки на основі контексту. Навіть у межах однієї термінологічної системи – галузі права – слово може мати кілька значень, тому для правильного перекладу потрібно знання як лінгвістичного, так і екстралінгвістичного контексту. Наприклад:

security agreement [7, с. 121]: договір про безпеку (дипломатичний термін); договір про забезпечення боргу (наприклад, у договорі позики).

relief [3, с. 209]: засіб судового захисту за правом справедливості; звільнення від сплати, відповідальності; знижка з ціни, податку.

Дослідження дозволяє зробити висновок, що в юридичній термінології зустрічаються переважно складні терміни та терміни-словосполучення, переклад яких складається з двох основних процедур – аналітичної та синтетичної. Велику роль при перекладі словосполучень відіграє саме аналітичний етап – переклад окремих його компонентів. При перекладі юридичних термінів застосовуються такі прийоми як загальний опис поняття, транскрибування, калькування та переклад за допомогою прийменників. Найбільшою проблемою, що виникає при перекладі юридичних термінів, є їхня багатозначність, тому необхідно здійснювати його, орієнтуючись на контекст як словосполучення чи речення, так і всього тексту.

Література:

1. Арнольд І. В. Лексикология современного английского языка. / І. В. Арнольд – М.: «Высшая школа», 1986. – 295 с.
2. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология». // Развитие лексики современного русского языка. – М.: «Наука», 1965. – С. 77-80.
3. Карабан В. І. Посібник-довідник з перекладу англійської наукової і технічної літератури на українську мову. / В. І. Карабан – К.: «TEMPUS», 1999. – 317 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров – М.: «Высшая школа», 1990. – 253 с.
5. Табанакова В. Д. Понятие научно-технического термина и требования к его определению. // Термин и слово. Межвузовский сборник. – Горький: ГГУ, 1982. – С. 21-27.
6. Федоров А. В. Основы теории перекладу. / А. В. Федоров – М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 218 с.
7. Collins Н. The European Civil Code. The Way Forward. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 267 с.

